

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

С. И. ДМИТРИЕВА

Географическое распространение русских былин

по материалам конца XIX
— начала XX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1975

Введение

Русским былинам посвящено большое число научных исследований. Они стали одним из главных объектов изучения для представителей всех основных научных течений в области народного поэтического творчества. На материале былин были поставлены и решены многие важные вопросы в изучении фольклора, такие, как генезис эпической поэзии, роль личного мастерства, поэтика фольклорных произведений и др.¹

Былины использовались в качестве исторического источника в трудах как дореволюционных историков, так и советских. Б. Д. Греков называл былины «историей, рассказанной самим народом», и свое известное исследование о Киевской Руси начал с оценки этого периода русской истории в былинах². Д. С. Лихачев обращался к былинам как к источнику для воссоздания истории культуры древней Руси³. Былины неоднократно использовал в своих работах Б. А. Рыбаков⁴. Отстаивая ценность былин как «превосходного и единственного в своем роде исторического источника», Б. А. Рыбаков пишет, что «по мере углубления в былинные сюжеты и сопоставления их с реальными событиями, записанными в летописях, выяснилась их бесспорная народность и историчность, конкретность эпических героев и событий»⁵.

Данные былин часто привлекались для расшифровки археологических находок. Например, Б. А. Рыбаков для объяснения орнамента на турьем роге, найденном в «Черной могиле» близ

¹ См.: А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 28—88.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 5.

³ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национально-государства (конец XV — начало XVI в.). М., 1946, стр. 73—81; *он же*. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., 1962, стр. 108—115 и др.

⁴ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вжищ. «По следам древних культур», вып. 2. «Древняя Русь». М., 1953; *он же*. Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии СССР», т. XI, 1953; *он же*. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *он же*. Первые века русской истории. М., 1964.

⁵ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 4.

Чернигова, использует былинку об Иване Годиновиче⁶. В. Л. Янин, описывая историю Новгорода по археологическим раскопкам последних десятилетий, приводит такой яркий пример: «Много лет назад рыбаками был извлечен из Ильменя сапог зеленого сафьяна. Долгое время он считался подделкой из-за своей необычной формы: тонкий изогнутый каблук, высоко загнутый кверху носок. Сомнения разрешили былинки, в которых такая художественная обувь описана:

...Сапожки — зелен сафьян,
Вот шилом пяты, носы востры.
Вот под пяту, пяту воробей пролети,
Около носа хоть яйцо прокати⁷.

Работы А. В. Маркова⁸, С. К. Шамбинаго⁹ и Р. С. Липец¹⁰, исследовавших отражение в эпосе элементов материальной культуры и общественного быта древней Руси, показали, что былины представляют собой превосходный этнографический источник.

Однако, несмотря на обилие литературы по былинам, пожалуй, ни для одного вида русского поэтического творчества не существует столько спорных вопросов. Ряд проблем, касающихся былин, был только поставлен и не нашел окончательного разрешения. К их числу принадлежит вопрос о географическом распространении русского эпоса. Между тем без него невозможно решение одной из центральных проблем фольклористики — происхождения былин и их последующей истории. Безусловно, проблема хронологии былин требует привлечения разнообразных данных — характеристики образов, языка и поэтики былин, отражения в них исторических реалий и т. п. Изучение географического распространения былин может явиться одним из этапов в решении этой проблемы.

* * *

Специально географии былин была посвящена только статья В. Ф. Миллера «Наблюдения над географическим распространением былин»¹¹, появившаяся в 1894 г. Хотя автор называет этот вопрос «домашним», т. е. не имеющим первостепенного зна-

⁶ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 44—48.

⁷ В. Л. Янин. Великий Новгород. «По следам древних культур», вып. 2. М., 1953, стр. 240.

⁸ А. В. Марков. Бытовые черты русских былин. «Этнографическое обозрение». М., 1903, № 3-4.

⁹ С. К. Шамбинаго. Древнерусское жилище по былинам. «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера». М., 1900, стр. 129—150.

¹⁰ Р. С. Липец. Былины у промыслового населения русского Севера XIX — начала XX века. «Славянский фольклор» («Труды Института этнографии АН СССР», т. XIII). М., 1951; она же. Эпос и древняя Русь. М., 1969.

¹¹ Впервые напечатана в «Журнале Министерства народного просвещения». 1894, № 5.

чения в изучении былили, однако, по его мнению, решение его «может пролить некоторый свет на скрытое от нас прошлое нашего былевого эпоса...»¹². В начале статьи автор отводит сомнения в целесообразности самого вопроса о географическом распространении былили. «Могут указать на то, что записывание былили в той или другой губернии России — дело чисто случайное. В одной губернии нашелся любознательный собиратель, и написались былилины; в другой — такого собирателя не было, и в сборнике Киреевского былили из нее не оказывается. Особенно почастливилось Олонецкой губернии, благодаря неутомимым исследователям Рыбникову и Гильфердингу, — и репертуар олонецких сказителей дал сотни былили. Такого рода соображения о случайности былилиных записей могут казаться убедительными лишь до тех пор, пока мы пристальнее не присмотримся к делу записывания былили... Можно положительно сказать, что, начиная с 60-х годов, когда появляются первые выпуски сборников Киреевского и Рыбникова, когда знакомство с народными былилинами входит в программу преподавания средне-учебных заведений, когда о русском богатырском эпосе появляются журнальные статьи, — высокое значение и научный интерес былили достаточно проникли в сознание всякого любителя-этнографа, имевшего случай записывать произведения народного творчества из народных уст. Об обилии записей, производившихся в течение последнего тридцатилетия в разных уголках России и Сибири, свидетельствуют многочисленные сборники «бытовых» песен, появившиеся за это время, и значительное число сотрудников, приславших свои записи известным собирателям: Киреевскому (Даль, Языков, Якушкин), Шейну и др. Несомненно, что всякому любителю-этнографу было бы особенно лестно записать какую-нибудь новую былилину, открыть какого-нибудь богатыря. Однако результаты тридцатилетних поисков былили в разных областях России, за вычетом губерний Олонецкой и Архангельской и некоторых местностей Сибири, оказываются крайне скудными»¹³. Все приведенные факты, по мнению В. Ф. Миллера, дают право «придать известное значение местам былилиных записей и подвергнуть их внимательному просмотру»¹⁴.

Анализируя распространение былили, В. Ф. Миллер впервые обратил внимание на то, что на Украине и в Белоруссии былилины не были записаны, хотя разыскивались там достаточно тщательно. Вопреки мнению большинства современных ему исследователей, считавших украинские и белорусские сказки об Илье Муромце и других эпических героях свидетельством существования былили в прошлом, В. Ф. Миллер правильно полагал, что эти сказки так же мало говорят о былилиной традиции, как подобные же

¹² В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 66.

¹³ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 66—67.

¹⁴ Там же, стр. 67.

сказки, записанные у латышей, финнов, якутов и других нерусских народностей¹⁵. Рассматривая географию былин в русских областях, исследователь указал на неравномерность распространения былинных очагов в них и сосредоточение былин преимущественно в Олонецкой губернии. Тот факт, что Олонецкая губерния входила в древности в новгородскую Обонежскую пятину, позволил В. Ф. Миллеру выдвинуть гипотезу о том, что «метрополней Олонецкой колонии нашего эпоса» был Великий Новгород¹⁶. Объясняя «скудность былин» в центральных и южных русских губерниях, автор высказал предположение, что в XV и XVI вв. не все русские области были одинаково богаты былевыми песнями и не все сюжеты и эпические герои были известны в южных, центральных и приволжских областях. Главным очагом былинного творчества В. Ф. Миллеру представлялись северо-западные части России, подчиненные новгородскому культурному влиянию¹⁷.

Несмотря на то, что большинство выводов и предположений В. Ф. Миллера, сделанных в разбираемой статье, были верными, они почти не нашли сторонников как среди современных автору, так и среди большинства последующих исследователей. Этому, вероятно, способствовала недостаточная доказательность высказанных Миллером предположений, основанных больше на его необыкновенной интуиции, нежели на бесспорных аргументах. К тому же в этой своей работе Миллер мог использовать только сборники былин П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга; сборники А. В. Маркова, А. Д. Григорьева и Н. Е. Онуцкого, являющиеся важным источником для изучения географического распространения былин, были составлены позднее. На концепции В. Ф. Миллера сказалось и состояние исторической науки того времени. История заселения Севера была изучена слабо, чем, вероятно, можно объяснить некоторые не совсем верные предположения автора. Непризнанию взглядов Миллера могла способствовать и его собственная непоследовательность. В очерке «Русская былина, ее слагатели и исполнители», появившемся через год после выхода в свет статьи о географическом распространении былин, Миллер, анализируя поэтические особенности былин, отвел слишком большую роль не только в создании, но и в распространении богатырского эпоса скоморохам, бежавшим на Север из центров культурной жизни России¹⁸.

* * *

Случилось так, что вопрос о географическом распространении былин, решение которого должно основываться на изучении имеющихся фактических записей эпических произведений, был по

¹⁵ *Вс. Миллер. Очерки...*, т. I, стр. 68.

¹⁶ Там же, стр. 73.

¹⁷ Там же, стр. 91—93.

¹⁸ Там же, стр. 22—64.

существом заменен вопросом о распространении былины в далеком прошлом, от которого до нас не дошли записи былины. Возможно, что толчком для этого послужили высказывания В. Ф. Миллера о том, что на Украине и в Белоруссии настоящих былин не удалось записать ни одному этнографу и по существу имена былинных богатырей там неизвестны¹⁹. Большинство исследователей, касавшихся географии былины, старались привести как можно больше примеров, доказывающих, по их мнению, что богатырский эпос был известен Украине и Белоруссии в прошлом. Основным аргументом, вопреки мнению Миллера, служили сказки о богатырях и имена богатырей, упоминающиеся в некоторых колядках из этих областей. Столь же неправомерно большое внимание уделялось рассмотрению особенностей исторических условий и быта северных губерний, якобы способствовавших сохранению там эпоса.

Подобное отношение к вопросу о географическом распространении былины нашло отражение и в библиографических обзорах трудов по русскому богатырскому эпосу. Так, в первой подобной работе А. М. Лободы²⁰ из 12 страниц, отведенных рассмотрению географии былины, собственно этому вопросу, т. е. рассмотрению мест записей былины, посвящены только две страницы. На остальных десяти приводятся свидетельства ряда авторов о следах богатырского эпоса в украинском и белорусском фольклоре. В другом обзоре работ по русскому эпосу — Г. Александровского²¹ — из семи страниц, отведенных географическому распространению былины, собственно этому вопросу посвящена только одна фраза, заимствованная у В. Ф. Миллера. В недавно вышедшей историко-географической работе А. М. Астаховой видим примерно ту же картину. В главе, в которой рассматривается география богатырского эпоса, большинство страниц уделяется рассмотрению работ дореволюционных и советских исследователей, в которых приводятся аргументы в пользу «широкого» распространения былины в прошлом по всей России, на Украине и в Белоруссии. Значительное место уделяется также рассмотрению причин, способствовавших консервации эпической традиции в севернорусских областях²².

Вследствие такого отношения к вопросу, изучение географического распространения былины со времени появления статьи В. Ф. Миллера продвинулось мало. Можно указать лишь на три работы, в какой-то мере способствовавшие дальнейшей разработке этой проблемы. А. М. Лобода в упомянутой книге привел таблицу, показывающую число записей героических былин, при-

¹⁹ Там же, стр. 67—68.

²⁰ А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Киев, 1896, стр. 88—100.

²¹ Г. Александровский. Критико-библиографический обзор трудов по русскому богатырскому эпосу. Ревель, 1896—1897, стр. 5—12.

²² А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 215—232.

ходящихся на губернию, которая позволила представить более наглядно материал, содержащийся в статье Миллера²³. Из последующих исследователей можно назвать братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых. Развивая мысль своего учителя В. Ф. Миллера о роли Новгорода в распространении былины на Севере, они в 1908—1909 гг. предприняли фольклорные исследования в бывших повгородских владениях. В Кирилловском и Белозерском уездах Новгородской губернии, где эпическая традиция считалась утраченной, были обнаружены довольно значительные остатки былинной традиции²⁴. Правда, в дальнейшем Соколовы, следуя за Миллером, отводили первостепенную роль в распространении былины скоморохам, что нашло отражение в известном учебном пособии Ю. М. Соколова²⁵.

В большой работе В. Я. Проппа, посвященной русскому героическому эпосу, есть раздел о географическом распространении былины в XIX—XX вв.²⁶ Однако большая часть этого раздела посвящена рассмотрению особых причин, связанных со специфическими условиями труда северян и природными особенностями Севера, способствовавшими, по его мнению, сохранению эпоса в местах его записи. Вопрос о «широком» распространении былины в прошлом автор, очевидно, считает доказанным. «Некогда эпос, — пишет он, — был распространен повсеместно. Не было такого русского уголка, где бы не знали и не пели русских былины»²⁷. Критикуя взгляды своих предшественников в изучении этого вопроса, В. Я. Пропп не упоминает статьи В. Ф. Миллера о географическом распространении былины.

Необходимо заметить, что статья «Наблюдения над географическим распространением былины» В. Ф. Миллера, можно сказать, была предана забвению многими исследователями. Кроме указанной книги Б. М. и Ю. М. Соколовых, пожалуй, нет ни одной работы советского времени, в которой было бы уделено должное внимание этой статье. И даже в таком фундаментальном труде последних лет, как уже упоминавшийся историографический обзор работ о былинах А. М. Астаховой, в разделе, посвященном географическому распространению былины, эта, можно сказать, единственная исследовательская работа по географии былины не подвергалась рассмотрению²⁸.

Таким образом, можно сказать, что со времени появления работы Миллера исследование географического распространения былины не только не продвинулось вперед, а скорее ушло если не назад, то в сторону от нужного пути. Рассуждения о «широком» распространении былины в прошлом, о причинах, способствовавших

²³ А. М. Лобода. Указ. соч., стр. 89—90.

²⁴ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

²⁵ Ю. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 229.

²⁶ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 492—495.

²⁷ Там же, стр. 492.

²⁸ А. М. Астахова. Указ. соч., стр. 215 и сл.

консервации былины в местах их записи, по существу мешали изучению географии былины. Была забыта важная мысль Миллера о связи былинных очагов с заселением Севера. Правда, в последней работе А. М. Астахова в двух словах говорит о распространении былины на Севере в связи с заселением этого края. Однако она полагает, что былины занесены на Север новгородскими и московскими переселенцами²⁹, а это, как мы увидим дальше, не совсем соответствует истине.

Большой недостаток всех исследовательских работ, посвященных интересующему нас вопросу, заключается в том, что их авторы, включая и В. Ф. Миллера, не пользовались картографическим методом — единственно надежным приемом изучения географического распространения былины, как и любого другого явления народной культуры³⁰.

²⁹ А. М. Астахова. Указ. соч., стр. 220—221.

³⁰ Карты как простое наглядное пособие сопровождают некоторые сборники былины, песен и сказок. Такова, например, карта, приложенная к т. III «Архангельских былины и исторических песен», собранных А. Д. Григорьевым в 1899—1910 гг.; карта в сборнике «Песен русского народа», собранных в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем; такая же карта в сборнике «Песен русского народа», собранных в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Ф. М. Истоминым и С. М. Ляпуновым, составленная Д. Н. Ушаковым; маршрутная карта в сборнике Б. и Ю. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края».

Обзор и систематизация материала

Картографический метод будет основным в этой работе, которая по существу представляет собой опыт применения историко-географической методики к изучению русского эпоса.

Материалом для исследования послужили сборники былин конца XIX — начала XX в. Чтобы стало понятно, почему выбран именно этот период, напомним в двух словах историю собирания эпических произведений.

Первые записи былин относятся к XVII—XVIII вв.¹ Эти былины и прозаические тексты с былинными сюжетами, обнаруженные среди старинной рукописной литературы, записывались не с научной целью, а ради занимательного чтения. Географическое приурочение их затруднительно, а чаще всего невозможно, так как в сборниках не указаны места их записи.

От середины XVIII в. дошел до нас знаменитый сборник Кирши Данилова, впервые появившийся в печати в 1804 г. в Москве под заглавием «Древние российские стихотворения». Свыше 70 былин и исторических песен, заключенных в сборнике, являются уже подлинными текстами, записанными непосредственно от сказителей. Однако вопрос о составителе сборника и месте географического приурочения содержащихся в нем произведений до сих пор остается открытым.

Собирание былин с научными целями начинается с XIX в.; его условно можно разделить на три периода. Первый период (1830—1859 гг.) тесно связан с деятельностью П. В. Киреевского, возглавившего собирание фольклорных материалов, в котором приняли участие многие известные общественные деятели и писатели. Былины, собранные ими, были опубликованы в пяти выпусках².

Второй период начинается с 1859 г., когда начал записывать былины П. Н. Рыбников, и кончается 1915 г., когда от пинежской сказительницы М. Д. Кривополеновой записала былины О. Э. Озаровская. Его можно назвать классическим в истории собирания былин. П. Н. Рыбников открыл в 1859 г. живые оча-

¹ «Былины в записях и пересказах XVII — XVIII веков». Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960.

² «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 1—5. М., 1860—1863.

ги былинной традиции в Олонецкой губернии. Вслед за ним подобные очаги открыли А. В. Марков на Зимнем, Летнем и Терском берегах Белого моря, А. Д. Григорьев — на Пинеге, Мезени и Кулое и Н. Е. Ончуков — на Печоре. Записи этих собирателей исчисляются сотнями. Новые очаги былинной традиции, хотя и гораздо более слабые, чем на Севере, были открыты на Алтае (С. И. Гуляевым), на Колыме (В. Г. Богораз-Таном), в Верхоянском округе Якутской области (И. А. Худяковым).

Рассматриваемый период значительно отличается от предыдущего по методам записи. П. Н. Рыбников и еще в большей мере А. Ф. Гильфердинг положили начало точной фиксации текстов былин, полностью отказавшись от сведения текстов, которое допускал П. В. Киреевский. Методы собирания и записи материала, проблемы, поставленные этими собирателями, особенно проблема изучения индивидуального творчества в былинном сказительстве, основанного на сравнении разных былинных вариантов, нашли много последователей как среди дореволюционных, так и советских собирателей и исследователей.

Советская эпоха составила третий значительный этап в собирании былин. Цели и методы работы советских исследователей были наиболее четко сформулированы в статье Ю. Соколова «По следам Рыбникова и Гильфердинга». «Совершенно очевидно,— писал он,— что вопрос об изменениях в эпическом репертуаре, стиле, условиях сохранения и бытования былин может быть серьезно поставлен лишь при наличии под руками материала, собранного в разные периоды, но непременно в одном и том же месте и в одной и той же социальной среде»³. В соответствии с этими задачами в 1926—1928 гг. работала экспедиция Государственной академии художественных наук в Москве (ГАХН), возглавляемая братьями Соколовыми и названная «По следам Рыбникова и Гильфердинга»⁴. Былины записывались преимущественно от преемников сказителей, известных по сборникам этих собирателей.

Аналогичная работа проводилась экспедицией Государственного института истории искусств в Ленинграде (ГИИИ) в Заонежье, на Пинеге, Мезени и Печоре⁵. Подобные же экспедиции по следам прежних собирателей были организованы в 1930—1950-е годы, в результате которых коллекции былин пополнились огромным числом новых записей⁶.

³ Ю. Соколов. По следам Рыбникова и Гильфердинга. «Художественный фольклор», № II-III. М., 1927, стр. 3—4.

⁴ «Онежские былины». Подготовка былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948 («Летописи» Государственного Литературного музея, кн. 13).

⁵ «Былины Севера», т. I. Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и комм. А. М. Астаховой. М.—Л., 1938; т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комм. А. М. Астаховой. М.—Л., 1951.

⁶ См. об этом: А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 202—205.

Данная работа, как уже говорилось, основана только на материалах XIX — начала XX в. Использованы следующие сборники былин: «Песни, собранные П. В. Киреевским» (вып. 1—5. М., 1860—1863); «Песни, собранные П. П. Рыбниковым» (изд. 2, под ред. А. Е. Грузинского, т. I, II. М., 1909, 1910); «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.» (т. I—III. М.—Л., 1949—1951); «Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье» (подготовка текстов, статьи и примечания А. М. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан. Петрозаводск, 1948); сборник А. В. Маркова «Беломорские былины» (М., 1901); «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.» (т. I. М., 1904; т. II. Прага, 1939; т. III. СПб., 1910); сборник Н. Е. Оичукова «Печорские былины» (СПб., 1904); «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским» («Труды музыкально-этнографической комиссии». М., ч. I, 1905; ч. II, 1911).

Помимо этих основных сборников былин, использовались два сводных издания. В одно из них — «Русские былины старой и новой записи»⁷ — включены опубликованные в 1880—1890 гг. былины, собранные С. И. Гуляевым в Южной Сибири, И. А. Худяковым — в Якутской области, Е. В. Барсовым — в Олонецкой губернии, П. С. Ефименко — в Архангельской губернии, Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем — в Архангельской и Олонецкой губерниях, А. Савельевым, А. Пивоваровым, И. И. Железновым, Н. Г. Мякушиным — у донских и уральских казаков.

В другое сводное издание — «Былины новой и новейшей записи»⁸, — кроме отдельных текстов, перепечатанных из периодических собраний, вошли былины, собранные А. В. Марковым и Б. А. Богословским на побережье Белого моря, П. С. Шайжиным — в Петрозаводском и Пудожском уездах Олонецкой губернии, В. Г. Богоразом — в Якутской области, М. Карпинским — в терских казачьих станицах, А. И. Мякутиным — у оренбургских казаков, А. А. Догадиным — у астраханских казаков, С. Я. Арефиным — у донских казаков и др.

В работе использовались также записи былин, производившиеся после 1908 г. и не собранные, подобно предыдущим, в сводных изданиях: Б. М. и Ю. М. Соколовых — в Белозерском крае⁹, В. М. Зензинова — в с. Русское устье Якутской области¹⁰, А. А. Са-

⁷ «Русские былины старой и новой записи». Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.

⁸ «Былины новой и новейшей записи из разных местностей России». Под ред. Вс. Миллера. М., 1908.

⁹ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

¹⁰ В. М. Зензинов. Русское устье Якутской области Верхоянского уезда. «Этнографическое обозрение», 1913, № 1-2.

вельева — в Приангарском крае¹¹, А. В. Пруссак — в Иркутской губернии¹², И. Чеканинского — в Енисейской губернии¹³ О. Э. Озаровской — в Архангельской губернии¹⁴.

Большинство использованных сборников относится к периоду примерно более 40 лет (от 1859 г., когда начал собирать былины П. Н. Рыбников, до 1902 г., когда собирал былины Н. Е. Ончуков). Несколько выходят за эти рамки сборники П. В. Киреевского, Б. М. и Ю. М. Соколовых и О. Э. Озаровской. Сборник П. В. Киреевского, который начал издаваться одновременно со сборником П. Н. Рыбникова, включает в себе материалы 1840-х и 1850-х годов; однако основное число былин, опубликованных в нем, относится к 1860-м годам. Былины для сборника Б. М. и Ю. М. Соколовых собирались в 1908 г., и, таким образом, их отделяет от сборника Н. Е. Ончукова всего 6 лет. Вряд ли можно говорить о существенных изменениях в былинной традиции за это время, да и число былин, помещенных в этом сборнике, очень невелико. Что касается былин из собрания О. Э. Озаровской, то они были записаны от М. Д. Кривошелеповой, от которой в свое время записывал А. Д. Григорьев. И, таким образом, хотя эти былины фиксировались в разное время, они фактически представляют былинную традицию одного поколения. Все это дает возможность говорить об одновременности фиксации эпических традиций сравниваемых районов.

В отличие от былин из рукописных сборников, а также сборника Кириши Данилова, которые не имеют географического приурочения, а потому не могут быть использованы при картографировании, в перечисленных сборниках в большинстве случаев указаны места записи былин.

Для воссоздания объективной картины распространения эпоса важно подчеркнуть, что собиранье былин в рассматриваемый период носило стихийный характер: картина распространения эпической поэзии была неясна собирателям, и каждый из них, в каком бы районе России он ни работал, стремился найти там былины. В последующее же время (20—50-е годы XX в.), когда выявились основные очаги былины, поездки предпринимались в основном по маршрутам прежних собирателей. Это соответствовало задачам советских исследователей — изучить судьбы былинной традиции и сказительских школ, раскрыть идейное содержание эпических произведений. Поэтому именно в рассматриваемом периоде (конец XIX — начало XX в.) можно с большим правом со-

¹¹ А. А. Савельев. Былинный эпос в Приангарском крае. «Известия Средне-сибирского отдела Государственного географического общества». Красноярск, 1928 г. (записи производились до Октябрьской революции).

¹² А. Пруссак. Былины, бывальщина и три песни. «Живая старина», 1915, вып. III.

¹³ И. Чеканинский. Енисейские старины и исторические песни. «Этнографическое обозрение», 1915, 1-2.

¹⁴ О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. М., 1922.

поставлять распространение былины в разных районах. Ограничиться этим периодом позволяет и то обстоятельство, что собирательская работа последующего времени не выявила таких очагов былинной традиции, которые бы существенно меняли картину распространения эпоса.

Другой аргумент в пользу избранного периода заключается в том, и это, пожалуй, особенно важно, что за последние десятилетия существования эпической традиции значительно возросла роль книжных источников в развитии былевого эпоса. Уже в конце XIX в. былины из сборничков Кириши Данилова, П. Н. Рыбникова, П. В. Киреевского и А. Ф. Гильфердинга включались в школьные хрестоматии, а также издавались дешевыми книжками для народа. Собиратели былины последних десятилетий не раз упоминают о таких книжках, попадавших им в места их собирательской работы. Через книги в районы определенной эпической традиции попадали элементы традиций, характерные для других былинных районов. Исследования А. М. Астаховой показали бесспорное восхождение к книге некоторой части репертуара известных сказителей 1920—1930-х годов¹⁵. На все возрастающее влияние книги в былинном сказительстве указывают собиратели былины и более позднего времени (1940—1950-х годов)¹⁶.

Понятно, что использование записей былины, произведенных на последних этапах существования эпической традиции, требует специального текстологического анализа каждой былины с тем, чтобы исключить или выделить в отдельную группу былины, усвоенные из книги. Некритическое использование подобных былины может только исказить картину географического распространения былевой поэзии.

За последние десятилетия существования эпической традиции ускорились и другие процессы, связанные с угасанием эпоса. Ряд сюжетов, притом героической тематики, уходит из репертуара сказителей. Подводя итоги экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга», Ю. М. Соколов констатировал, что в Кижском районе исчезло 12 сюжетов, в Кепозерском — 13 и т. д.¹⁷ О забвении сюжетов, краткости изложения содержания, незначительности репертуара отдельных сказителей писали А. М. Астахова¹⁸, Э. В. Померанцева¹⁹, В. В. Митрофанова²⁰. С забвением

¹⁵ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 281—333; она же. Былины в народной книге и других общедоступных изданиях конца XIX — начала XX в. «Советская этнография», 1960, № 4, стр. 137—147.

¹⁶ Э. В. Померанцева. Судьбы былевого эпоса в послевоенные годы. «Русская литература». Л., 1963, № 4, стр. 123—124.

¹⁷ Ю. Соколов. По следам Рыбникова и Гильфердинга, стр. 32—33.

¹⁸ А. М. Астахова. Былины в Заонежье. «Крестьянское искусство Севера», т. I. Л., 1927, стр. 89—103.

¹⁹ Э. В. Померанцева. Указ. соч., стр. 121—122.

²⁰ В. В. Митрофанова. Мезенская былинная традиция в наши дни. «Русский

былинной традиции В. Я. Пропп связывает участвовавшие в последние десятилетия случаи переложения былин в сказки²¹.

Известные трудности при картографировании былин могут вызвать содержащиеся в сборниках советского времени новины, появившиеся в 30-е годы и воспевавшие в эпическом стиле события советского времени. Отнесение их к былинам вызвало бы сомнение у многих исследователей.

Помимо соображений принципиального характера в выборе материала для исследования имеет значение и то обстоятельство, что число былин, записанных в советское время, исчисляется тысячами и работа над ними требует усилий коллектива исследователей. К тому же многие записи былин этого времени находятся в архивах разных городов, что также затрудняет их использование.

* * *

Характеризуя материал, содержащийся в использованных сборниках, нужно отметить, что он разнороден. Стремясь зафиксировать все, что хоть в какой-то мере свидетельствует о былинной традиции, собиратели записывали и публиковали не только собственно былины, но и прозаические пересказы их и сказки на былинные сюжеты. В сборниках П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова и Н. Е. Ончукова имеются баллады, скоморошины, исторические песни, которые в районах, где работали эти собиратели, не всегда отличались от былин и часто исполнялись в эпической манере.

Неравноценны сборники и по качеству помещенных в них былинных текстов, и по объему сведений, характеризующих эпические традиции изучаемых районов. Это объясняется неодинаковыми методами собирания и записи былин у разных исследователей. Как уже говорилось, только после выхода в свет собрания А. Ф. Гильфердинга утверждается научный метод записи былин. Сборники А. Ф. Гильфердинга и его последователей А. В. Маркова, А. Д. Григорьева и Н. Е. Ончукова выделяются по технике записи былинных текстов и обилию сведений, характеризующих эпические традиции в исследованных районах. В них всегда можно найти указание и на место записи той или иной былины, и на место рождения сказителя. Почти всегда говорится, где и у кого перенял былинку певец. Однако даже в самых лучших сборниках не всегда сказано, к какому уезду относится селение, в котором записана былина; указывается лишь губерния, в которой оно расположено. Во многих сборниках, в частности в большом собрании П. В. Киреевского, пе-

фольклор. Материалы и исследования», т. VI. М.—Л., 1961, стр. 101—104.
109.

²¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 501—502.

редко не указывается ни место записи, ни имя сказителя. Зачастую же сведения о месте происхождения той или иной былины очень неопределенны: «Архангельская губерния», «Олонецкая губерния», «Онега» (в последнем случае неясно, имеется ли в виду город или р. Онега). Еще более общи сведения о месте записи былины в сборниках Мякушина и Железнова: «у уральских казаков». Не всегда точные данные содержатся в сборниках Н. С. Шайжина, Е. В. Барсова и А. А. Шахматова.

Отдельные былины повторяются в ряде сборников (П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Е. В. Барсова, Н. С. Шайжина и А. А. Шахматова). Это связано с тем, что собиратели записывали былины от одних и тех же сказителей. Особенно часты такие повторения в сборниках П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, ибо, как известно, Гильфердинг совершал свою поездку по маршруту П. Н. Рыбникова. Другая причина дублирования содержащегося в сборниках материала заключается в том, что одни и те же былины перепечатывались в разных изданиях. Например, в собрании П. В. Киреевского немало былины из сборников А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова. Многие былины первоначально печатались в периодических изданиях, потом выходили отдельными сборниками (например, собрания Е. В. Барсова и Н. С. Шайжина). Позже большинство их было перепечатано в двух сводных сборниках под редакцией Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера.

* * *

При отборе и систематизации материала, содержащегося в сборниках, важное значение имеет определение понятия былины как жанра²². Однако понятие былины и ее отличий от смежных жанров — исторических песен, баллад и духовных стихов (так, как оно представлено в большинстве исследований) нельзя признать достаточно четким. Былину определяют как особый вид русских эпических песен, начавших складываться в ранний период феодализма и посвященных теме защиты родины, общественной жизни и быту нашего народа. Отличительным признаком былины считается стихотворный размер и речитативное исполнение²³. Этот последний признак отличает былины от сказок на былинные сюжеты. Исторические песни, в отличие от былины, общенно отображающих события многих веков, воспевают конкрет-

²² Это необходимо главным образом потому, что в перечисленных выше сборниках зачастую содержится разнородный материал. Наряду с былинами, как уже говорилось, собиратели включали в них сказки на былинные сюжеты, прозаические пересказы былины, поздние исторические песни и духовные стихи.

²³ «Русское народное поэтическое творчество». Пособие для вузов, под общей редакцией П. Г. Богатырева. М., 1956, стр. 324—325.

ные исторические события²⁴. Баллады, хотя и сохраняют нередко былинный стих и напев, отличаются от былин содержанием, так как ставят в центре внимания индивидуальную человеческую судьбу²⁵. Духовные стихи также отличаются своим содержанием (в основе их лежит тот или иной религиозный сюжет), хотя многие из них, записанные на Севере, сложены эпическим стихом²⁶.

Очевидно, что в этих определениях нет единого принципа классификации: в одном случае за основу принимается слог и манера исполнения, в другом — содержание. Когда в основу классификации кладется содержание, получаются противоречия. Можно согласиться, что духовные стихи по содержанию отличаются от былин. Однако трудно увидеть принципиальное различие в содержании баллад и таких былин, как «Хотен Блудович», «Соломан и Василий Окульевич», «Смерть Чурилы»; вряд ли можно считать изображение индивидуальной человеческой судьбы спецификой только баллад. Еще труднее разграничить по содержанию былинны и исторические песни. Многие из последних, особенно старинные исторические песни, по своей тематике (воспевание исторических событий) гораздо ближе к героическим былинам, нежели баллады, былинны на сказочные сюжеты и даже некоторые былинны-новеллы. Мало убедительно установленное в фольклористике мнение, что былинны, в отличие от исторических песен, воспевающих конкретные события и лица, отображают обобщенно события многих веков. Во-первых, трудно сомневаться в существовании исторических прототипов таких былинных героев, как Добрыня Никитич, Алеша Попович, Василий Буслаев. Во-вторых, не является ли кажущаяся исследователям неконкретность тех или иных былинных сюжетов результатом малой изученности конкретных исторических фактов и их отголосков в былинах? К тому же трудно избежать субъективности в определении критерия «обобщенности» и «конкретности» отображения действительности в фольклорных произведениях. Исследователи, ставящие в основу определения жанров содержание, противоречат себе, когда не относят к былинам (что само по себе совершенно верно) казачьи песни на былинные сюжеты на том основании, что они коренным образом отличаются от былин по манере исполнения. Известно, что по тематике казачьи эпические песни близки к героическим былинам. Не менее противоречив и тот факт, что в былинные сборники, по примеру старых собирателей, продолжают включать исторические песни и баллады на том основании, что по художественным особенностям они близки к былинам.

²⁴ Там же, стр. 367.

²⁵ «Народные баллады», вступит. статья, подг. текстов и прим. Д. М. Балашова. М.—Л., 1963, стр. 6.

²⁶ Ю. М. Соколов. «Русский фольклор». М., 1941, стр. 284.

В этой работе при отнесении каждого конкретного текста к былинам основным критерием считались особенности поэтики, а именно: наличие выдержанных приемов ретардации, повторений, традиционных эпических формул, гиперболизации, традиционного эпического стиха.

При систематизации материала используемые сборники были сопоставлены друг с другом, чтобы исключить повторяющиеся в них тексты²⁷. Если место записи той или иной былины не указано и установить его невозможно, она в расчет не принималась. В случае, когда о сказителе имеются подробные сведения (в сборниках А. Ф. Гильфердинга, А. Д. Григорьева, А. В. Маркова), учитывалось не место записи былины, а место, где сказитель ее усвоил (если об этом есть сведения), или место, откуда сказитель родом. Например, былины, усвоенные Аграфеной Крюковой в ее родном селе Чаванге, были отнесены к Александровскому уезду, где расположено это село, а не к Архангельскому, в котором (в с. Зимняя Золотица) записывал эти былины А. В. Марков²⁸. Другой пример: о сказителе родом из дер. Гагарки Пудожского уезда сказано, что он усвоил свои былины от деда, который перенял их от уроженца Андомского погоста Вытегорского уезда²⁹. Отношу эти былины к Вытегорскому уезду. Такой способ дает возможность установить более древние очаги былинной традиции.

В расчет принимались не только былины, тексты которых представлены в сборниках, но и те, которые не были записаны, а только перечислены в заметках собирателей, характеризующих каждого сказителя³⁰. Это касается главным образом сборников Гильфердинга, Ончукова, в меньшей степени — Маркова и Григорьева. Будучи ограничены во времени, эти собиратели не могли записать все бытовавшие в том или ином селении былины. Стремясь в первую очередь зафиксировать распространен-

²⁷ Например, былина о Ставре Гоудиновиче, записанная от одного сказителя, встречается в трех сборниках: П. Н. Рыбникова (№ 75), Н. В. Барсова (стр. 67—71) и в «Былинах старой и новой записи» (№ 58). Считаю эту былину один раз по сборнику П. Н. Рыбникова. Другой пример: от сказителя Шеголенкова записывали былины Гильфердинг, Рыбников и Барсов. Считались лишь записи Гильфердинга и Рыбникова (те, которых нет у Гильфердинга), записи Барсова были исключены. При сличении различных сборников, содержащих дублирующий материал, за основной брался тот, в котором даются более подробные сведения о сказителях и местах записи. По этой причине, сопоставляя сборники Гильфердинга и Рыбникова, я брала за основной сборник Гильфердинга, у Рыбникова же — только те былины, которые не повторяются в сборнике Гильфердинга. Записи этих собирателей, встречающиеся в дополнениях к выпускам «Песен П. В. Киреевского», не учитывались.

²⁸ А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901, № 1—39.

²⁹ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I, № 63—68.

³⁰ В таблице число подобных былин, приходящихся на волость, указано в скобках. См. Приложение, стр. 101 и сл.

ные там сюжеты, они зачастую ограничивались записью только одного варианта определенного сюжета. Однако если собиратель твердо не уверен, что сказитель знает эти старины, их во внимание не принимаю³¹. Не учитываю былины и в том случае, когда сказано, что сказитель знал их когда-то, а теперь забыл³². Особо нужно сказать о сборнике «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым...» Указанные, но не приведенные в нем былины были опубликованы позже в «Былинах новой и недавней записи», поэтому они считались один раз по последнему сборнику.

Определенные трудности вызвали сводные былины, объединяющие ряд сюжетов об одном или нескольких богатырях. В тех случаях, когда в подобной былине объединены сюжеты, относящиеся к одному богатырю, рассматриваю эту былину как одно целое³³. Если же в одну былину сведены сюжеты о разных богатырях (а сведение их носит, как правило, механический характер), они рассматриваются как отдельные былины³⁴. В случаях, когда былина помещена в сборнике под названием, не соответствующим изложенному в ней сюжету, принимается во внимание сюжет³⁵.

На основе таким образом отобранного и систематизированного материала были составлены таблицы (см: Приложения) и карты.

³¹ Например, в собрании А. Д. Григорьева о сказительнице Авдотье Клякачевой написано, что она «кажется знает» ряд стариц, кроме пропетой собирателю (А. Д. Григорьев. Указ. соч., т. 1, стр. 118); или в другом месте о сказительнице О. С. Бутиковой: «Она слыхала еще старину «Князь Михайло, княгиня и старицы», рассказывала ее, но пропеть не могла...» (там же, стр. 447).

³² Например: А. Д. Григорьев. Указ. соч., т. 3, стр. 130, 169.

³³ Таковы, например, былины «Добрыня», «Старина про Алешу Поповича» в собрании П. С. Ефименка; былины № 351, 359, 393 в третьем томе собрания А. Д. Григорьева.

³⁴ Например, в помещенной во втором томе собрания А. Д. Григорьева под номером 213 былине «Молодость Добрыни, купанье, бой со змеем и Ильей Муромцем и приезд его в Киев, состязание Дюка с Чурилой сменными платьями» соединены по существу две былины о Добрыне и былина о Дюке. Считаю их как отдельные былины.

³⁵ Например, в сборнике А. Ф. Гильфердинга (т. 2, № 118) помещена былина, название которой «Святогор» не соответствует изложенному в ней сюжету «Неудавшаяся женитьба Алени Поповича». Отношу ее к былинам о Добрыне.

Географическое распространение былин в пределах всей России

Для исследования этого вопроса были составлены таблица, показывающая число записей былин, приходящихся на уезд, и карта распространения былин¹. В них учитывались только героические былины. Баллады, скоморошины и былины на сказочные сюжеты, исполнявшиеся в эпической манере лишь на Севере, во внимание не принимались, так как по содержанию они не связаны с эпическими героями. Исключены были также прозаические пересказы былин, так как в них отсутствует стихотворный размер, являющийся одним из основных жанровых признаков былины. Подобные пересказы, как и сказки о богатырях, можно встретить в районах, где эпической традиции никогда не было. Особо нужно сказать о былинах, записанных у казаков. Еще В. Ф. Миллер указывал на их коренное отличие от северных былин, обусловленное многоголосным исполнением². Особенность музыкального исполнения казачьих былин в сочетании с фрагментарностью и краткостью текстов побудили известного собирателя и исследователя казачьего фольклора А. М. Листопада назвать их былинными песнями³. К этому мнению присоединяется и А. М. Астахова⁴. Таким образом, казачьи песни на былинные сюжеты лишь условно можно отнести к былинам, и потому на карте они обозначены особыми кружками.

Былины, как видно при рассмотрении карты, сосредоточены в основном на европейском Севере, в б. Архангельской и Олонецкой губерниях. На большинство уездов этих губерний приходится по несколько десятков записей былин, а в Мезенском уезде число их достигает 170.

¹ Уездные центры (в тех случаях, когда нужно было установить уезд, к которому относится то или иное селение, где были сделаны записи былин) определялись по «Спискам населенных мест Российской империи. По сведениям за 1859» (СПб., 1881—1885); см. табл. 1 (стр. 100) и карты между стр. 32 и 33 и на стр. 45.

² В. Ф. Миллер. Казачьи эпические песни XVI и XVII вв. «Очерки русской народной словесности», т. III. М.—Л., 1924.

³ А. М. Листопад. Песни донских казаков, т. I, ч. 1. М., 1949, стр. 31.

⁴ А. М. Астахова. Вопросы изучения донской былины. В кн.: «Народная устная поэзия Дона. Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18—23 декабря 1961 г.» Ростов, 1963.

Ничего подобного нет ни в одной из остальных губерний России. В большинстве их былины либо вовсе отсутствуют, либо их очень мало. Совсем нет былин в Псковской, Смоленской, Ярославской, Костромской, Тверской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Казанской и Астраханской губерниях. По одной былине записано в Вологодской, Владимирской, Калужской, Орловской, Воронежской, Рязанской губерниях. Единичны записи в приуральских губерниях: Пермской и Уфимской. Семь былин зафиксировано в Московской губернии; из них четыре записаны в самой Москве, в мещанской среде. Немного больше записей сделано в Поволжских губерниях: Нижегородской, Симбирской, Саратовской. Около 40 записей былин, вернее песен на былинные сюжеты, произведено среди донских, терских и уральских казаков.

Из сибирских губерний по числу записей выделяются Томская (29 былин) и Енисейская (12 былин), а также Якутская область (15 былин).

Таким образом, в рассматриваемый период на всем огромном пространстве европейской России эпическая традиция сохранилась лишь в Архангельской и Олонецкой губерниях; во всех остальных эпос либо найден в скудных остатках, либо его нет вовсе. Если в Архангельской и Олонецкой губерниях число записей былин достигает 676, то во всех остальных оно не превышает 105 номеров, включая 43 казачьих песни на былинные сюжеты, которые, как об этом говорилось выше, лишь условно можно считать былинами. Сравнение станет еще более разительным, если вспомнить, что плотность населения в Архангельской и Олонецкой губерниях значительно меньше, чем во многих других.

Показательны различия в качестве былинных текстов. Если в большинстве губерний тексты сохранились в скомканном, сокращенном, зачастую отрывочном виде, то в северных областях напротив, записаны превосходные художественные тексты, многие из которых достигают до 1000 стихов. Именно в северных губерниях собиратели былин в конце XIX в. обнаружили живую, творческую традицию и услышали первоклассных мастеров былинного сказительства. В ряде мест этих губерний (южная часть Заонежья, Пудожский край, Кенозеро, Мезень, Зимний берег, Печора) былины тогда широко бытовали. Сказители этих мест настолько владели техникой былинного сказительства, что могли переложить в былину любую песню и даже сказку. А. В. Марков, исследовавший Зимний берег Белого моря, приводит следующий любопытный в этом отношении пример: «После того как репертуар двух сказителей, певших мне старины вместе, Бурой и Лыткиной, уже истощился, они, желая получить еще гонорара, своим обычным былинным напевом запели следующее: «Из-за гор, за гор, да крутых, да высоких» и т. д., т. е. обычную лирическую песню, обладающую другим размером. То же самое они

хотели проделать и с другой лирической, рекрутской песнью»⁵. А. Ф. Гильфердинг, характеризуя эпическую традицию Выгозера, Кенозера и Водлозера, писал, что «эпическая поэзия и теперь там бьет ключом»⁶. В Кенозере, по его словам, «воздух пропитан духом эпической поэзии»⁷.

В других губерниях картина совершенно иная. Скучные, случайные записи былин, произведенные там, говорят об отсутствии былинной традиции, во всяком случае в рассматриваемый период⁸.

Тот факт, что былинная традиция отсутствовала в большинстве средне- и южнорусских губерний, а также на Украине и в Белоруссии, давно привлекал внимание исследователей. В его объяснении исследователи часто исходили из казавшегося несомненным положения, что когда-то былины бытовали в России повсеместно. Большое или меньшее распространение былин считалось результатом случайности: просто в одной местности оказались этнографы-собиратели, а в другой их не было. «Не объясняется ли,— пишет, например, А. М. Лобода,— преобладание былин в Симбирской и Нижегородской губерниях деятельностью Языковых, Шейна, священника Фаворского, которые поспешили вовремя спасти угасающие остатки былин»⁹. Однако известно, что Шейн не менее энергично собирал песни в Тульской, Калужской, Смоленской, Минской и Витебской губерниях, но ни одна былина здесь не была им записана. П. Н. Рыбников, прежде чем попасть в Олонецкую губернию, собирал фольклор в Черниговской губернии, но былин там не нашел. Известно также, что на долю белорусских, украинских и русских северных районов приходилось не меньше собирателей, чем на долю северных районов¹⁰. К тому же работать в Архангельской и Олонецкой губерниях собирателям народного творчества было гораздо труднее, чем во многих других областях России. Достаточно вспомнить, в каких тяжелых условиях собирали былины Н. Е. Ончуков и А. Д. Григорьев, вынужденные в морозную погоду преодолевать в поисках былин огромные расстояния между населенными пунктами.

Начиная с 1860-х годов, после того как П. Н. Рыбников открыл былинные очаги в Олонецкой губернии, былины становятся центром внимания каждого собирателя. С этого времени до начала XX в. появляются многочисленные сборники песен, «архив этнографического отделения Географического общества, можно

⁵ А. В. Марков. Указ. соч., стр. 17—18.

⁶ А. Ф. Гильфердинг. Указ. соч., т. I, стр. 37.

⁷ Там же, стр. 48.

⁸ Исключение составляют некоторые сибирские районы — Барнаульский округ Томской губернии и Верхоянский округ Якутской губернии, где можно говорить о существовании былинной традиции, хотя и о гораздо более слабой, чем на Севере.

⁹ А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Киев, 1896, стр. 90.

¹⁰ Подробно об этом см.: В. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 66—67.

сказать, ломится от обилия присылаемых этнографических материалов, однако среди множества записей бытовых песен былины не оказывается»¹¹. Исключенные составляют лишь северные губернии.

Открытие в конце XIX — начале XX в. новых центров былинной традиции на Севере А. Д. Григорьевым, А. В. Марковым и Н. Е. Ончуковым, записавших там сотни былин, еще раз показало, что первые находки былин в северных районах не были случайностью; малое же число былин в несевверных районах свидетельствует об отсутствии там былинной традиции, по крайней мере в XIX в. Эта закономерность подтверждается исследованиями советского периода, не обнаружившими новых очагов былин, существенно изменивших картину распространения эпоса¹².

Многие исследователи стали искать причины более раннего, чем на Севере, исчезновения былинной традиции в несевверных районах (по-прежнему исходя из того, что былины были когда-то распространены по всей России). Главную причину исчезновения былинной традиции в них видели и видят в том, что бурные политические события, пришедшие на смену воспеваемым в былинах, способствовали распространению здесь исторических песен (исторических дум на Украине), вытеснивших из народной памяти богатырские песни; тогда как консервации былинной традиции на Севере способствовала будто бы обособленность русского Севера.

Однако это мнение не основано на фактах. Известно, что до присоединения Новгородского княжества к Москве Заонежье входило в одну из новгородских пятин. Его население принимало активное участие в общественной и политической жизни Новгорода Великого. Олончане в составе дружины Александра Невского сражались в битве на Чудском озере. Позже, в начале XVII в., олонечские крестьяне в карельских лесах боролись с войсками польско-шведских интервентов. В начале XVIII в. они участвовали в борьбе Петра I за выход России в Балтийское море¹³. Исторические песни и предания, записанные на Севере, свидетельствуют, что его население было в курсе важнейших политических событий в России. Однако это не привело к исчезновению здесь былинной традиции.

Большинство исследователей, писавших о причинах, обусловивших сохранение эпоса на Севере, в той или иной мере придерживались высказываний на этот счет первооткрывателей эпо-

¹¹ *Вс. Миллер. Очерки...*, т. I, стр. 67.

¹² А. М. Астахова писала, что работа, проделанная советскими исследователями, позволила уточнить карту распространения былин и заполнить «белые пятна» на этой карте. (*А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения.* М.—Л., 1966, стр. 203—204). Однако таких «белых пятен» было немного и они не выходили за пределы районов, изученных дореволюционными собирателями.

¹³ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.» М., 1955, стр. 131—135.

са на русском Севере — Н. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. П. Н. Рыбников указывал на плохое состояние путей сообщения, суровую природу края, примитивность в быту населения, его безграмотность¹⁴. А. Ф. Гильфердинг наибольшее значение придавал двум причинам, и «необходимо было их совместное действие; эти причины — свобода и глушь». Под свободой исследователь понимал отсутствие крепостного права. «Глушь», по мнению Гильфердинга, охраняла северян от тех влияний, которые разлагали первобытную эпическую поэзию: сюда «не проникали солдатский постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода». В слабой степени, по мнению Гильфердинга, коснулась северного крестьянина грамотность, что в свою очередь способствовало «верности старине и вере в чудесное»¹⁵. В. Ф. Миллер, помимо этих условий, большое значение, вслед за П. Н. Рыбниковым, придавал поэтической восприимчивости северных крестьян¹⁶. Все собиратели, начиная с Рыбникова и Гильфердинга, говорили об огромной роли промыслового хозяйства, для которого характерны периоды вынужденного досуга.

Однако у ряда исследователей эти объяснения или часть их вызывали возражения. Так, А. М. Лобода считал, что нельзя придавать особого значения отсутствию крепостного права. Он отмечал, что на Дону была еще большая свобода, чем на Севере, однако эпос в такой степени там не сохранился. Возражая В. Ф. Миллеру относительно особого выделения поэтической одаренности олопчаи, А. М. Лобода справедливо указывал, что она не является специфической чертой только северян. «Вспомним... Малороссию, поэтическая восприимчивость которой стоит вне всякого сомнения, а где былины в Малороссии?»¹⁷ А. М. Астахова указывала, что среди лучших сказителей процент грамотных был достаточно высоким¹⁸.

Нужно сказать, что почти все перечисленные доводы, выдвинувшиеся исследователями в качестве причин, способствовавших сохранению эпоса на Севере, не выдерживают серьезной критики. И прежде всего это касается представления о Севере как о глухой, застойной окраине России, мало подвергавшейся культурным влияниям извне. Накопленный за последние десятилетия материал по фольклору, народному искусству и материальной культуре показывает, что это мнение нуждается в пересмотре.

Целый ряд источников указывает на достаточно высокий уровень грамотности населения древней Руси в XIV—XV вв. А. И. Соболевский, ссылаясь на огромное число дошедших до нас всякого

¹⁴ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. I. М., 1909, стр. LXXI—CII.

¹⁵ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I. М.—Л., 1949, стр. 34—35.

¹⁶ *Вс. Миллер. Очерки...*, т. I, стр. 72—73.

¹⁷ А. М. Лобода. *Русский богатырский эпос*. Киев, 1896, стр. 102.

¹⁸ А. М. Астахова. *Русский былинный эпос на Севере*. Петрозаводск, 1948, стр. 31.

рода книг и документов XV—XVII вв., сохранившихся в библиотеках и архивах, показал, что вопреки общераспространенному мнению грамотность на Руси в это время среди разных слоев русского общества была достаточно высокой¹⁹.

На основании различных косвенных данных — эпиграфического материала (надписей на различных материальных предметах), дошедшей до нас древней рукописной литературы, указаний разного рода письменных источников — исследователи не раз говорили о высокой грамотности в Новгородской земле²⁰. Это мнение было подтверждено и прочно утвердилось в науке после открытия многочисленных берестяных грамот в Новгороде, свидетельствующих о распространении грамотности среди широких слоев новгородцев²¹.

О грамотности русского населения Севера в районах политического и культурного влияния Новгорода свидетельствуют двинские грамоты, дошедшие до нас с XIV—XV вв. При этом, что особенно важно, эти документы говорят о распространении грамотности среди крестьян²². Об этом же свидетельствуют жития святых XV в.: Антоний Сийский из села близ Белого моря, Александр Свирский из Обонежья, Александр Ошевенский в детстве обучались грамоте в сельских школах²³.

По наблюдению А. И. Соболевского, сокращение народных училищ заметно в XVIII в., что он связывает с усилением крепостного права²⁴, и, следовательно, уменьшение числа грамотных должно было в меньшей степени коснуться северных областей, где крепостное право отсутствовало. В свете этого становится понятным отмеченный в 20-х годах нашего столетия В. В. Никольским высокий уровень грамотных среди населения западного побережья Белого моря. Серьезное статистическое обследование показало, что процент грамотности в этих местах настолько высок, что «мужское население на побережье приходится сравнивать в этом отношении не с сельским, а уже с городским населением республики»²⁵.

Одним из свидетельств грамотности северян является установленная исследователями значительная роль книжных источни-

¹⁹ А. И. Соболевский. *Образованность Московской Руси XV—XVII веков*. СПб., 1894.

²⁰ И. Г. Порфиридов. *Древний Новгород*. М.—Л., 1947, стр. 149—167.

²¹ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. *Новгородские грамоты на бересте*. М., 1952; А. В. Арциховский. *Новгородские грамоты на бересте*. М., 1954; Л. И. Жуковская. *Новгородские берестяные грамоты*. М., 1959; Л. В. Черепнин. *Новгородские берестяные грамоты как исторический источник*. М., 1969.

²² А. А. Шахматов. *Исследования о двинских грамотах XV в.* СПб., 1903.

²³ А. И. Соболевский. *Указ. соч.*, стр. 16.

²⁴ Там же, стр. 26.

²⁵ В. В. Никольский. *Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря*. М., 1927, стр. 24.

ков в былинном сказительстве Севера²⁶. И, наконец, сами былины, сохранившие немало конкретных черт древнерусской жизни, лишний раз свидетельствуют об образовании в древней Руси. Богатыри, как на это впервые обратил внимание Л. Н. Майков, — люди грамотные, умеющие читать и писать²⁷. О том, что образованность была обычным явлением в Новгороде, говорят многие повгородские былины.

Также нуждается в пересмотре не раз повторявшееся мнение о том, что русский Север, в отличие от других областей, был мало подвержен городскому, помещичьему и всякого рода новым влияниям. Внимательное рассмотрение быта и искусства интересующей нас области убеждает в обратном. Пачать с того, что так называемый севернорусский комплекс крестьянской одежды (с сарафаном) более, чем одежда других русских областей, связан по своему происхождению с городом²⁸. В покрое косоклинного сарафана XIX в. и расположении украшений на нем прослеживаются аналогии с ферьязями, телогреями, шубками — женской боярской одеждой допетровской Руси. В украшении народного костюма исследователи видят влияние искусства XVII в.²⁹ Влияние искусства XVIII в. сказалось в рисунках сарафанных тканей, состоящих из пышных гирлянд и букетов, перевитых лентами. В конце XIX — начале XX в. крестьяне северных областей раньше, чем южнорусских, начали носить костюмы, близкие к городскому платью XIX в.³⁰

Городское влияние на Севере заметно и в народном жилище. В некоторых районах Севера, особенно в бассейне Сухоны, Вычегды, Верхнем Прикамье, в ряде элементов жилища (балконах, крыльцах на фасадной стороне, наличниках и т. д.) исследователи отмечают элементы московской хоромной архитектуры³¹. В декоре крестьянского жилища Заонежья, особенно в украшении наличников и балконов, можно видеть влияние более поздних стилей — барокко и ампира³². Исследователи объясняют появление этих стилей в Заонежье тесными экономическими связями последнего с Петербургом, откуда «онежский район получил значительные технические усовершенствования через своих отходчиков,

²⁶ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 31.

²⁷ Л. Н. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, стр. 83.

²⁸ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник» («Труды Института этнографии», т. XXXI). М.—Л., 1956, стр. 643.

²⁹ И. П. Работнова. Русская народная одежда. М., 1964, стр. 17.

³⁰ Там же, стр. 17—18, 44—45.

³¹ А. И. Некрасов. Русское народное искусство. М., 1924, стр. 55—64; И. В. Маковецкий. Архитектура русского народного жилища. М., 1962, стр. 184—204.

³² Р. М. Габеев. Карельское деревянное зодчество. М., 1941, стр. 123—126; К. К. Романов. Жилой дом в Заонежье. «Крестьянское искусство СССР». т. I. Л., 1927, стр. 21 и сл.

частью тех же мастеров — деревообделочников-столяров»³³. В связи с этим напомним, что северяне как искусные плотники славились на Руси с древнейших времен. Мастера из Вологодской и Архангельской губерний вызывались на строительные работы в Москву, а позже — в Петербург для строительства новой столицы³⁴.

Пожалуй, еще в большей степени городское влияние заметно в народном искусстве интересующих нас районов. В орнаменте вышивок северных крестьянок можно встретить изображения льва, барса, единорога, известных по памятникам декоративного искусства Новгорода и Владимиро-Суздальской Руси. По мнению Л. А. Динцеса, они проникают в крестьянское искусство в раннефеодальный период³⁵. Под их влиянием видоизменяется сохранившаяся в северных узорах на полотенцах и прялках знаменитая древняя трехчастная композиция с богиней-матерью посредине и двумя всадниками по краям: вместо всадников появляются барсы, реже — кони и олени. Позже в ряде районов эта композиция трансформируется в жанровую картинку: всадники превращаются в «кавалеров», а богиня — в «барышню».

А. И. Некрасов, проследивший проникновение городских стилей в крестьянскую архитектуру, скульптуру и живопись разных областей России, отмечал, что многие черты старого быта высших классов особенно заметны в народном искусстве Севера³⁶.

В северном искусстве, пожалуй, больше, чем в искусстве других областей, сказалось иноземное, особенно западноевропейское влияние, которое можно объяснить как торговыми и культурными связями Русского государства, осуществлявшимися до начала XVIII в. через Холмогоры и Архангельск, так и непосредственными сношениями поморов со скандинавскими странами в более позднее время. Н. Н. Соболев писал об общности элементов русского и скандинавского орнамента в резьбе по дереву³⁷. Н. В. Мальцев, исследовавший орнаментальную резьбу по дереву на Онежском полуострове, пишет о влиянии норвежского искусства на геометрический орнамент Летнего берега, которое сказалося как в заимствовании отдельных изобразительных мотивов, так и на общем строе орнамента³⁸.

Западноевропейские связи сказались также в предметах прикладного искусства северных крестьян. Например, в мебельных работах архангельских мастеров заметно использование западноевропейских образцов³⁹. Особенно ярко иностранные воздействия

³³ К. К. Романов. Указ. соч., стр. 39.

³⁴ И. В. Маковецкий. Указ. соч., стр. 8.

³⁵ Л. А. Динцес. Древние черты в русском народном искусстве. «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 485—487.

³⁶ А. И. Некрасов. Указ. соч., стр. 150.

³⁷ Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М.—Л., 1934, стр. 348.

³⁸ Н. В. Мальцев. Орнаментальная резьба по дереву на Онежском полуострове. «Русское народное искусство Севера». Л., 1968, стр. 80.

³⁹ К. А. Орлова. Мебель работы мастеров Архангельской губернии в собрании Эрмитажа. «Русское народное искусство Севера», стр. 166—168.

XVI—XVIII вв. проявились в резьбе по кости, в которой большое распространение получил стиль барокко, часто в варианте рококо. По мнению А. И. Некрасова, этот стиль особенно заметен в предметах женского туалета (костяных гребнях, шпильках, ларцах, шкатулках и зеркалах), употреблявшихся в быту крестьянок прошлого века, «как будто бы русский север признал для женских украшений законность галантного стиля Ватто»⁴⁰. Мотивы орнамента XVII—XVIII вв. (цветок тюльпана, барочные картуши и рокайльные завитки) можно видеть в северном живописном орнаменте на предметах быта, хотя в целом этот орнамент сохраняет и в XIX в. древние традиции, восходящие, по мнению исследователей, к эпохе древней Руси⁴¹. В народной глиняной игрушке, наряду с образами, восходящими к языческой древности, в XIX в. появляются сюжеты и образы более позднего происхождения под влиянием города⁴².

Число подобных примеров можно умножить, но уже и приведенных, по-видимому, достаточно для заключения, что Север не был глухой окраиной, не испытывавшей новых культурных влияний.

Также не соответствует действительности мнение об экономической отсталости северных районов. Напротив, промышленность на Севере стала развиваться даже раньше, чем во многих других областях России. Известно, что в 1703 г. в устье р. Лососинки, впадающей в Онежское озеро, на месте современного Петрозаводска, по инициативе Петра I был основан казенный пушечно-литейный завод, а в 1773—1774 гг. здесь же был построен Олонецкий металлургический завод. И население Заонежья в той или иной степени было связано с фабрично-заводской промышленностью в этом городе.

Издавна Поморье славилось своими морскими и соляными промыслами⁴³. На Северной Двине и ее притоках велась добыча руды, смолы, развивались кораблестроение, заготовка и сплав леса. Археологическое изучение позднесредневековых городов Поморья (XV—XVII вв.) показало довольно высокий уровень развития ремесленного посада в это время. Продукция ремесленников — кузнецов, котельников, серебряников, скорняков и т. п. — вывозилась в Устюг, Вятку, Москву и Сибирь. Было развито отходничество мастеров в другие центры. «Культурный слой позднесредневекового города на Севере оказался таким насыщенным, порой таким богатым самым широким ассортиментом находок, что

⁴⁰ А. И. Некрасов. Указ. соч., стр. 98.

⁴¹ В. М. Вишневецкая. Из истории северного живописного орнамента. «Памятники культуры русского Севера». М., 1966, стр. 50—53.

⁴² Ю. М. Василевский. Народная глиняная игрушка Архангельской области. Там же, стр. 54.

⁴³ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 230—232; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого. М., 1960, стр. 619.

теперь нельзя говорить о бедности или «маловыразительности» городской культуры на Севере XVI—XVII вв.»⁴⁴

На основании ряда письменных источников можно судить о высоком и повсеместном развитии художественных ремесел на Севере в середине — конце XVIII в.: серебряного дела, резьбы и росписи по дереву, резьбы по кости, ткачества, вышивки, золотопшвейного искусства и др.⁴⁵

Отсутствие на Севере крепостного права способствовало тому, что здесь раньше, чем в других районах России с их вотчинным и поместным землевладением, произошло разложение натурального хозяйства и проникновение товарно-денежных отношений. В отличие от крепостных крестьян, плативших оброк помещику натурой, северные крестьяне выплачивали подати деньгами, что заставляло их развивать ремесла и промыслы и продавать на рынках продукты своего труда. Во второй половине XIX в. в северных губерниях значительное развитие получил крестьянский отход, свидетельствующий о росте пролетаризации крестьянства, вынужденного продавать свою рабочую силу на стороне⁴⁶. При этом преобладающим для северных областей был не земледельческий отход, а промышленный, преимущественно в города⁴⁷. По данным 1890—1896 гг., в Олонецкой губернии отхожими промыслами было занято около 40 тыс. человек. Основная масса рабочих стекалась в столицу⁴⁸. Все это не могло не способствовать предприимчивости, инициативе и подвижности северных крестьян, что в свою очередь создавало благоприятную почву для проникновения на Север «новых веяний и моды».

В том, что русский Север жил довольно активной экономической и культурной жизнью, убеждают биографии сказителей, содержащиеся в большинстве былинных сборников. Среди певцов былин, особенно среди лучших из них, было много людей «грамотных» и «бывалых». Они служили, жили и работали в Петербурге, Новгороде, Петрозаводске. Сказители с побережий Белого моря, Мезени и Печоры по издавна установившейся у поморов традиции участвовали в заграничных плаваниях в Норвегию, Данию, Швецию и даже в Америку. Например, сказитель Л. Е. Гольчиков из дер. Лебской Лешуконского района после отбытия военной службы «ходил матросом по найму» и бывал в Архангельске, Петрограде, в Америке и Дании. Сказитель М. Г. Антонов в 1892 г. совершил кругосветное путешествие, во время которого

⁴⁴ О. В. Овсянников. Некоторые проблемы изучения средневекового города в русском Поморье. «Памятники культуры русского Севера», стр. 67.

⁴⁵ Т. А. Бернштам. Кустарная промышленность и народное искусство русского Севера. Там же, стр. 63.

⁴⁶ «Хрестоматия по истории СССР», т. III. М., 1952, стр. 212.

⁴⁷ В. К. Яцунский. Вопросы экономического районирования в трудах В. И. Ленина. «Вопросы географии», сб. 35. М., 1953, карта к стр. 20.

⁴⁸ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. 3. СПб., 1900, стр. 206.

побывал в Англии, Испании, Южной Америке, в США и т. д.⁴⁹ Да и сами тексты былилишний раз подтверждают, что их исполнители жили интересами всего Русского государства. Известно, что отражение в былинах исторических реалий не только эпохи Киевского государства, но и более поздних — периода феодальной раздробленности, Московского государства — послужило поводом для концепций о позднем происхождении былили. Вторжение в былилины позднейших понятий и лексики заметны и в последние периоды существования эпоса — XVIII—XX вв. Бояре заменяются «вельможами», у князя Владимира вместо «палат белокаменных» — «комнаты»; Василиса Микулична, переодеваясь мужчиной, надевает «обмундирование». В ряде былили упоминаются «магазины», «приказчики»⁵⁰. Лексика, связанная с новым бытом, вторгается в «loci communes», которые, как известно, наиболее тщательно охраняются былилинной традицией.

О том, что жители Севера былили в курсе позднейших политических событий, свидетельствуют записанные здесь исторические песни о событиях XVI—XIX вв. Об этом же говорят и записанные у северян предания об Иване Грозном, образ которого получил у них оригинальную трактовку. В отличие от преданий центральных и южных губерний, где Иван Грозный и его деятельность оцениваются положительно, в преданиях северян отношение к Грозному отрицательное⁵¹. События, связанные с польско-шведской интервенцией начала XVII в., нашли отражение в широко распространенных на Севере, особенно в Прионежье, преданиях о «панах»⁵², о «Маринкином приданом»⁵³.

Таким образом, рассмотрение быта, культуры, искусства Севера убеждает нас в том, что последний не только не был захолустной окраиной России, но жил довольно активной политической, экономической и культурной жизнью. Установившаяся за русским Севером репутация глухого края тем более непонятна, что в России прошлого века былили действительно глухие районы, мало подверженные поздним культурным влияниям. Н. И. Лебедева, исследовавшая материальную культуру населения Полесья, отмечает консервативность его быта, свидетельствующего о том, что западноевропейская цивилизация последних веков не проникла сюда⁵⁴. Н. П. Гринкова, исследуя одежду русских восточной части Смоленской, Калужской, Тульской, Орловской, Тамбовской,

⁴⁹ А. М. Астахова. Былилины Севера, т. I. М.—Л., 1938, стр. 109, 161.

⁵⁰ А. М. Астахова. Указ. соч., стр. 98.

⁵¹ В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., 1970, стр. 63 и сл.

⁵² Там же, стр. 40 и сл.; В. В. Пименов. Чудские предания как источник по этнокультурной истории европейского Севера. «Советская этнография», 1968, № 4.

⁵³ В. К. Соколова. Указ. соч., стр. 40.

⁵⁴ Н. И. Лебедева. Этнологическое изучение Калужского Полесья как характерного этнологического района. «Вопросы этнологии Центрально-промышленной области». М., 1927, стр. 29.

Воронежской и Курской областей, находит в ней ряд архаических элементов, не сохранившихся в других, в том числе и севернорусских областях. Наиболее характерный в этом отношении элемент — поясное украшение — автор связывает с обрядами, восходящими к «древнейшему периоду человеческого общества, к эпохе космического мировоззрения»⁵⁵. Сохранение этих пережитков исследовательница объясняет отсталостью общественной и экономической жизни исследуемых районов. Интересно, что Н. П. Гриркова сравнивает их с районами бывших северных губерний, раньше вставших на путь капиталистического развития и раньше стряхнувших пережитки феодального строя и потому не сохранивших столь архаических элементов в культуре⁵⁶. Заметим, что Н. П. Гриркова тем самым использует, правда с большим основанием, тот же аргумент, что и исследователи, объясняющие сохранение архаических черт в культуре северных областей.

Это лишний раз свидетельствует, что «глушью» и «отсталостью» далеко не всегда можно объяснить сохранение определенных этнографических особенностей в тех или иных районах. Причины этого зачастую более глубокие и требуют специального изучения. Кроме того, вряд ли можно считать правильным само представление о том, что глушь и оторванность от культурных центров способствуют сохранению традиционной культуры. Вся история народного искусства, в том числе и фольклора, убеждает нас, что постоянное включение и освоение традиционными видами искусства новых сюжетов и образов являются необходимым условием развития и, следовательно, сохранения этого искусства.

Не выдерживает критики и мнение некоторых исследователей о том, что былинную традицию на Севере поддерживала вера крестьян в «чудесное». Н. Е. Овчуков, вслед за А. Ф. Гильфердингом придававший большое значение этой причине, так писал об этом: «Чудесное в былинах для печорца совсем, впрочем, не представляется чем-то особенным. Этим чудесным полна его действительная жизнь, мир его окружающий полон чудес и необъяснимостей: в реках и особенно озерах обитают водяные, в лесу — лешие, в собственном дому, за печкой хозяйничает домовый, вокруг оборотни, ведьмы, шишки, колдуны, которые — рассерди их — и ныне обратят в гнедого тура»⁵⁷. Однако многочисленный фольклорный и этнографический материал свидетельствует, что вера в леших, домовых, водяных и других «представителей» нечистой силы была не в меньшей мере присуща крестьянам других русских губерний, в которых былины не обнаружены.

Многие собиратели, говоря об условиях, способствовавших сохранению эпоса, не раз указывали на большую роль в этом от-

⁵⁵ Н. П. Гриркова. Очерки по истории развития русской одежды. «Советская этнография», 1934, № 1-2, стр. 83.

⁵⁶ Там же, стр. 93.

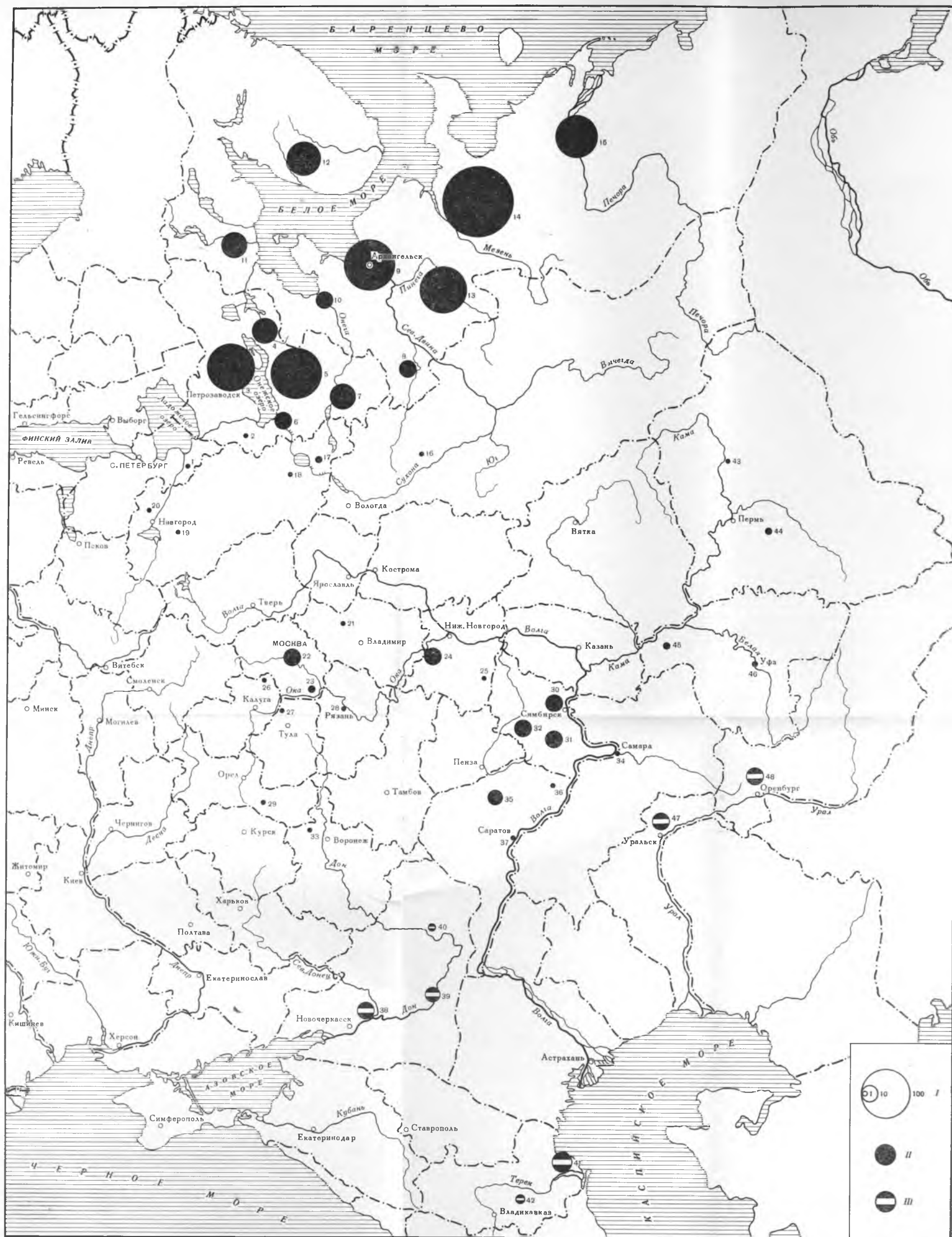
⁵⁷ Н. Е. Овчуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. XXII.

пошении артельных промыслов (рыболовных, зверобойных, лесных и т. п.). При работе на промыслах часто выдавались дни «вынужденного досуга», а артельные формы труда обеспечивали необходимую для сказителя аудиторию и возможность обмена творческим опытом. Эта причина действительно заслуживает большего внимания, чем все остальные. И А. В. Марков, и А. Д. Григорьев, и Н. Е. Ончуков не раз отмечали, что крестьяне охотнее всего поют былины в осенние вечера на промыслах рыбы или морского зверя, когда из-за наступления темноты им приходится прекратить работу и долгий досуг нечем заполнить. Но тогда чем объяснить живучесть былинной традиции в Онежском крае? Известно, что в Заонежье земледелие по крайней мере уже с XV в. занимало основное место в хозяйстве крестьян, а промыслы были развиты намного слабее⁵⁸. Кроме того, как отметил В. Ф. Миллер, крестьяне других русских областей часто сопровождают однообразную и скучную работу заунывными, протяжными песнями, и эти песни могли быть и эпическими⁵⁹.

Таким образом, рассмотрение географического распространения былин в пределах всей России показало, что об очагах былинной традиции можно говорить главным образом применительно к севернорусским областям. И как бы исследователи ни оценивали находки остатков былин в других русских областях как результат прежнего повсеместного распространения былин в пределах расселения русского народа или как результат позднего их проникновения, — ясно, что подавляющее число записей и наилучшая сохранность былин зафиксированы на русском Севере. Это дает основание остановиться более подробно на географическом распространении былин в этой области.

⁵⁸ М. В. Вигов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вевков. Издательство МГУ, 1962, стр. 95—96.

⁵⁹ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 72.

Распространение героических былин в Европейской части России в конце XIX — начале XX в.

I — число записей, приходящихся на уезд (площадь кружков прямо пропорциональна числу записей былин); II — былины; III — песни на былинные сюжеты

Особенности и причины локализации былин на русском Севере

Для того чтобы выявить основную причину распространения и сохранения былин на русском Севере, посмотрим, как размещаются здесь былинные очаги.

Под русским Севером, или Поморьем, как именуют эту область документы XVII столетия, подразумевается территория, расположенная к северу от водораздела Волги—Сухоны между районами расселения коми и карелов. Другими словами, интересующая нас область находится к северу от 60-й параллели.

Материалом для исследования послужили тексты былин, записанные на этой территории в конце XIX — начале XX в. и содержащиеся в сборниках былин этого времени¹.

Принципы отбора и систематизации материала, содержащегося в сборниках, описанные в предыдущей главе, остаются в силе и при исследовании географии былин на русском Севере. Различие заключается в том, что если при рассмотрении географии былин по всей России принимались во внимание только героические былины, то применительно к Северу материал, относящийся к былинам, несколько расширяется, поскольку, как уже говорилось выше, при отнесении каждого конкретного текста к былинам основным критерием считались жанровые признаки. Помимо собственно былин, не вызывающих сомнений ни со стороны содержания, ни со стороны техники их исполнения, учитывались

¹ «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 1—5. М., 1860—1862; «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909—1910; «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I—III. М., 1949—1951; «Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье, подготовка текстов, статьи и примечания А. М. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан». Петрозаводск, 1948; А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901; «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I. М., 1904; т. II. Прага, 1939; т. III. СПб., 1910; Н. Е. Олчуков. Печорские былины. СПб., 1904; «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. М. Масловым и Б. А. Богословским». «Труды музыкально-этнографической комиссии». М., ч. I, 1905; ч. II, 1911; «Русские былины старой и новой записи». Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894; «Былины новой и недавней записи из разных местностей России». Под ред. Вс. Миллера. М., 1908; О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. М., 1922.

и старшие исторические песни, сохранившие на русском Севере исполнительские приемы, близкие к былинным, а также некоторые духовные стихи эпического склада («Егорий храбрый», «Адрик», «Голубиная книга», «Оника-воин»). Баллады, значительно отличающиеся от классических былин по содержанию и художественному оформлению, были включены в подсчеты, поскольку они в какой-то мере восприняли былинную поэтическую технику. Замечу, что и старшие исторические песни, и названные духовные стихи, и баллады в большинстве районов Севера не отделялись от героических былин и существовали там под общим названием «старинны».

При составлении таблиц и карт, показывающих распространение былин на Севере, в качестве территориальной единицы был выбран не уезд, как в предыдущей главе, а более мелкая единица — волость, определявшаяся в каждом конкретном случае по спискам населенных мест конца XIX — начала XX в.²

При изучении географии былин простейший способ заключается в локализации на карте всех населенных пунктов, где были зафиксированы былины. Такая карта сделана (вклейка, стр. 96—97). На ней обозначены не только места, где были обнаружены очаги былинной традиции, но и те села и деревни, в которых, по сведениям местных жителей, былины бытовали в интересующий нас период, но в которых по тем или иным причинам не смогли побывать собиратели эноса. Нанесение на карту подобных деревень помогает точнее представить картину распространения былин. О том, что на сведения местных жителей в этом отношении в значительной мере можно положиться, говорит нам последующая история собирания эноса. Например, члены экспедиции Государственного Института истории искусств, работавшей в 1926—1928 гг. на р. Мезени³, записали былины во многих деревнях, упоминаемых в свое время А. Д. Григорьевым в числе тех, где, по сообщенным ему сведениям, нужно искать былины. Могу сослаться и на собственный опыт. Во время работы фольклорно-этнографической экспедиции 1971 г. на берегах Мезени, в дер. Кимже Мезенского района мною были записаны былины от Т. Г. Немнюгиной⁴. Некоторые былины сказительница переняла от своего отца, жившего в дер. Заозерье этого же района. А. Д. Григорьев упоминает эту деревню в числе тех, где, по словам местных жителей, должны были быть былины. Замечу, что Заозерье не было обследовано собирателями в отношении эноса до упомянутой экспедиции. Этот пример показывает, что указания собирателей на места предполагаемого бытования былин

² «Списки населенных мест Российской империи. По сведениям за 1859 г.» СПб., 1861—1885; «Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году». Архангельск, 1907; «Список населенных мест Олонецкой губернии. По сведениям за 1905 год». Петрозаводск, 1907.

³ А. М. Астахова. Былины Севера, т. I. М.—Л., 1938.

⁴ Архив Института этнографии АН СССР, ф. 11, ед. хр. 9.

могут быть учтены исследователями при планировании экспедиционной работы.

Недостаток рассмотренной карты заключается в том, что она не дает возможности представить количественную сторону распространения былин, что, в свою очередь, несколько искажает реальную картину распространения эпоса. Сопоставим для примера две близко расположенные местности, где былинная традиция в конце XIX в. была примерно одинаковой: Пинегу и Зимний берег Белого моря. Собиратели русского эпоса зафиксировали былины чуть ли не в каждой пинежской деревне, что на описываемой карте создает впечатление сплошного былинного очага. На Зимнем же берегу расположено всего несколько, хотя и довольно крупных, деревень. И несмотря на то, что былевая традиция Зимнего берега не уступает пинежской, из-за различий в характере расселения карта создает иллюзию слабого развития там эпоса.

Поэтому более целесообразным представляется метод картографирования, позволяющий совместить локализацию очагов былинной традиции и степень ее развития, выражающуюся в числе записей былин и былинных сюжетов, зафиксированных в определенной местности.

Было сделано 20 картодиаграмм, показывающих число записей былин в каждой волости и число распространенных там сюжетов; они дают возможность представить распространение основных эпических циклов (героических, новеллистических былин, баллад и т. п.) и отдельных былинных сюжетов⁵.

На подробном региональном обзоре размещения былин остановимся позднее; сначала рассмотрим карты в целом.

* * *

Карты показывают, что область распространения былин четко очерчена. Она вытянута с юго-запада на северо-восток, от Свири до Печоры, и занимает северо-западную часть русского Севера (если не считать северного побережья и центральных областей Кольского полуострова). Общие границы былинного ареала таковы: наиболее отчетлива его западная граница, она совпадает с западной границей расселения русского народа на севере — от южного Приладожья до Кандалакшской губы Белого моря. Северная граница проходит по Терскому берегу Белого моря, а затем — от низовьев Мезени до низовьев Печоры. Менее отчетлива юго-восточная граница. Она идет от того же Приладожья к верховьям Онеги, Моши, среднему течению Ваги, верховьям Пинеги и выходит на среднее течение Печоры. Грубо говоря, область распространения былин на Севере можно представить в виде треугольника, вершинами которого будут Приладожье, Кандалакшская губа

См. карты на стр. 46 и сл. и табл. 2 в Приложениях.

и нижняя Печора. Таким образом, вне этого ареала остается около половины русского Севера: течение Двины, за исключением пизовья, почти все течение Ваги и ее притоков, течение Сухоны, Юга, Вычегды, Вятки и Камы, верхняя и средняя Печора.

Установленный ареал былии дает еще одно основание подвергнуть критике некоторые укрепившиеся в фольклористике мнения о географическом распространении русского богатырского эпоса. Прежде всего не выдерживает картографической проверки не раз высказывавшееся мнение о распространении былинного эпоса по всему русскому Северу.

Наличие отчетливого ареала свидетельствует также, что записи былии здесь не случайны и что в других местах былинные находки едва ли возможны. Напомню, что поиски былии после открытия П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга велись повсеместно, но найдены они были только в описанных выше пределах. Отсутствие былии в областях, но входящих в былинный ареал, нельзя считать результатом случайного выбора пунктов исследований. Верхняя Двина, Сухона, Вага и Вятка не раз посещались этнографами и фольклористами, записавшими здесь немало различных видов народной поэзии, в том числе предания о чуде — древнем поселении этого края. Достаточно вспомнить сборники П. И. Савvaitова, Г. О. Дютша и Ф. М. Истомина, обширное собрание Н. А. Иваницкого и др.⁶

Почти все исследователи, писавшие об особых условиях, свойственных северным районам, послуживших, по их мнению, причиной сохранения эпоса, априори считали, что былины распространены на всей территории русского Севера. Исходя из установленного благодаря картографированию былинного ареала, правильнее искать различия не только и не столько между северными и несевверными областями России, сколько между районами Севера, в которых обнаружены очаги былинной традиции и в которых былии нет. Можно с уверенностью сказать, что условия, способствовавшие, по мнению большинства исследователей, сохранению былии, действовали в Вологодской и Пермской губерниях, в которых не обнаружено былинной традиции, в той же мере и в том же комплексе, что и в районах Архангельской и Олонецкой губерний, богатых эпосом. И даже крепостного права, убившего, по мнению ряда исследователей, былинную традицию в центральных и южнорусских областях, не было здесь так же, как и в областях, богатых эпосом.

Некоторое различие можно увидеть в хозяйственных занятиях населения сравниваемых областей: в районах былинного ареала

⁶ П. Савvaitов. Вологодские песни. «Москвитянин», 1841, ч. II; «Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. И. Ляпунов». СПб., 1899; «Народные песни Вологодской и Олонецкой губернии, собранные Ф. Студицким». СПб., 1841; «Песни, сказки, пословицы и загадки, собранные Н. А. Иваницким». Вологда, 1960.

заметно преобладание промыслов, на значение которых не раз указывали собиратели. Однако, сравнивая в этом отношении районы, входящие в былинный ареал, можно увидеть, что хозяйственные различия не всегда соответствуют различиям культурным. Так, например, былинная традиция в Онежском крае, где, как уже говорилось, земледелие по крайней мере с XV в. занимало основное место в хозяйстве крестьян, хорошо сохранилась, а на Карельском берегу, где промыслы занимали ведущее место в хозяйстве, она была слабой.

* * *

Возникает предположение о связи отмеченных выше различий с переселенческими потоками. Как показывают исторические, этнографические и лингвистические данные, Север сравнительно поздно (главным образом в XII—XVII вв.) был заселен русскими выходцами из Новгородской и Ростово-Суздальской земель. Согласно свидетельствам памятников письменности XII—XVII вв., в том числе древнейшего из них — Уставной грамоты Святослава Ольговича⁷, путь новгородцев на северо-восток шел по рекам Волхову и Свири, в Онежское озеро. От Онежского озера дальше на север и северо-восток вело несколько путей. Один — р. Водлою, которая впадает в Онежское озеро, Кенозером, р. Кеною на Онегу. Позднее, к середине XVI в., этот путь потерял свое значение. По Онеге шли до моря или переходили на р. Емцу и Северную Двину. От Северной Двины по рекам Пинеге и Мезени шел путь к Печоре. Второй путь шел на Онегу по р. Вытегре, впадающей в Онежское озеро, затем волоком на озеро Лаче и оттуда к Каргополю на Онегу. Именно эта дорога и вытеснила первый путь. Кроме этих главных дорог, позднее возникли пути прямо на Север к Белому морю. Один по берегам Онежского озера, далее волоком к Маткоозеру и через Выгозеро; другой — через Корелу по побережью Ладожского озера к западному берегу Белого моря. По р. Моше, впадающей в Онегу, ответвлялся путь в Вельско-Важский край. К Тотье и Векшеньге на Сухоне новгородцы вышли с севера, а не с запада с верховьев Сухоны. В районе этой реки поток новгородских переселенцев столкнулся с потоком низовским⁸.

После Великого Новгорода вторым центром, из которого шло заселение Севера, было междуречье Волги и Оки. С древнейших времен кривичи, вятичи и частично словене пропикли сюда и основали здесь свои города (Ростов и Суздаль). Чем хуже складывалась обстановка для Руси на юге под ударами степняков, тем плотнее заселяли русские пространства между Окой и Волгой.

⁷ Подробный анализ этой грамоты см.: А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 93 и сл.

⁸ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 108.

Во времена монголо-татарского нашествия, чтобы избежать разорения, население уходило в эти районы, а через них в костромские, галичские и вологодские места. «Века XIV и XV — это время усиленной колонизации с юга на север поперек колонизационным потокам, струившимся в Заволочье из Новгородчины»⁹. За окрестности Вологды и берега Сухоны шла упорная борьба между Новгородской и Низовской властями. Южное население пробилось на Сухону и отодвинуло новгородскую границу с водораздела Кострома — Сухона до водораздела Сухоны и Ваги. В начале XV в. низовские колонисты устанавливали заимки по рекам Северной Двине, Емце, Мехренге и Онеге. Попадая с юга на Сухону и двигаясь по ее течению, пришельцы выходили на Двину, но, встречая там новгородцев, не шли далее на Север, а по рекам Вычегде, Югу и Моломе направлялись в Вятскую землю.

При рассмотрении карт распространения северных былин отчетливо видно, что былинные очаги расположены только на путях новгородских переселенцев.

Свидетельства письменных источников соответствуют данным этнографических и антропологических исследований, проведенных в 1953—1958 гг. М. В. Витовым¹⁰. Антропологическим измерениям было подвергнуто около 8,5 тыс. (84 локальные группы) русских и соседящих с ними карелов, вепсов, лонарей, коми и других народов. Массовый характер носили и этнографические исследования; описано, в частности, 7,5 тыс. старых народных построек (125 локальных групп).

Проанализировав географическое распространение расово-диагностических признаков, исследователь среди современных северных русских выделяет три основных антропологических типа. Первый — ильменско-беломорский, отличающийся высоким ростом, мезокефалией, светлой пигментацией — имеет два ареала: один — в Приильмье и на Волхове, другой — на нижней Двине и побережье Белого моря. Второй тип — верхневолжский, характеризующийся более темной пигментацией, преобладанием брахикефалии, меньшей степенью матуризации, — широко распространен в более южных областях, вдоль верхней Волги. На Север он проникает через водораздел Волги и Сухоны, верхнюю Вагу и Кокшеньгу в среднее течение Северной Двины. Третий антропологический тип, названный М. В. Витовым по месту его наибольшей концентрации у вепсов и карел — онежским, отличается небольшой примесью монголоидных элементов, выражающейся в развитии складки верхнего века, некоторой уплощенности лица,

⁹ С. Ф. Платонов. Новгородская колонизация Севера. «Очерки по истории колонизации Севера», вып. I. Пг., 1922, стр. 49.

¹⁰ М. В. Витов. Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера. «История СССР», 1964, № 6; *он же*. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII—XVII вв.). М., 1964.

малой растительности на лице и теле и других признаках. Эти особенности сильнее развиты у финских народов Севера, соседящих с русскими. Среди русских онежский тип зафиксирован в районах, расположенных в стороне от больших путей: в Прионежье, на Онеге, Ппнеге, Тойме и верхней Сухоне. Сравнивая карты, фиксирующие распространение этих антропологических типов¹¹, с картами распространения былин, видим, что былинный ареал совпадает только с ареалом ильменско-беломорского и частично онежского типов.

Не менее красноречивы результаты этнографических исследований М. В. Витова¹². Анализируя распространение отдельных элементов жилища на русском Севере, исследователь выделил два типа жилища — западный и восточный. Западный тип, для которого характерны боковая (по отношению к передней стене дома) ориентация устья печи, положение стола у фронтовой стены, отсутствие полатей, зафиксирован у русских Заонежья, поморов Летнего и Карельского берегов. К этому типу по ряду признаков примыкает жилище русских южного побережья Белого моря и бассейна Вытегры. Восточный тип, для которого характерен наибольший процент распространения полатей, прямая ориентация устья печи и положение стола в красном углу, зафиксирован в районах, лежащих на восток от водораздела между бассейном Онежского озера и р. Онеги. Исследователь связывает эти типы жилищ с двумя потоками русского заселения Севера: западный тип — с новгородским, а восточный — с пизовским.

Необходимо заметить, что полное совпадение былинного ареала с ареалами антропологических и жилищных типов, а также с показаниями письменных источников, невозможно¹³. Помимо того, что эти явления разнородны по своему происхождению и развиваются по своим внутренним законам, их фиксация происходила в разное время. Устав Святослава отражает обстановку начала XII в., былинная традиция на Севере была обнаружена в конце XIX — начале XX в., а антропологические и этнографические обследования проводились в 50-е годы нашего столетия.

Показательны данные диалектологического обследования русского Севера, согласно которым на рассматриваемой территории зафиксированы три группы севернорусских говоров: северная (или поморская), расположенная к востоку от Выгозера и к северу от Онежского озера, по нижнему течению рек Онеги, Северной Двины, а также в бассейнах Кулоя, Мезени и Печоры; олонечская — к востоку от Онежского озера до среднего течения

¹¹ М. В. Витов. Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера, стр. 87—94.

¹² М. В. Витов. Этнография и антропология европейского Севера, рукопись. Архив Института этнографии. Материалы М. В. Витова.

¹³ Об этом говорил М. В. Витов в работе «Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера», стр. 101.

р. Онеги; и восточная, охватывающая бассейны средней и верхней Двины и ее притоков Сухоны, Юга и Вычегды¹⁴.

Очевидно, что былинному ареалу соответствует только территория распространения поморского говора и частично олопецкого.

Интересные результаты дают наблюдения над географией отдельных диалектных слов. В. А. Никонов, рассмотрев названия населенных пунктов с основой «водный источник», пришел к заключению, что название «ручей» (с производными «ручи», «ручейки», «ручейна» и т. п.), связанное с Новгородом и Псковом, на Севере закрепилось на маршрутах и рубежах новгородской колонизации по рекам и волокам. Топонимический ареал названия «ручей» совпадает отчасти с ареалами столь же типичных новгородско-псковских топонимов «мох», «овин» и др.¹⁵

Если «ручей» связан с Новгородом, то другой северный топоним — «ключ» (с производными «ключи», «ключики», «ключевня» и пр.) связан с распространением московской колонизации. Зона этого названия занимает огромное пространство к юго-востоку от зоны «ручей», включая Вятку и Каму¹⁶.

Столь же показательно географическое распространение местного термина «шелонник», которым поморы называют юго-западный ветер. Северные крестьяне давно не помнят происхождения этого диалектного слова, которое могло возникнуть только в Новгороде. Река Шелонь впадает в Ильмень именно с юго-западной стороны. На этот важный распознавательный для истории освоения Севера признак впервые обратил внимание Д. К. Зеленин, указав его распространение на побережье Белого моря, в Кемском уезде, по рекам Колве, Мезеви, нижней Двине, Печоре, Онеге¹⁷. По наблюдениям М. В. Витова, название «шелонник», помимо указанных районов, встречается в устье Емцы, на нижней Мезеви и нижней Печоре. Составленная им карта распространения этого термина показывает, что ареал «шелонника» почти полностью накладывается на ареал ильменско-беломорского типа и ряда этнографических признаков западной зоны¹⁸.

Юго-восточная часть русского Севера, как выявляется при изучении древних письменных документов, антропологических, этно-

¹⁴ См. карты в работах: *Н. Н. Дурново*, *Н. Н. Соколов*, *Д. Н. Ушаков*. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915; *Р. И. Авагесов*. Очерки русской диалектологии. М., 1949; *П. С. Кузнецов*. Русская диалектология. М., 1951; «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии)». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, стр. 223—235.

¹⁵ *В. А. Никонов*. Ручей — Ключ — Колодезь — Криница — Родник. «Материалы и исследования по русской диалектологии», вып. II. М., 1961, стр. 182—184.

¹⁶ Там же, стр. 185.

¹⁷ *Д. К. Зеленин*. Великорусские говоры с неорганическим и переходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, стр. 372.

¹⁸ *М. В. Витов*. Указ. соч., стр. 101.

графических и лингвистических данных, была заселена выходцами из Ростово-Суздальской земли¹⁹.

* * *

Таким образом, сопоставление былинного ареала с показаниями письменных источников, антропологических, этнографических и диалектологических данных позволяет утверждать, что распространение былин на русском Севере можно связывать только с новгородскими переселенцами²⁰. В областях, заселенных из Ростово-Суздальской земли, былинная традиция отсутствует. Нет ее и в тех районах, где низовской поток переселенцев перекрыл более ранний новгородский: водораздел Сухоны и Ваги, верхнее и среднее течение рек Онеги и Северной Двины.

Тот факт, что низовские переселенцы не принесли былин на север, в свою очередь позволяет сделать вывод, что населению Ростово-Суздальской земли, во всяком случае ко времени усиленного переселения оттуда (XIV—XV вв.), былевой эпос не был известен.

Этот вывод тем более правомерен, что у нас нет ни прямых, ни косвенных доказательств существования былинной традиции в Ростово-Суздальской земле в прошлом. Правда, существует традиция относить к этой области былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Одним из первых об этом писал В. Ф. Миллер на том основании, что имена богатырей в былинах связаны с Суздальщиной: Ильи Муромца — с Муромом, Алеши Поповича — с Ростовом, Добрыня Никитич иногда называется в былинах сыном Никиты Романовича из Рязани²¹. Д. С. Лихачев на основании летописных записей XV—XVI вв. о богатырях Алеше Поповиче и Добрыне, которые, по его мнению, восходят к народным преданиям об этих богатырях, делает вывод о бытовании былин в Ростово-Суздальской земле в XIV—XV вв.²² В не-

¹⁹ А. Н. Пасонов. Указ. соч., стр. 189 и сл.; М. В. Витов. Указ. соч., стр. 104; Н. Н. Дурново, П. П. Соколов, Д. Н. Ушаков. Указ. соч.; Р. И. Аванесов. Указ. соч.; П. С. Кузнецов. Указ. соч.; «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», стр. 285—290.

²⁰ Как уже говорилось, гипотезу о том, что северные былины связаны с переселенцами из Новгорода, выдвинул Миллер. Однако он основывался главным образом на сборниках былин из Олонецкой губернии. Сборники из Архангельской области были составлены позднее. Это, вероятно, не позволило Миллеру более четко выразить мысль, что только новгородские переселенцы принесли былины на Север, и он надеялся, что былины можно будет найти и в Вологодской губернии, заселенной из Ростово-Суздальской земли (Вс. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 77). К тому же история заселения Севера во времена Миллера была изучена слабо. В недавнее время на связь распространения былин на Севере с новгородскими переселенцами указал М. В. Витов, основываясь на проведенных им обширных этнологических исследованиях (указ. соч., стр. 102).

²¹ Вс. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 95.

²² Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Пре-

давно выпущенной книге В. П. Аникин²³, предлагая свою периодизацию былинного эпоса, выделяет владими́ро-суздальский период в жизни эпоса (с середины XII до второй половины XIV в.), пользуясь примерно той же аргументацией, что и Д. С. Лихачев.

Однако ни у одного из этих авторов мы не находим действительных доказательств существования именно былевых песен в Ростово-Суздальской земле. Возражая В. Ф. Миллеру, можно сказать, что совсем не обязательно былина должна быть сложена в том месте, откуда родом упоминаемый в ней богатырь. Даже если согласиться с тем, что Алеша Попович — рязанский богатырь, совсем не исключено, что былины о нем могли сложиться в Киеве или Новгороде. Как в более позднее время песни об Иване Грозном в былинном размере складывались лишь на Севере, так же раньше это могло быть с песнями о Добрыне, Алеше Поповиче и Илье Муромце.

Что же касается концепции Д. С. Лихачева, то в ней обоснованной представляется та часть, в которой автор доказывает восхождение летописных записей об Алеше Поповиче и Добрыне Никитиче к устным преданиям об этих богатырях. Однако предания, как и сказки о богатырях, зафиксированные в каком-то районе, еще не свидетельствуют о существовании там былин, обладающих специфическими жанровыми особенностями.

* * *

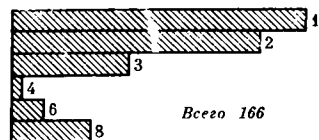
Перейдем к региональному обзору размещения былинных центров. Рассмотрим, как распределяются на интересующей нас территории эпические песни, относящиеся к разным циклам: героические былины, былины-новеллы, баллады, былины на сказочные сюжеты, скоморошны, пародии-небылицы, старинные исторические песни, былины на местные темы, духовные стихи. В таблице 2 (см. Приложение) отражено число эпических песен каждого вида, приходящихся на волость. Карты показывают распространение их в разных районах Севера.

В число былин героического характера, воспевавших богатырей, боровшихся с врагами Руси, вошли следующие сюжеты: «Алеша Попович и Тугарин», «Бой Добрыни и Алеша с татарами», «Бой Добрыни с Дунаем», «Бой Добрыни с Ильей Муромцем», «Василий Игнатьевич», «Вольга Всеславьевич», «Вольга и Микула», «Глеб Володьевич», «Гусинко Пленкович и Шарк Великан», «Давила Ловчанин», «Детство Добрыни», «Добрыня и Василий Казимирович», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Настасья Микулишна», «Дунай», «Дюк и Шарк Великан», «Иван Годинович»,

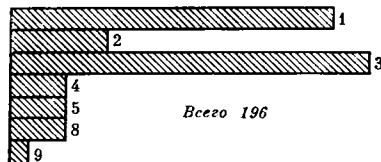
мудрого. М.—Л., 1962, стр. 108—115; *он же*. «Устные летописи» в составе Повести временных лет. «Исторические записки», № 17. М.—Л., 1945.

²³ В. П. Аникин. Русский богатырский эпос. Пособие для учителя. М., 1964, стр. 22—23.

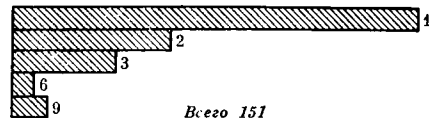
I Западное Заонежье

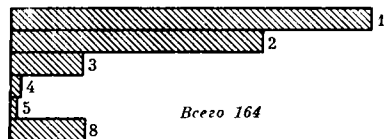
IV Бассейн р. Пинеги

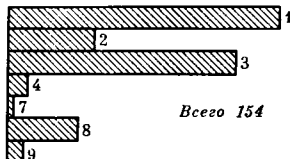
VII Бассейн р. Мезени

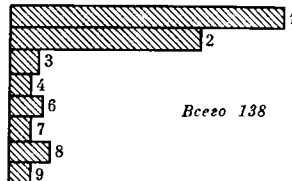
II Восточное Заонежье

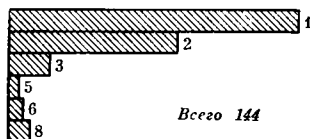
V Карельский и Терский берега Белого моря

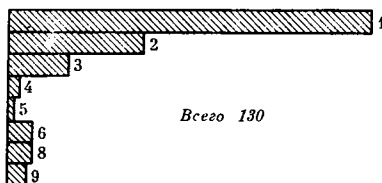
VIII Бассейн р. Печоры

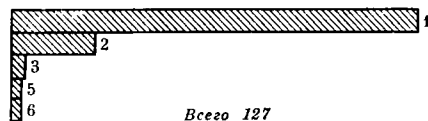
III Район Кенозера

VI Зимний берег Белого моря

IX Бассейн р. Кулой

0 10 20 30 40 былии

Соотношение разных видов эпических песен на русском Севере

1 — героические былины; 2 — былины-новеллы; 3 — баллады; 4 — былины на сказочные сюжеты; 5 — скоморошины; 6 — пародии и небылицы; 7 — былины на местные темы; 8 — старшие исторические песни; 9 — духовные стихи

«Илья Муромец» (сводная былина), «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», «Илья Муромец и голи кабацкие», «Илья Муромец и Идолище», «Илья Муромец и Калин царь», «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец и Святогор», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и сын», «Исцеление Ильи Муромца», «Козарин», «Калика-богатырь», «Камское побоище», «Королевичи из Крякова», «Михайла Данилович», «Михайло Дородович», «Михайло Потык», «Наезд литовцев», «Настасья Микулична», «Потап Артамонович», «Поход на Корсунь», «Самсон-богатырь», «Сватовство Вахрамея (Идолища)», «Святогор», «Святогор и Микула», «Сорок калик со каликою», «Сухман», «Три поездочки Ильи Муромца», «Туры», «Чурило и Владимир».

В группу былин-новелл, повествующих о социально-бытовой жизни русского народа, вошли былины: «Алеша Попович и сестра Збродовичей», «Добрыня и Алеша», «Добрыня и Маринка», «Дюк», «Василий Буслаевич», «Иван Гостиный сын», «Садко», «Смерть Чурилы», «Соловей Будимирович», «Соломан и Василий Окульевич», «Ставер», «Хотен Блудович».

Группу былин балладного характера, по своему содержанию близких к лиро-эпическим песням, составили следующие былины: «Братья-разбойники и сестра», «Василий и Софья», «Горе», «Дмитрий и Домна», «Жена разбойника», «Князь Долгорукий и ключник», «Князь, княгиня и старицы», «Встреча двух кушцов в кабаке», «Мать князя Михайла губит его жену», «Мать продает сына», «Молодец и худая жена», «Молодец и река Смородина», «Насильственное пострижение», «Поездка по морю», «Разбойник Илья, кум темный», «Роман и его дочь Настасья», «Теща в плену у зятя».

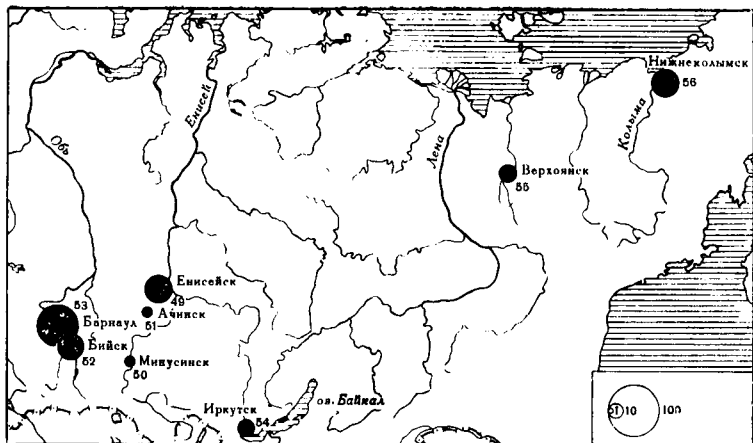
В группу скоморошин вошли: «Ловля филина», «Путешествие Вавилы со скоморохами», «Проделки Васьки Шишка», «Старина о большом быке», «Терентий-муж», «Усица».

К последним примыкают пародии-небылицы: «Небылица», «Небылица о щуке», «Похвала богатству», «Птицы на море», «Птицы и звери», «Старина о льдине», «Шутова старина».

Небольшую группу составляют былины, связанные с местными преданиями: «Бутман», «Рахта Рагноозерский», «Молодец и казна монастырская (Оксенко)».

В особую группу выделяются былины волшебного-сказочного содержания, возникшие на основе переработки сказочных сюжетов: «Ваня Удовкин сын», «Иван Дудорович и Софья Волхвична», «Женитьба Пересмякина племянника», «Ждан-царевич», «Купеческая дочь и царь», «Лука Данилович, змея и Настасья Салтановна», «Нерассказанный сон», «О Еруслане Лазаревиче», «Петух и лисица», «Рында», «Царство подсолнечное».

И, наконец, последнюю группу, старших исторических песен, составили следующие сюжеты: «Авдотья-рязаночка», «Взятие Казани», «Гришка Отрепьев», «Иван Грозный и сын», «Кострюк», «Скопин», «Смерть царицы», «Плач царицы по умершему царю».

Распространение героических былин в Сибири в конце XIX — начале XX в.

Региональные различия в северной эпической традиции можно представить иным образом. Волости, в которых зафиксированы былины, были разбиты на группы, соответствующие исторически сложившимся на Севере районам²⁴ (см. стр. 43).

Западное Заонежье (I). Ладвинская волость — 5, Кондопожская — 15, Великогубская — 146 (всего — 166).

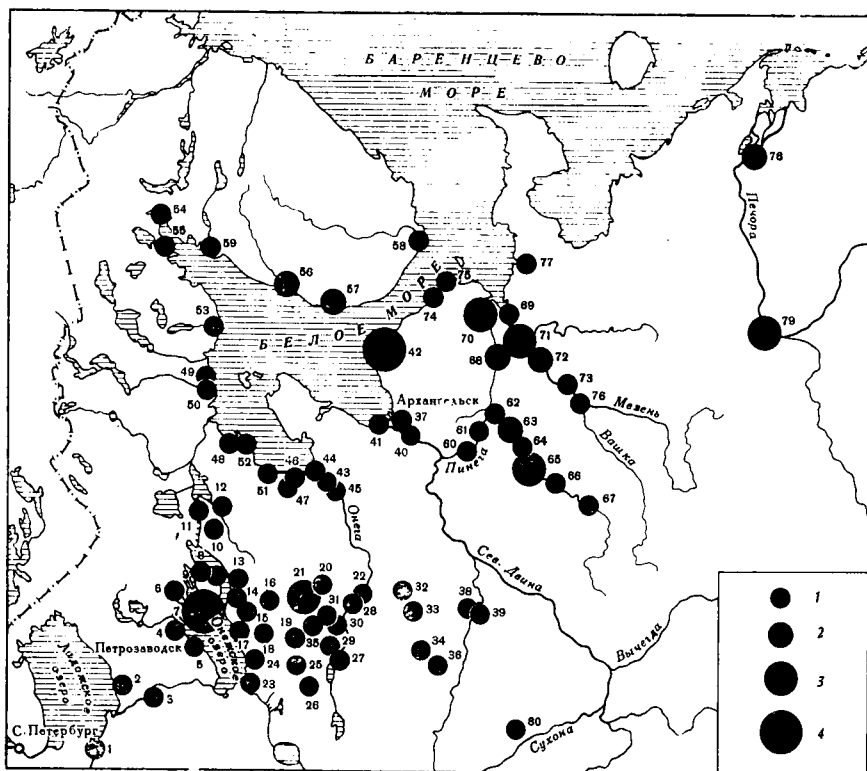
Восточное Заонежье (II). Коловская волость — 14, Нигижемская — 17, Авдеевская — 27, Водлозерская — 21, Толвуйская — 16, Шунгская — 1, Пудожгорская — 14, Римская — 9, Богоявленская — 10, Мяндусельская — 9, Петровскоямская — 18, Андомская волость — 8 (всего — 164).

Кенозеро (III). Макачевская волость — 1, Чернослободская — 2, Колодозерская — 16, Вершининская — 63, Шелтомская — 12, Почезерская — 8, Кенозерская — 21, Ошевенская — 2, Нифантовская — 9, Александровская — 7, Каргопольский уезд — 3 (всего — 144).

Пинега (IV). Леуновская волость — 2, Юрольская — 14, Подборская — 4, Труфановская — 44, Михайловская — 21, Никитинская — 78, Ярушевская — 1, Тимошинская — 1, Совпольская волость — 31 (всего — 196).

Поморье (V). Карельский берег: Поньгамская волость — 6, Кемский уезд — 8, г. Кемь — 1, Сумская волость — 1, Колежмская — 27, Нюхотская — 6, Нименгская — 1, Ворзогорская волость — 1. Терский берег: Кузоменская волость — 45, Тетринская — 40, Понойская — 2, Умбская — 4, Кандалакшская — 7, Ковдская волость — 5 (всего — 154).

²⁴ Сопоставление выделенных групп возможно также и потому, что число былин, приходящихся на каждую из них, примерно одинаково.

Распространение былин на русском Севере в конце XIX — начале XX в. (число былин, приходящихся на волость)

1 — до 30; 2 — от 31 до 60; 3 — от 61 до 90; 4 — от 91 до 150

Зимний берег (VI). Архангельский уезд — 6, Вознесенская волость — 4, Золотницкая волость — 130 (всего — 140).

Мезень (VII). Дорогорская волость — 75, Погорельская — 40, Юромская — 30, Лешуконская волость — 6 (всего — 151).

Кулой (VIII). Койденская волость — 2, Совнольская — 31, Долгощельская волость — 80, Кеда — 14 (всего — 127).

Печора (IX). Пустозерская волость — 58, Устьцылемская волость — 80 (всего — 138).

Карты показывают неравномерное распространение в рассматриваемой области разных видов эпических песен. В первую очередь это касается героических былин, былин-новелл и баллад. Героические былины наиболее распространены в районах Онежского озера, Зимнего берега, рек Кулоя и Мезени, южнее Печоры. Это места с сильно развитой былинной традицией. В районах же Пинеги, а также на Поморском, Карельском и Терском

берегах Белого моря заметно преобладают баллады. Это районы с относительно слабой былинной традицией.

На неодинаковую сохранность былинной традиции в разных районах Олонецкой губернии впервые обратил внимание П. Н. Рыбников²⁵. Эти наблюдения продолжил А. Ф. Гильфердинг. Отмечая особую живучесть былин на Кепозере и Водлозере, в противоположность прибрежьям Онежского озера, собиратель впервые поставил вопрос о причинах этого явления. Последователи Гильфердинга, характеризуя состояние эпической традиции в местах своей работы, также сравнивали разные районы по степени сохранности былинной традиции. А. В. Марков писал о различиях в репертуарах Зимнего и Терского берегов Белого моря, А. Д. Григорьев сравнивал в этом отношении Пинегу с Кулоем и Мезепью, Н. Е. Ончуков — район Устьцыльмы с Пустозерском. Собиратели советского периода продолжили и развили порайонное изучение эпоса. Особенно большая заслуга в этом принадлежит А. М. Астаховой. Ею были подробно разработаны такие важные для характеристики эпических традиций вопросы, как роль индивидуального мастерства в формировании сказительских школ, удельный вес книжных источников в репертуаре отдельных сказителей²⁶.

Большинство исследователей, отмечавших региональные отличия в северном эпосе, видели их причину в разных социально-экономических условиях этих районов. А. Ф. Гильфердинг, как говорилось, ставил живучесть былинной традиции в том или ином районе в зависимость от наличия там условий, способствовавших, по его мнению, сохранности былин на Севере²⁷. А. М. Астахова объясняла сравнительно более слабо развитую традицию на Пинеге малым развитием там промыслов, а в Поморье тем, что эта область раньше других была захвачена процессом капитализации²⁸. Недостаточность подобных объяснений была показана выше. Вряд ли можно придавать большое значение и процессам капитализации. Сама А. М. Астахова отмечала, что даже отходничество, развившееся в последние предреволюционные годы в Заонежье, не сыграло роковой роли в жизни эпической традиции²⁹.

Представляется, что на более верном пути стояли исследователи, пытавшиеся связать региональные различия в эпосе с историей заселения края. А. В. Марков, говоря об отличиях в репертуаре Терского и Зимнего берегов, усматривает причину их в том, что «колонизация этих мест шла в разных направлениях, всего естественнее думать, что население Терского берега яви-

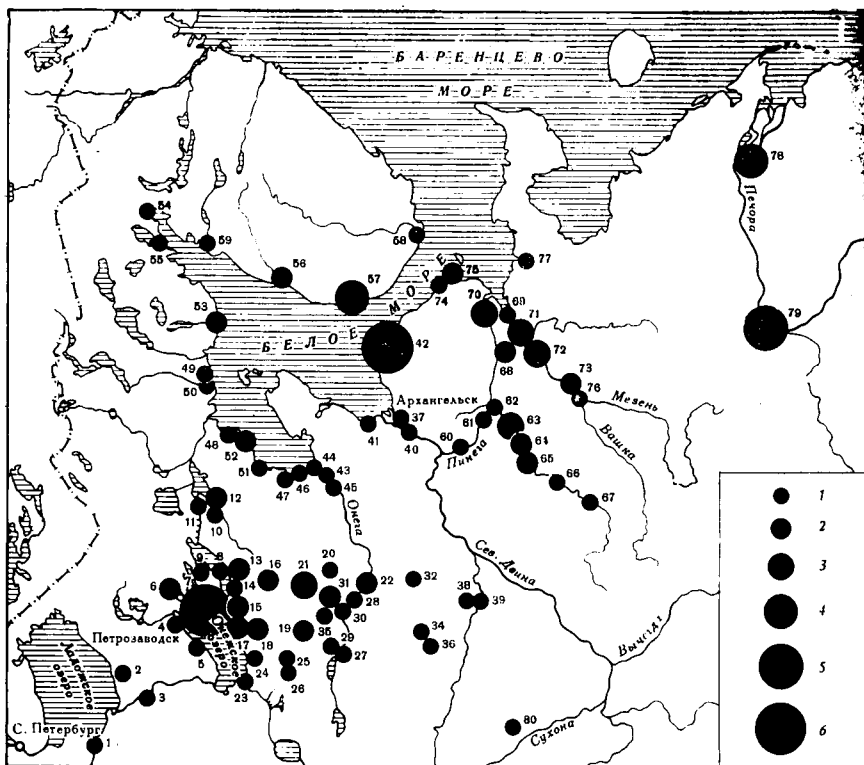
²⁵ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. I, стр. С1 — С11.

²⁶ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

²⁷ А. Ф. Гильфердинг. Указ. соч., т. I, стр. 49.

²⁸ А. М. Астахова. Былины Севера, т. I, М.—Л., 1938, стр. 53.

²⁹ А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения, стр. 229.

Число былинных сюжетов, приходящихся на волость

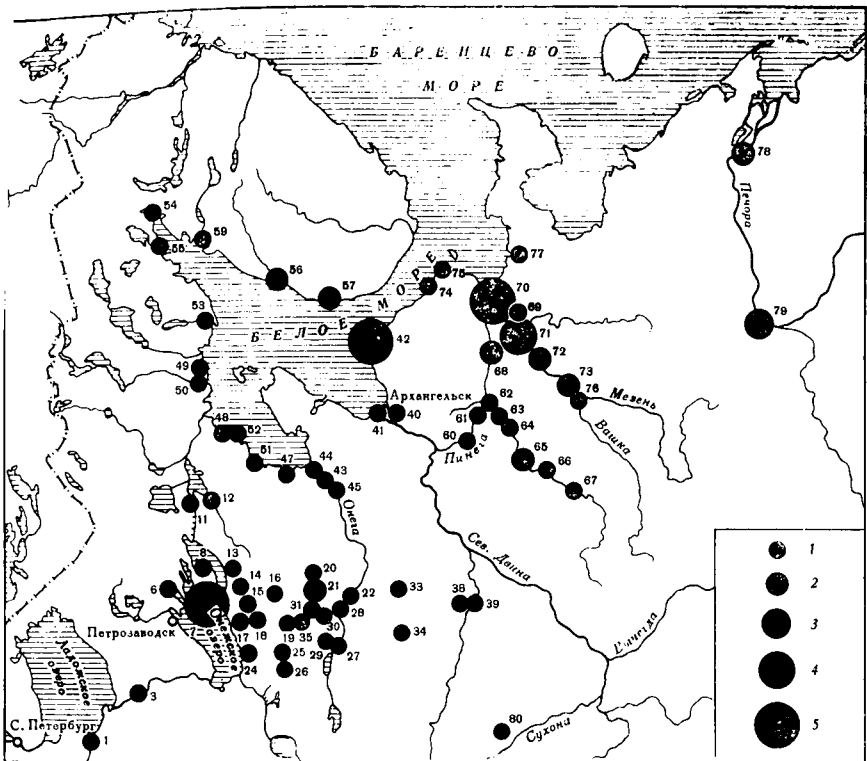
1 — до 10; 2 — от 11 до 20; 3 — от 21 до 30; 4 — от 31 до 40; 5 — от 41 до 50; 6 — от 51 до 60

лось туда из Поморья, а Зимний берег населен переселенцами с р. Двины»³⁰. А. В. Марков слышал от низовских крестьян, что былины поют на Терском берегу везде, кроме с. Поноя. «Это мне показалось загадочным, — пишет он, — но потом дело случайно разъяснилось. На пароходе я встретился с несколькими понойскими жителями, которых по одежде нельзя было отличить от богатых подмосковных крестьян; прислушиваясь к их разговору, я заметил, что говор их почти не отличается от московского. Тут же один крестьянин мне сообщил, что предки русского населения Поноя переселились из «Москвы», т. е. из центральной России. Московские выходцы не изменили своей этнографической физиономии и даже не научились старинам»³¹. Совсем рядом с Поноем

³⁰ А. В. Марков. Беломорские былины. СПб., 1901, стр. 6.

³¹ Там же, стр. 2—3.

Распространение героических былин

1 — до 15; 2 — от 16 до 30; 3 — от 31 до 45; 4 — от 46 до 60; 5 — от 61 до 75

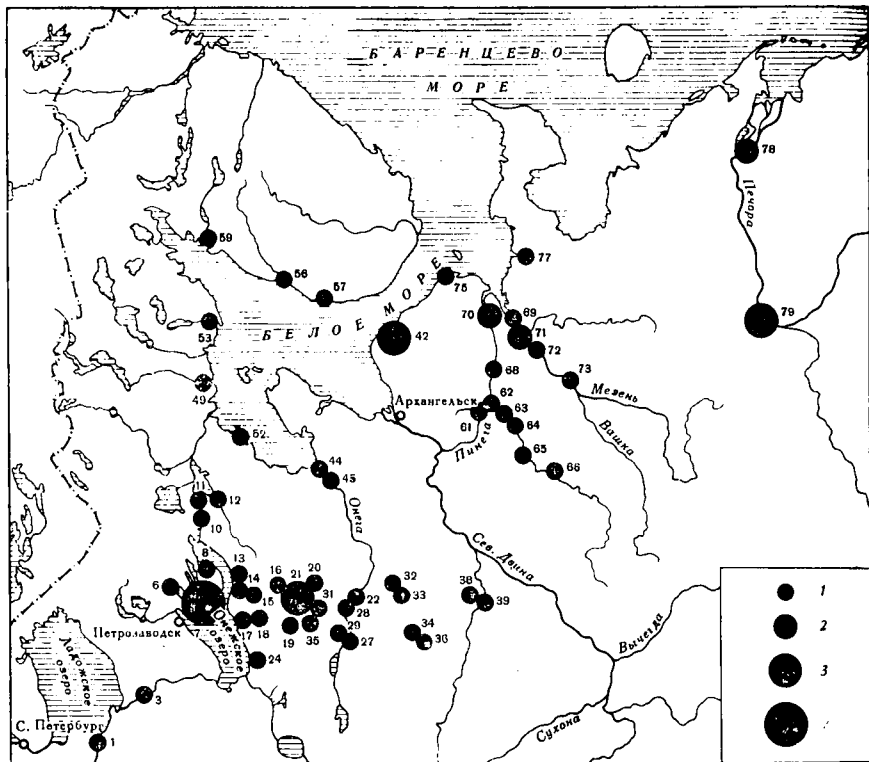
в селах Пялице, ЧапOME, Стрельне, Чаванге былины были хорошо знакомы крестьянам³².

С историей заселения связывал различия в былинном репертуаре Усть-Цыльмы и Пустозерска Н. Е. Ончуков³³. В том же аспекте рассматривали результаты своей работы члены экспедиции Государственного Литературного музея, работавшей в 1937 г. в Вельском районе Вологодской области³⁴. Экспедиция была организована в связи с тем, что некоторые собиратели выражали на-

³² Кстати сказать, этот пример показывает, что, вероятно, к XIX в. былины сохранились именно в тех местах, где былинная традиция была издавна сильной, и вряд ли можно придавать большое значение позднему заимствованию.

³³ Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. XVIII—XIX.

³⁴ Р. С. Линец. Былины у промыслового населения русского Севера XIX — начала XX века. Сб. «Славянский фольклор» («Труды Института этнографии АН СССР», т. XIII). М., 1951, стр. 161.

Распространение былин-новелл

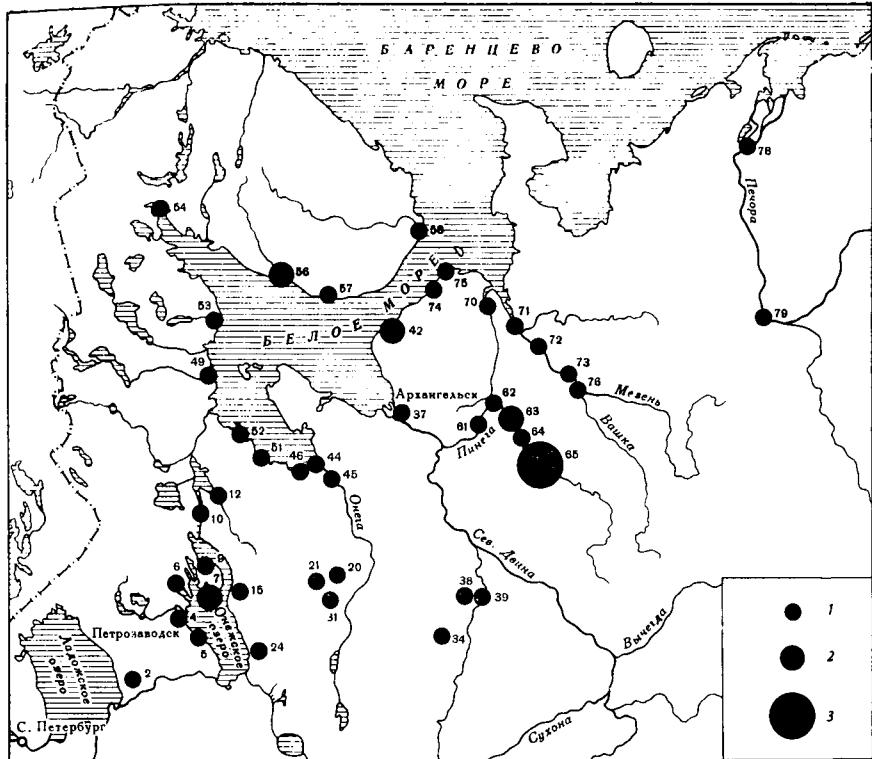
1 — до 10; 2 — от 11 до 20; 3 — от 21 до 30; 4 — от 31 до 50

дежду пайти в этом районе былины³⁵. Эта надежда основывалась, вероятно, на том, что совсем рядом, в Шенкурском районе, было записано несколько былин, причем героической тематики. Экспедиция выяснила, что в Вельском районе не сохранилось даже воспоминаний о былинах. «Упоминание же в литературе об исполнявшихся там старинах основано, по-видимому, на недоразумении, т. к. под этим названием известны там, как и везде на Севере, духовные стихи»³⁶. Шенкурский и Вельский районы расположены совсем рядом, по берегам одной реки — Ваги, но первый район был заселен древними новгородцами, а второй в основном низовскими переселенцами³⁷.

³⁵ «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1904 гг.», т. I. М., 1904, стр. XXV.

³⁶ Р. С. Липец. Указ. соч., стр. 161.

³⁷ А. Н. Пасонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 189.

Распространение баллад

1 — до 10; 2 — от 11 до 20; 3 — от 21 до 50

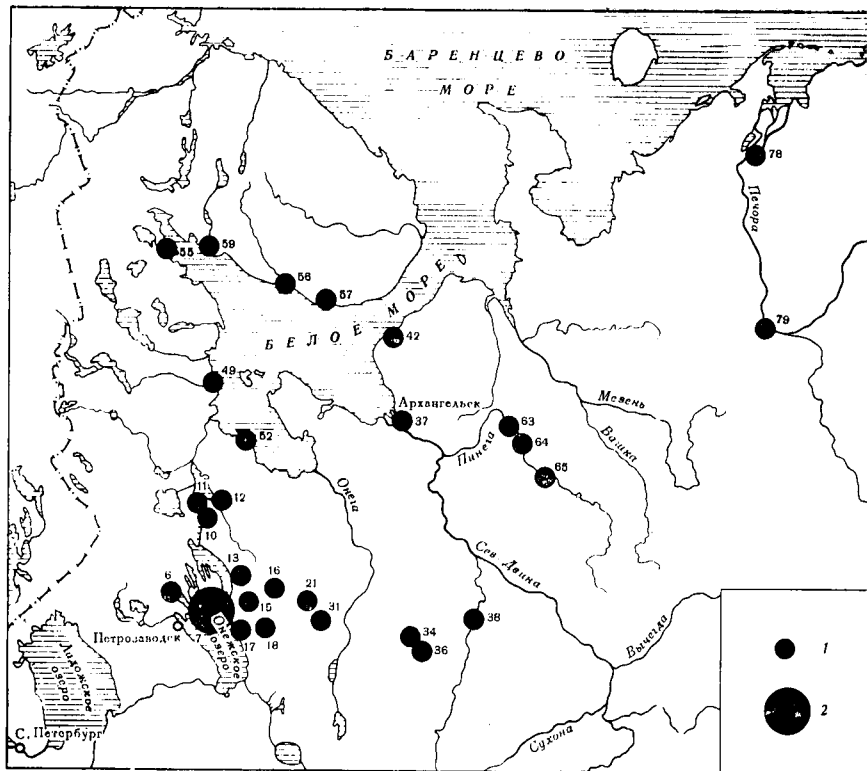
А. М. Астахова в своей последней работе также связывает различия в составе и характере эпических репертуаров разных районов с историей их заселения³⁸, однако она полагает, что былины на Север были принесены не только новгородскими, но и московскими переселенцами, с чем трудно согласиться.

Более наглядно региональные различия в северной эпической традиции выступают при рассмотрении диаграмм, отражающих соотношение разных видов эпических песен в рассматриваемой области.

По степени близости эпической традиции выделяются три группы районов. В первую входят Зимний берег, Кулой и Мезень; во вторую — западное и восточное Заонежье; в третью — Пинега и Поморье (Карельский и Терский берега Белого моря).

Близость эпических традиций Зимнего Берега, Кулоя и Мезени объясняется тем, что эти районы были заселены переселен-

³⁸ А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения, стр. 265—266.

Распространение старших исторических песен

1 — до 8; 2 — от 8 до 16

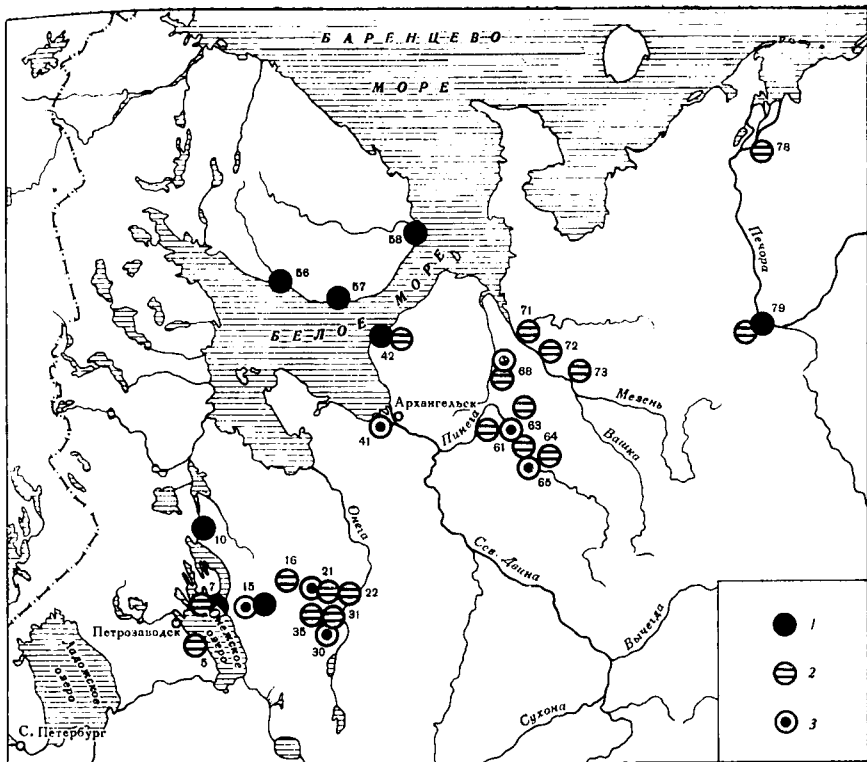
цами с нижней Двины³⁹, а последняя составляла область Севера, с древнейших времен заселенную славянами. А. Н. Насонов считает, что уже в XI—XII вв. здесь были славянские поселения, тогда как связи славян с этими землями завязались значительно раньше⁴⁰. Из устава Святослава, отражающего обстановку начала XII в., видно, что главный сгусток погостов сосредоточен на нижней Двине⁴¹. Доказательством раннего проникновения русских переселенцев на нижнюю Двину является также существование там в конце XIV — начале XV в. «двинских бояр», вышедших из среды местного, черного, волостного населения⁴².

³⁹ «Очерки по истории колонизации Севера». Пг., 1922, стр. 43—46; М. В. Витов. Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера, стр. 98.

⁴⁰ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 103.

⁴¹ Там же, стр. 102.

⁴² С. В. Рождественский. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI вв. «Известия АН СССР», сер. VII, 1929, № 1-2, стр. 56.

Распространение былин на сказочные сюжеты, скomorошин и небылиц
 1 — былины на сказочные сюжеты; 2 — пародии и небылицы; 3 — скomorошины

В рассматриваемый нами период на территории нижней Двины было записано 14 былин⁴³. Столь относительно малое число былин, записанных здесь, в сравнении с Зимним берегом, Кулоем и Мезенью, можно объяснить тем, что Двинская земля издавна находилась на оживленном торговом пути, связывавшем ее не столько с новгородским рынком, сколько с рынками Ростово-Суздальской земли, а затем Московской Руси. Во времена опричнины она вошла в состав опричных земель и была оплотом власти московского государя в Поморье⁴⁴. Позже, в XVII в., здесь

⁴³ Четыре из них отнесены к г. Архангельску условно, так как о месте их записи сказано в общей форме: «Архангельская губерния» («Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 5, стр. 92—96; вып. 6, стр. 207—208, 114—120). Три былины, отнесенные к Вознесенской волости, взяты из сборника Григорьева, так как сказитель, сказывавший былины собирателю, выучил их от крестьянина дер. Рыболово этой волости.

⁴⁴ А. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 191—192.

вырос торговый и промышленный г. Архангельск и население прилегающих мест было втянуто в промышленность. Немалую роль в малочисленности былии на нижней Двине должно было сыграть отмечаемое писцовыми книгами и другими историческими источниками запустение сельских поселений в Двинском уезде со второй половины XVI в. Население уходило оттуда на побережье Белого моря, Пинегу, Кулой, Мезень, Печору, а также в сибирские города, в Вятскую и Пермскую земли⁴⁵. Вероятно, именно эти обстоятельства сыграли неблагоприятную роль в сохранении былии на нижней Двине, хотя, судя по антропологическим исследованиям, здесь в целом сохранился прежний состав населения⁴⁶.

В то же время на Зимнем берегу, Мезени и Кулое, где условия благоприятствовали сохранению эпоса, потомки древних новгородских колонистов сохранили эпическое наследие своих предков вплоть до XIX в. О древности его свидетельствует явное преобладание в этих районах героических былии.

Древность эпического наследия находит аналогии и в других видах народного искусства этих мест. Например, к глубокой древности восходят истоки мезенской росписи, как об этом свидетельствуют сами образы (птицы, олени, кони), простейшие орнаментальные росписи (ромбы, квадраты, спирали) и технические приемы нанесения этой росписи сажей и береговой охрой при помощи палочки и птичьего пера⁴⁷.

Сошлюсь на собственные наблюдения. Во время летней экспедиции 1971 г. в Мезенский и Лешуконский районы Архангельской области можно было убедиться, что даже и в наши дни на Мезени сохраняются многие древние элементы в духовной и материальной культуре⁴⁸. Подробное рассмотрение их требует специального исследования, здесь только укажу на некоторые из них. Почти во всех мезенских деревнях можно увидеть старинные большие дома на высокой подклети с двухэтажным двором, просторной поветью и взвозом, пристроенным сбоку или сзади дома. Крыши многих домов украшены коньками, располагающимися на выступающем конце охлупня — массивного бревна, венчающего крышу. Это украшение исследователи считают наследием тех далеких времен, когда у славян был развит культ коня и его изображение служило оберегом⁴⁹.

Во многих крестьянских домах можно обнаружить предметы

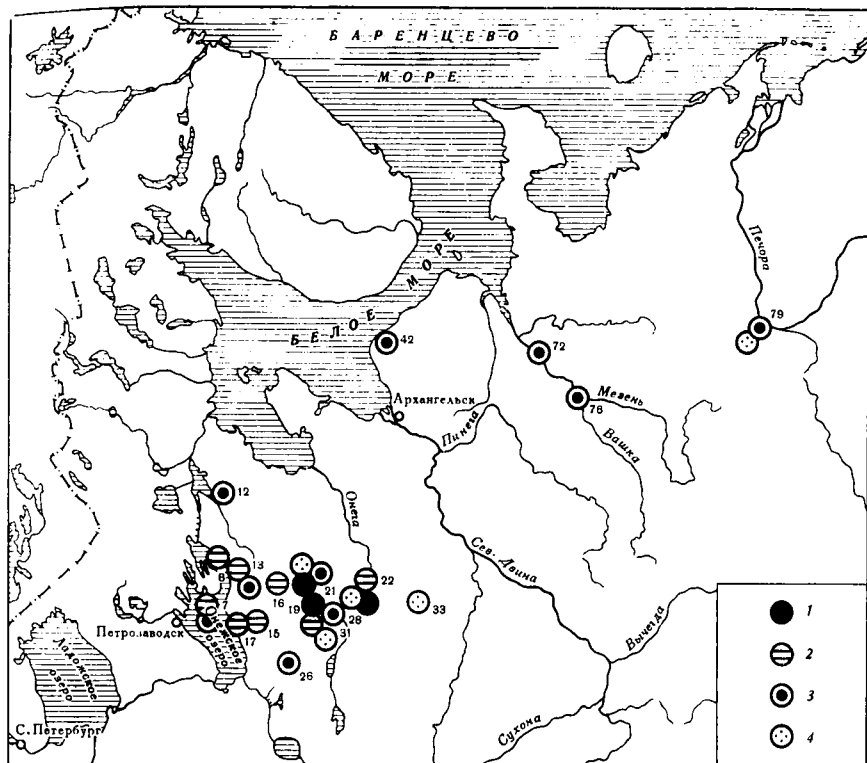
⁴⁵ «Очерки по истории колонизации Севера», вып. I, стр. 45—46.

⁴⁶ М. В. Вигор. Указ. соч., стр. 89.

⁴⁷ Н. В. Тарановская. Росписи на Мезени и Печоре (о формировании местных художественных стилей). Сб. «Русское народное искусство Севера». Л., 1968, стр. 47—60; Н. В. Тарановская, Н. В. Мальцев. Русские прялки. Л., 1970, стр. 17.

⁴⁸ Архив Института этнографии АН СССР, ф. 11, ед. хр. 9.

⁴⁹ В. В. Стасов. Коньки на крестьянских крышах. Собр. соч., т. II. СПб., 1894, стр. 112 и сл.

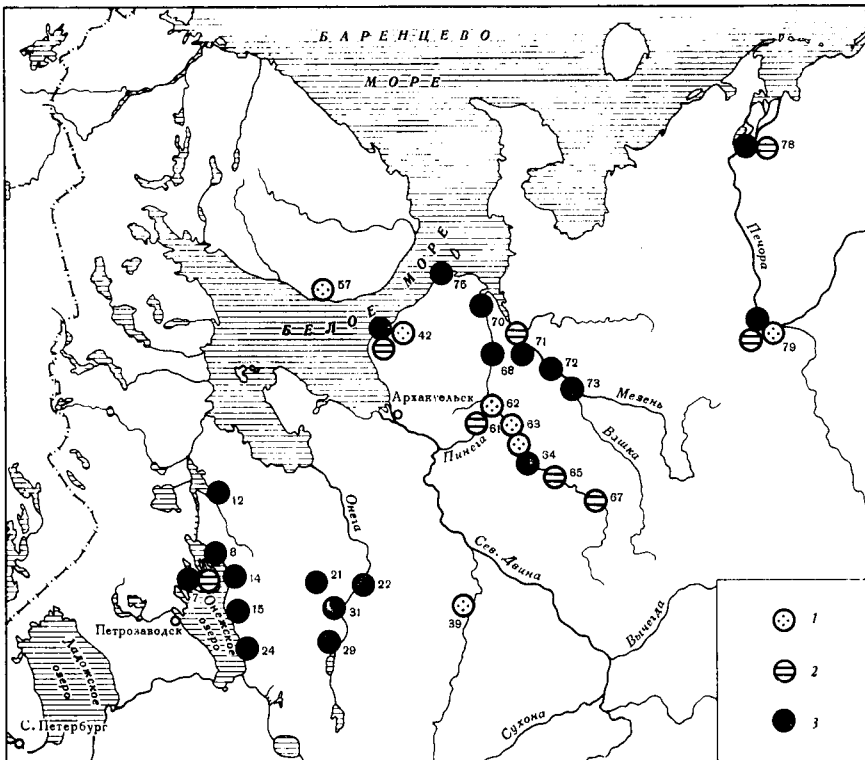
Распространение былинных сюжетов

1 — «Молодость Чурилы»; 2 — «Вольга и Микула»; 3 — былины о Святогоре; 4 — «Илья Муромец и голи кабацкие»

домашнего обихода, украшавшие в прошлом жилища. Из них помимо прялок мезенского типа, особого внимания заслуживают рубели для глажения белья, или, по-местному, «катальны палки», сохраняющиеся почти в каждом доме. В их орнаменте наиболее устойчивой является фигура круга с радиально расходящимися лучами, изображение которого исследователи относят к числу древних солярных мотивов⁵⁰. Древней считается и техника нанесения этого орнамента — трехгранновыемчатой резьбой.

В сундуках, зачастую по своей росписи являющихся произведениями народного искусства, женщины хранят старинную крестьянскую одежду. Допетровской стариной веет от костюма, в со-

⁵⁰ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки восточных славян. «Восточно-славянский этнографический сборник» («Труды Института этнографии АН СССР», XXXI). М., 1956, стр. 362—363.

Распространение былинных сюжетов

- 1 — «Алеша Попович и сестра Петровицей»; 2 — «Алеша Попович и Тугари»; 3 — «Василий Игнатьевич»

став которого входит душегрейка, называемая здесь «коротенькой». Известно, что «коротенька» в сочетании с сарафаном и кокошником входила в комплекс боярской женской одежды. Связь с боярским костюмом сказывается и в золотых узорах дорогих тканей, из которых шились полушубки, и в обильно расшитых золотом кокошниках, и головных платках. Однако в мезенской одежде можно увидеть детали, восходящие к гораздо более раннему времени. Например, пожилые женщины (это в большей мере касается Лешуконского района) и теперь подвязывают одежду поясами домашнего производства. По орнаменту и технике изготовления они четко делятся на два вида. Местное население также разделяет их на пояса «в кружках» и «зырянские» (т. е. зырянские) пояса. Для поясов «в кружках» основным орнаментальным мотивом является ромб, с которым, очевидно, нужно связывать и само название. Известно, что кругом называется ромб в

пародных украшениях некоторых групп русского населения⁵¹. Пояса «в кружках» ткуются на дощечках, которые и теперь можно найти во многих домах. Техника тканья на них аналогична описываемой у В. И. Смирнова⁵² и Н. М. Лебедевой⁵³. Глубокая древность этого вида ткачества доказывается тем, что подобное ткачество зафиксировано в древнем Вавилоне. Археологические и этнографические находки говорят о довольно широком распространении тканья на дощечках еще в далеком прошлом в Европе, на Кавказе, Средней и Передней Азии.

Техника изготовления «зыренских» поясов иная. Это древний способ тканья на ниту⁵⁴ (по-местному — с помощью «чурки и пожичка»), знакомый народам Восточной Европы: русским, белорусам, литовцам, мордве и удмуртам. Основным элементом построения рисунка в «зыренских» поясах является крест с загнутыми концами. Нередко встречается свастический узор, являющийся, как известно, древнейшим орнаментальным мотивом, зафиксированным в разных странах Старого и Нового Света. Судя по тому, что почти все пожилые женщины в молодые годы ткали эти пояса (некоторые и теперь ткуют на продажу или по заказу родных), изготовление их в недавнем прошлом было широко распространено.

Бытующим в настоящее время видом народного творчества является вязанье варежек и чулок с многоцветным и сложным геометрическим узором. Основные элементы орнамента — квадрат или ромб, крест с загнутыми концами и звездочки — свидетельствуют о древности узоров на вязаных изделиях.

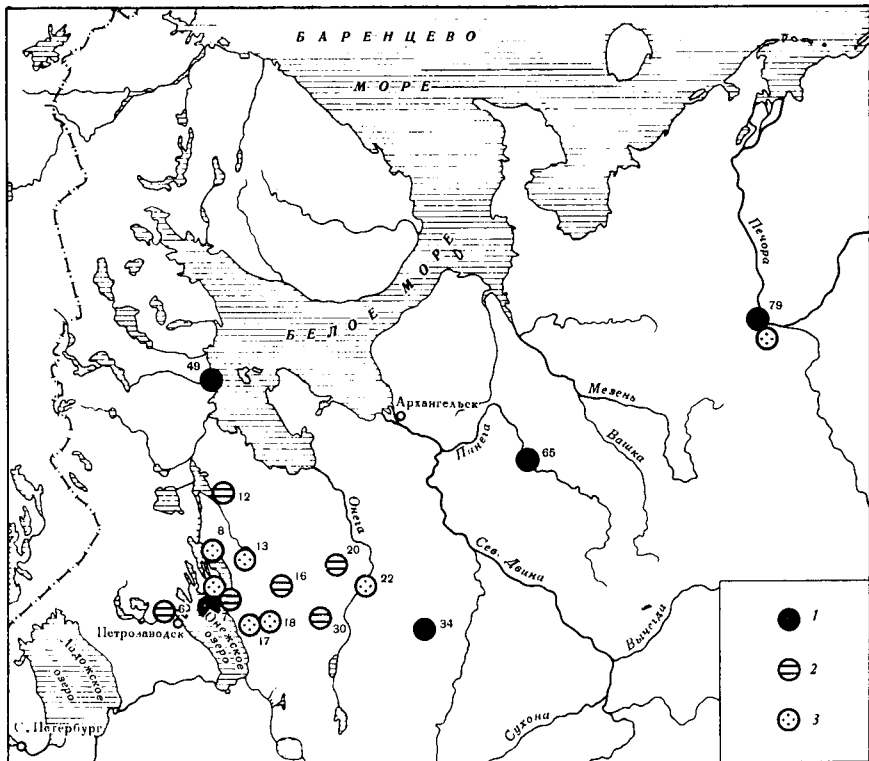
Не менее древние элементы сохраняются в народных обычаях и духовной культуре мезенских крестьян. В панораму почти каждой мезенской деревни входят огромные, двух- или трехметровые кресты, располагающиеся среди домов, за околицей и по обочинам дорог, проложенных между деревнями. Некоторые из этих крестов, поставленные рядом с домом или с гумном, являются надмогильными. В ряде деревень (особенно это касается Кимжи, Мезенского района) вплоть до 1920-х годов сохранялся языческий обычай хоронить умерших рядом с домом. С языческими представлениями, по всей вероятности, пужно связывать и деревянные покрытия крестов, многими деталями (маленьким охлупнем, причелинами и полотенцами), напоминающими крестьянский дом. Большинство же мезенских крестов являются обетными (по-мест-

⁵¹ Е. Н. Клетнова. Символика народных украс Смоленского края. Смоленск, 1924, стр. 8; М. Я. Гринблат. Народное искусство. «Очерки по истории изобразительного искусства Белоруссии». М.—Л., 1940, стр. 15.

⁵² В. И. Смирнов. Русское узорное тканье (костромские пояски). «Советская этнография», 1940, № 3, стр. 93.

⁵³ Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян. «Востоочнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 505.

⁵⁴ Техника тканья на ниту описана: Н. И. Лебедева. Указ. соч., стр. 508; В. И. Белицер. Народное изобразительное искусство коми. «Краткие сообщения Института этнографии», № 10. М.—Л., 1950, стр. 20.

Распространение былинных сюжетов

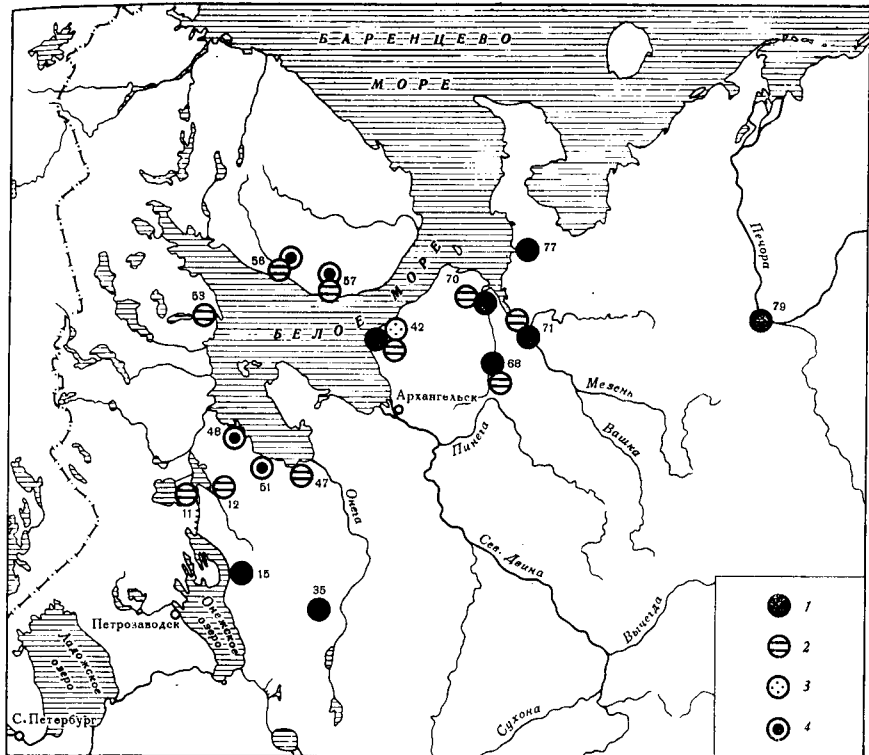
1 — «Иван Гостиный сын»; 2 — «Королевицы из Крякова»; 3 — «Наезд литовцев»

ному — оветными), т. е. поставленными когда-то во избавление от грядущего зла или в знак благодарности. Предполагают, что византийский обычай обетного креста появился на Руси вместе с принятием христианства. Особое распространение он получил в Новгородской земле и на близком Новгороде Западе⁵⁵.

В мезенском фольклоре сохраняются редкие в настоящее время в других русских областях виды народного творчества. Женщины старшего и среднего поколения помнят свадебные и похоронные причеты, являющиеся одним из древнейших видов русской поэзии. Немалое число записанных мною заговоров говорит о широком распространении их на Мезени в прошлом.

Только на Мезени сохранились до наших дней былины. Удалось записать несколько былин и сказок об эпических богатырях. В их числе несколько хорошо сохранившихся по тексту и

⁵⁵ И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. СПб., 1906, стр. 37—38.

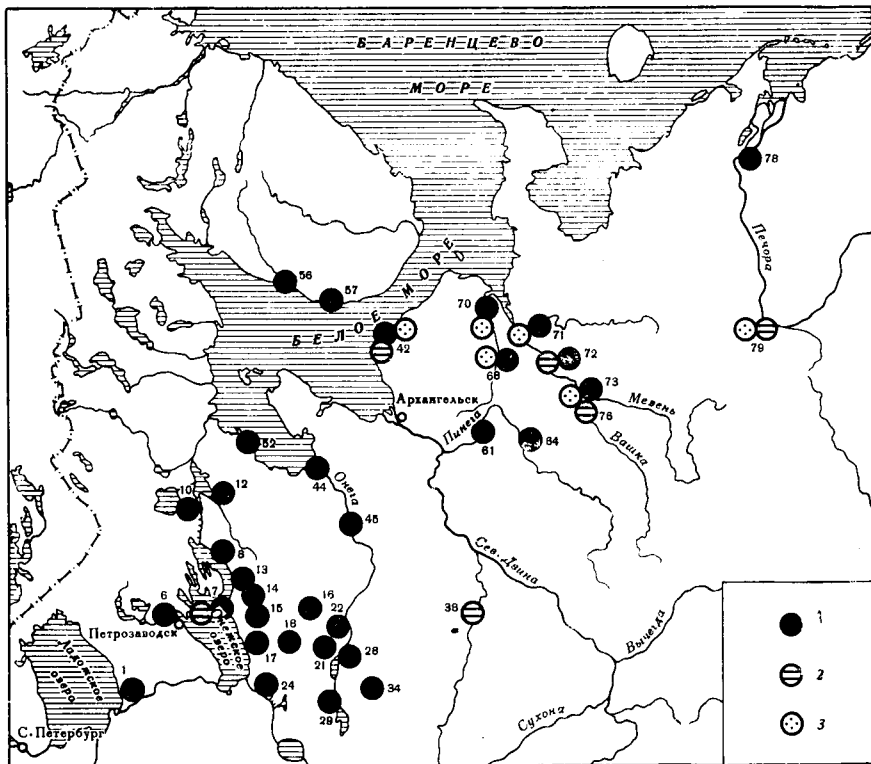

Распространение былинных сюжетов

1 — «Данила Ловчанин»; 2 — «Данила Игнатьевич и его сын»; 3 — «Глеб Володьевич»; 4 — «Турь»

напевам былин: «Добрыня и Алеша» (или «Неудавшаяся женитьба Алеша Поповича»), «Турь», начало былины «Сорок калик». Расспросы показали, что многие из людей старшего поколения слышали в юности и в более поздние годы былины от сказителей, большинства из которых теперь нет в живых. До сих пор в речи мезенских крестьян можно услышать выражения, заимствованные из былин: «калики-перехожие», «здорово ты, молодец, женился, да тебе не с кем спать» и др. Последнее выражение, взятое из былины «Неудавшаяся женитьба Алеша Поповича», употребляется в настоящее время как пословица.

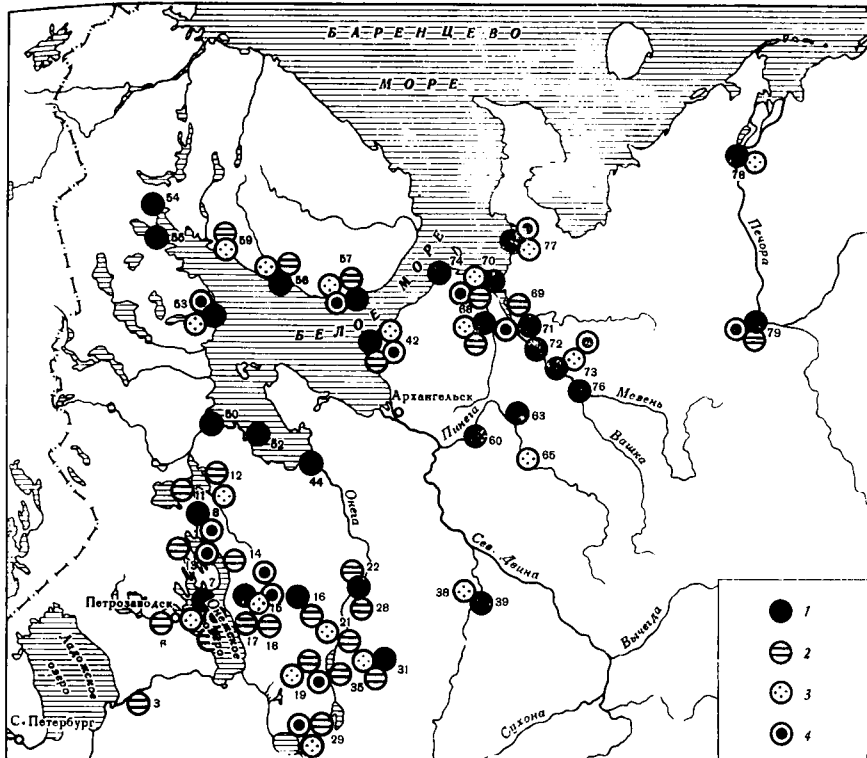
В связи с былинами скажу об одном интересном и, по всей вероятности, древнем обычае, рассказы о котором приходилось слышать неоднократно летом 1971 г., и не отмеченном прежними собирателями. В каждой мезенской деревне в престольный праздник, раз в году, водили своеобразные хороводы — «круги». Две девушки — хозяйки праздника — ставили остальных девушек

Распространение былинных сюжетов

1 — «Добрыня и Алеша»; 2 — «Добрыня и Василий Казимирович»; 3 — «Добрыня и Дунай»

в ряд, друг за другом, связывая их платками. Впереди стояли запевалы, которых иногда нанимали из других деревень. Затем девушки делали круг по всей деревне, обязательно по движению солнца. Запевалы пели три строго определенных круговые песни, исполнявшиеся только раз в году в этот праздник; остальные девушки шли молча, «только красовались». После «круга» начинали петь игровые, хороводные и плясовые песни. Особого внимания заслуживает порядок, по которому ставили девушек в круг. Первыми шли девушки высоких, коренных фамилий, в конце стояли девушки низких, некоренных фамилий. Как выяснилось из расспросов, «высота» фамилии или рода зависела не от богатства, а от древности рода. К высоким фамилиям относились потомки самых первых поселенцев в той или иной деревне. Соответственно к низким фамилиям — потомки более поздних переселенцев, хотя и последние могли приехать давно, на памяти прапрадедов современных жителей. Удалось обнаружить связь между

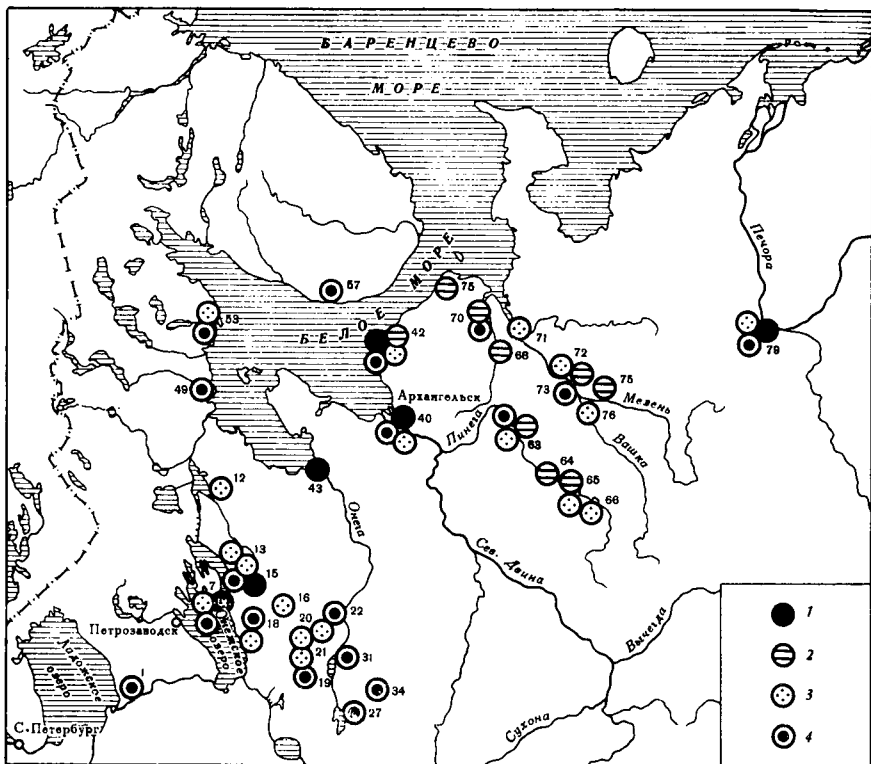
Распространение былинных сюжетов

1 — «Дунай»; 2 — «Дюк Степанович»; 3 — «Иван Гоудинович»; 4 — «Михайло Потык»

представителями высоких фамилий и сказителями былин. Большинство последних, за некоторыми исключениями, принадлежали к потомкам коренных фамилий. Это, в свою очередь, лишний раз подтверждает связь северной былинной традиции с ранними потоками переселенцев.

Несколько иную картину видим в эпическом наследии Заонежья и Кенозера, отразившем иной этап в заселении Севера. Как уже говорилось, через Заонежье лежал путь новгородцев к Двине, и естественно, что Заонежье раньше других земель Поморья было освоено новгородцами. Основанные здесь новгородцами погосты стали базой для их дальнейшего продвижения. Однако установление погостов и распространение государственной власти не сразу сопровождалось заселением этих мест новгородцами⁵⁶. С. Ф. Платонов полагал, что ранние поселения новгород-

⁵⁶ В этой связи нужно напомнить о необходимости различать два процесса освоения новой территории: расширения государственной власти и

Распространение былинных сюжетов

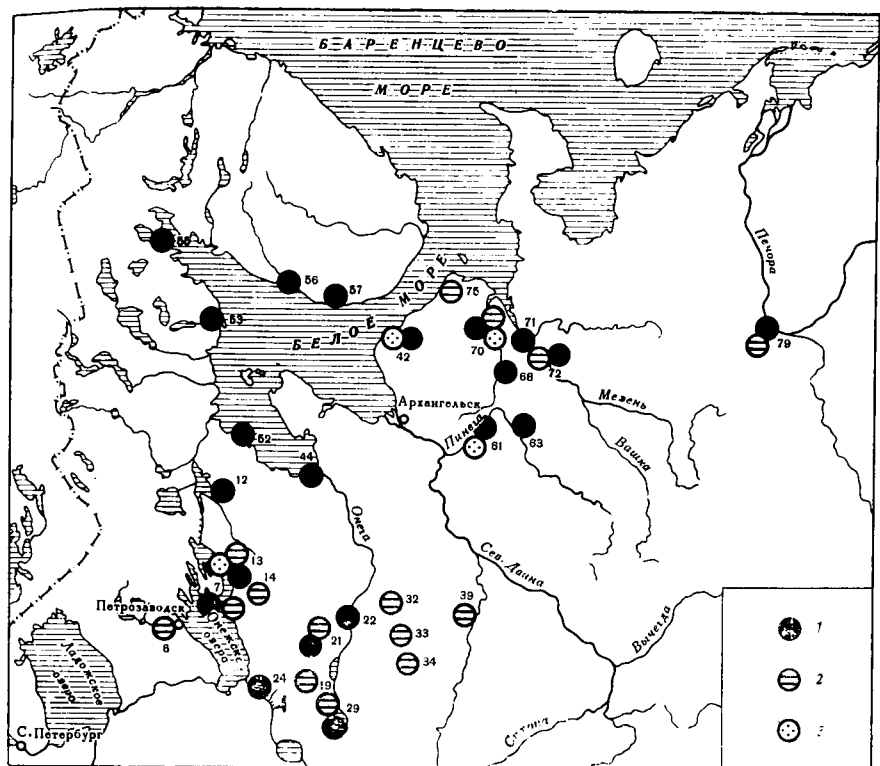
1 — «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром»; 2 — «Илья Муромец и Добрыня»; 3 — «Илья Муромец и Идолище»; 4 — «Илья Муромец и Калин-царь»

цев в Заонежье и к востоку от Онеги невозможны были из-за живших здесь карелов⁵⁷. По показаниям разнообразных исторических свидетельств, литературных и фольклорных источников (скандинавских саг, житийной литературы, преданий о чуди) в Заволочьи были расселены народы, говорившие на языках финской группы уральской языковой семьи: лопь, чудь заволоцкая, карелы; на отдельные островки чуди среди русского населения Заонежья исследователи наталкивались еще в конце XIX — начале XX в.⁵⁸ Об ассимиляции русскими отдельных аборигенных

расширение этнической территории. На это впервые указал А. Н. Насонов (указ. соч., стр. 6).

⁵⁷ С. Ф. Платонов, А. И. Андреев. Очерк Новгородской колонизации Севера в XVI и XVII веках. «Очерки по истории колонизации Севера», вып. I, стр. 33.

⁵⁸ Н. Н. Харузин. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского

Распространение былинных сюжетов

1 — «Добрыня и Змей»; 2 — «Добрыня и Маринка»; 3 — «Добрыня и Настасья Мингулична»

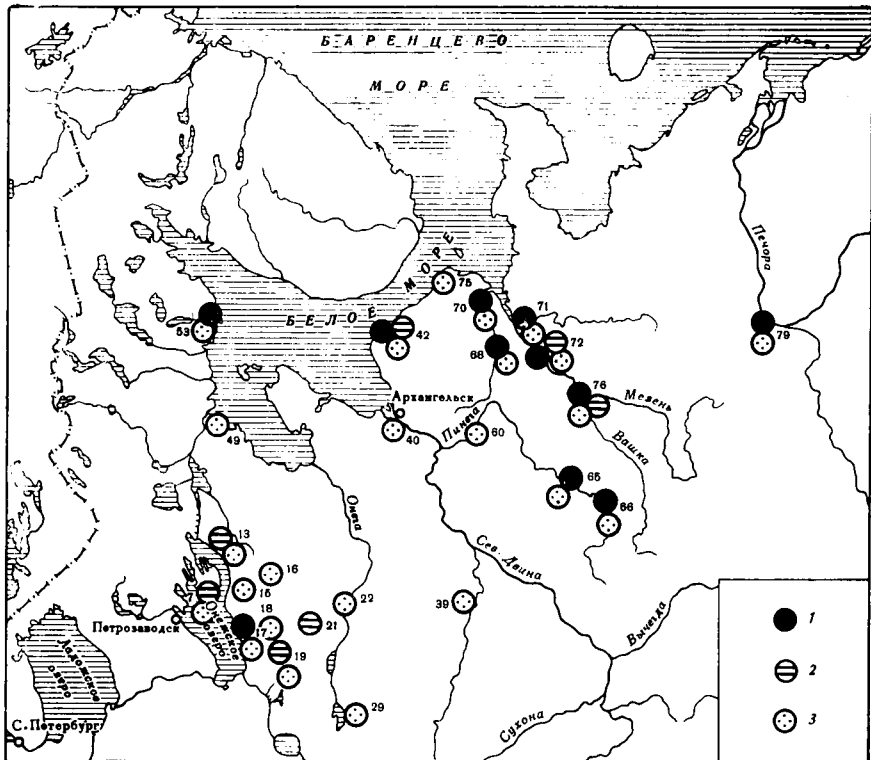
групп свидетельствует распространение здесь онежского антропологического типа⁵⁹, в отдельных элементах которого прослеживаются монголоидные черты, свойственные в известной мере физическому облику угро-финских народностей. Большой след эти этнические группы оставили в топонимике Севера⁶⁰.

В XIII в., после крещения карелов, внедрение повгородцев в эту область становится более интенсивным. В XIV в. положение несколько осложнилось из-за войны со шведами, пытавшимися распространить свое влияние на обонежских карелов. И лишь

уезда. «Олонецкий сборник», т. 3. Петрозаводск, 1894, стр. 306; М. В. Вигов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962, стр. 47.

⁵⁹ М. В. Вигов. Указ. соч., стр. 92.

⁶⁰ А. К. Марвеев. Субстратная топонимика русского Севера. «Вопросы языкознания», 1964, № 2; Б. А. Серебренников. Волго-окская топонимика на территории европейской части СССР. «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

Распространение былинных сюжетов

1 — «Илья Муромец и разбойники»; 2 — «Илья Муромец и Святогор»; 3 — «Илья Муромец и Соловей-разбойник»

после заключения мира со шведами, в 1339 г., когда были разграничены сферы влияния, стали возможны постоянные поселения новгородцев⁶¹.

Очевидно, былинная традиция Заопежья и Кенозера отражает этот более поздний этап в истории освоения новгородцами Севера. Этим, вероятно, можно объяснить большее сравнительно с эпическим наследием Мезени, Кулоя и Зимнего берега распространение здесь былин-новелл.

Остается рассмотреть былинную традицию в двух областях: на Пинеге и в Поморье (Карельский и Терский берега Белого моря). По сравнению с остальными группами здесь заметна значительная доля баллад. По соотношению же героических и новеллистических былин рассматриваемые группы близки к тради-

⁶¹ «Очерки по истории колонизации Севера», вып. 1, стр. 33.

циям Зимнего берега, Мезени и Кулоя. Своеобразие былинной традиции в рассматриваемых районах также можно связать с особенностями их исторических судеб. Пинега и Терский берег принадлежали к числу рано освоенных новгородцами земель. В Уставе Святослава на Пинеге указаны три погоста⁶², а Терский берег в качестве новгородской волости упоминается в исторических документах с XIII в.⁶³ Несколько позднее Карельский и Терский берега были заселены переселенцами с пижней Двины⁶⁴. Об этом свидетельствует распространение здесь ильменско-беломорского типа⁶⁵. Пинега также была связана с нижней Двиной, непосредственно примыкая к территории Двинской земли с востока. Возможно, этим и объясняются подобные былинным традициям Мезени, Кулоя и Зимнего берега соотношения героических и повеллестических былин в Поморье и на Пинеге. По-особому сложились судьбы рассматриваемых районов в более поздние века истории русского Севера. После поражения Великого Новгорода и присоединения его земель к Москве (1478 г.) массовое переселение из новгородской земли прекращается. Пустеют старые пути, связывавшие Новгород с его землями, и возникают новые дороги, ведущие на Север из Москвы. После поражения России в Ливонской войне, когда торговля с западными странами переносится в северные гавани — Печенгу, Колу и Архангельск, особенно оживляются пути, ведущие по Ваге и Сухопе на нижнюю Двину, в Архангельск, а также от северной оконечности Онежского озера, через Выгозеро, по р. Выг, к Белому морю. По этим же дорогам устремлялись на Север переселенцы из Московских земель⁶⁶. И если Заонежье так же, как земли по Мезени и Кулою, оказалось в стороне от новых дорог, то Пинега, Карельский и Терский берега находились в непосредственной близости к ним. Этим в значительной мере можно объяснить распространение здесь баллад, проникших, очевидно, на Север из более южных областей.

* * *

В связи с выделенными регионами рассмотрим распространение отдельных былинных сюжетов⁶⁷. Естественно предположить, что отсутствие какого-то сюжета в районах древнейших эпических традиций — Зимнего берега, Мезени, Кулоя и Печоры — долж-

⁶² А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 105.

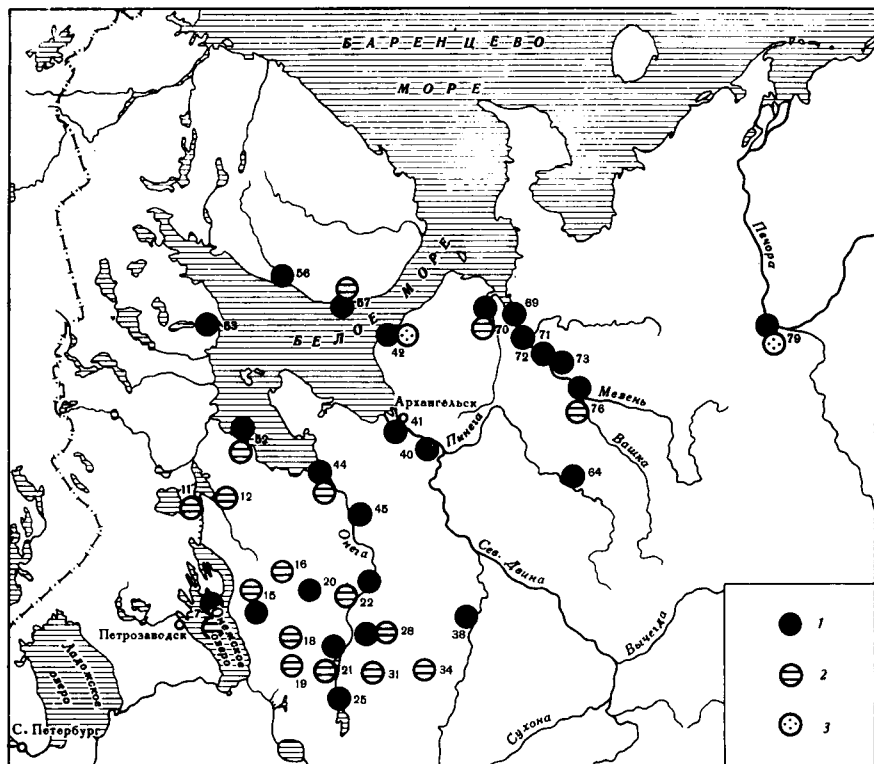
⁶³ Там же, стр. 114.

⁶⁴ «Очерки по истории колонизации Севера», вып. I, стр. 37—46.

⁶⁵ М. В. Витов. Указ. соч., стр. 98.

⁶⁶ И. А. Голубцов. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на карте середины XVII в. «Вопросы географии», сб. 20. М., 1950, стр. 286.

⁶⁷ Рассмотрение географического распространения всех былинных сюжетов невозможно в рамках этой работы. Ограничусь рассмотрением лишь некоторых, наиболее спорных по времени возникновения сюжетов.

Распространение былинных сюжетов

1 — «Илья Муромец и сын»; 2 — «Илья Муромец, три поездочки»; 3 — «Исцеление Ильи Муромца»

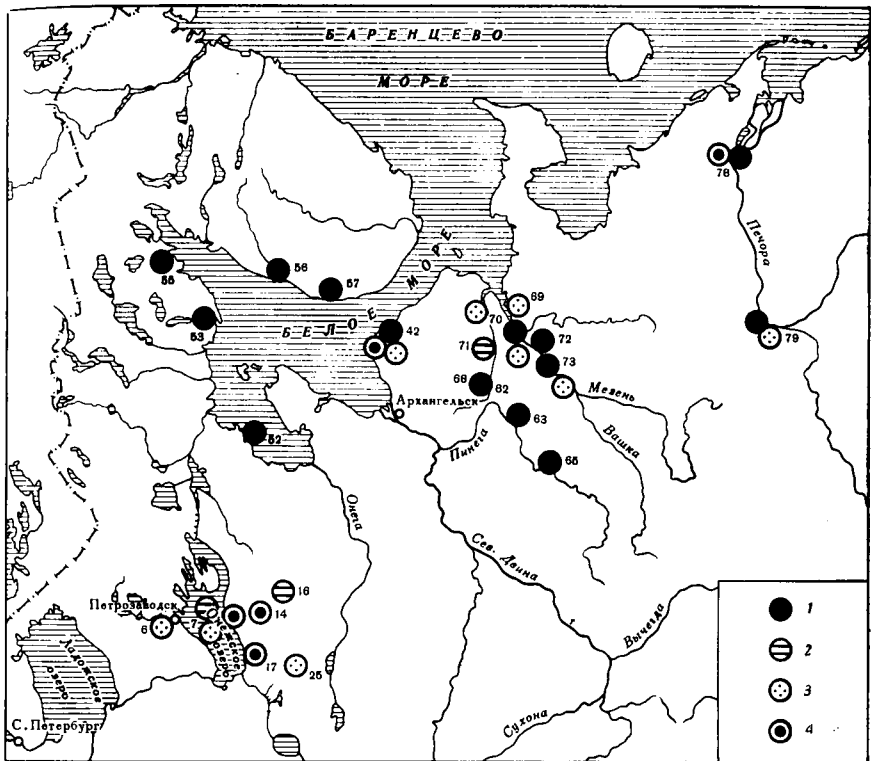
но свидетельствовать о более позднем проникновении этого сюжета на Север. Интересно, что к числу таких сюжетов принадлежат, как показывают карты, как раз те, которые вызвали наибольшую полемику у исследователей: «Волга и Микула», «Молодость Чурилы», «Илья Муромец и голи кабацкие», былины о Святогоре.

Особенно много разных толкований, географических и хронологических приурочений вызывала былина о «Волге и Микуле». О. Ф. Миллер видел в Микуле божество земледелия⁶⁸. А. В. Марков — христианского святого Николу⁶⁹. В. Ф. Миллер считает былинку новгородской и относит ее сложение к XV в.⁷⁰ Д. С. Ли-

⁶⁸ О. Миллер. Илья Муромец и богатейство киевское. СПб., 1869, стр. 188 и сл.

⁶⁹ А. В. Марков. Микола-угодник и святой Николай. СПб., 1892.

⁷⁰ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 166—186.

Распространение былинных сюжетов

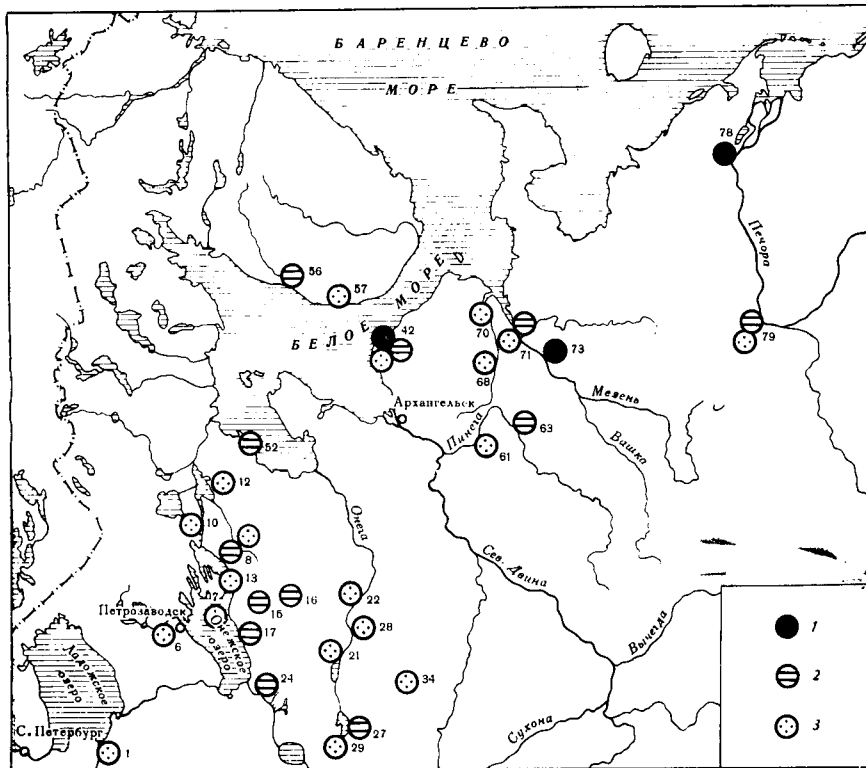
1 — «Казарин»; 2 — «Калика-богатырь»; 3 — «Камское побоище»; 4 — «Волх Всеславьевич»

хачев предполагает сложение «Вольги и Микулы» в период образования Русского государства, X — начале XI в., когда мог иметь место переход крестьянина в княжескую среду. Он сопоставляет Вольгу с Всеславом Полоцким, княжившим во второй половине XI в.⁷¹ В. Я. Пропп полагает, что идейно-художественный замысел этой былины, в центре которой стоит образ крестьянина, позволяет отнести ее создание ко времени развившихся крепостнических отношений, к XV в.⁷² Б. А. Рыбаков относит сложение былины ко «времени начала расцвета древнерусского государства»⁷³. Сопоставляя былинного Вольгу с Олегом Святосла-

⁷¹ Д. С. Лихачев. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.). В кн.: «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., 1953, стр. 202—203.

⁷² В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 364—374.

⁷³ В. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 58.

Распространение былинных сюжетов

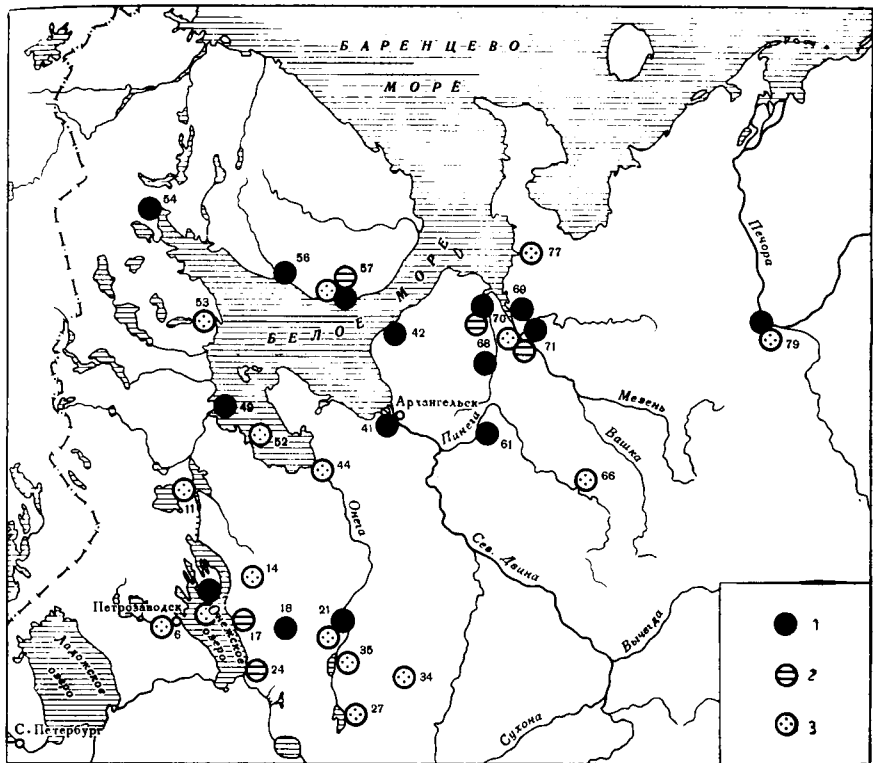
1 — «Сватовство Идолица»; 2 — «Соловей Будимирович»; 3 — «Цурила и неверная жена»

вовичем, братом Владимира Святого, Б. А. Рыбаков говорит о возникновении былины в X в.⁷⁴

Не менее противоречивы хронологические приурочения былин о Святогоре. Представители мифологической школы причисляли Святогора к старшим богатырям, считали образ его мифологическим и былины о нем древнейшими. Последующие исследования вскрыли многочисленные литературные параллели и книжное происхождение ряда сюжетов о Святогоре, в результате чего был поставлен вопрос о позднем сложении этих былин на основе сказочных и церковно-легендарных мотивов⁷⁵. С. К. Шамбинаго считал образ Святогора заимствованным из финских преданий о Ка-

⁷⁴ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 54—58.

⁷⁵ И. Н. Жданов. К литературной истории русской былевой поэзии. Соч., т. I. СПб., 1904, стр. 611—686.

Распространение былинных сюжетов

1 — «Сорок калик»; 2 — «Сухман»; 3 — «Хотен Блудович»

левипоэге и относил переработку его на русской почве скоморохами к XV—XVI вв.⁷⁶ В. Я. Пропп относит былины о Святогоре к более раннему периоду, к эпохе развития на Руси феодальных отношений до монголо-татарского нашествия⁷⁷.

Сюжет «Молодость Чурилы», или «Чурила и князь», в отношении времени его возникновения, оказался наиболее спорным среди былин о Чуриле. Веселовский относил его к древним по времени возникновения сюжетам⁷⁸. М. Г. Халанский причислял Чурилу к богатырям московского периода⁷⁹. В. Ф. Миллер счи-

⁷⁶ С. К. Шамбинаго. Старина о Святогоре и эстонская поэма о Калевипоэге. «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1902, № 1, стр. 72.

⁷⁷ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 72 и далее.

⁷⁸ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины, VI—XI. СПб., 1884, стр. 124.

⁷⁹ М. Г. Халанский. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 208.

тал эту былину новгородской по происхождению и относил ее возникновение к XV в.⁸⁰ Б. А. Рыбаков, сопоставлял Чурилу с летописным князем Всеволодом-Кириллом Ольговичем, сыном Олега Тмутараканского, относит сложение былин о Чуриле к середине XII в.⁸¹

Литература о былине «Илья Муромец и голи кабацкие» не столь богата, как о предыдущих. обстоятельное исследование о ней имеется у В. Ф. Миллера, который относил сложение этой былины к XVII в., видя в ней отголоски смутного времени⁸².

Отсутствие большинства рассмотренных сюжетов в районах древней былинной традиции и сосредоточение их главным образом в Прионежье позволяет говорить о сравнительно позднем проникновении этих былин на Север (не ранее XIV в.). Следует заметить, что сюжеты этих былин (за исключением, пожалуй, былины «Илья Муромец и голи кабацкие») древние по происхождению, тогда как их оформление в былину произошло, очевидно, в гораздо более позднее время. Это обстоятельство, вероятно, и вызывало споры исследователей о времени их возникновения.

В связи с этим хочется подчеркнуть еще раз, что, говоря о времени возникновения той или иной былины, необходимо строго различать сюжет и жанр. Ошибка многих исследователей состояла в том, что они, установив время возникновения того или иного сюжета, считали тем самым решенным вопрос и о времени возникновения былины на этот сюжет. Между тем вопрос о времени возникновения того или иного эпического произведения можно считать решенным только в том случае, когда будет доказано время оформления заключенного в нем сюжета в былину как произведение особого жанра.

К числу спорных принадлежит былина об Иване Гостинном сыне. А. Н. Веселовский возводил ее к перешедшему на русскую почву греческому рассказу или песне об Ираклии, указывая на ряд параллелей со старофранцузским романом Готье об Ираклии⁸³. Несостоятельность и искусственность этой концепции была показана В. Ф. Миллером⁸⁴, с которым соглашалось большинство исследователей, касавшихся этой былины. Сам В. Ф. Миллер относил сложение былины к XV—XVI вв., считая ее новгородской по происхождению (отражение купеческого быта Новгорода)⁸⁵. Это мнение В. Ф. Миллера вызвало возражение ряда исследователей, в том числе Б. А. Рыбакова, считающего, что ни одна из бытовых деталей княжеско-боярской жизни этой

⁸⁰ *Вс. Миллер. Очерки...*, т. I, стр. 187—200.

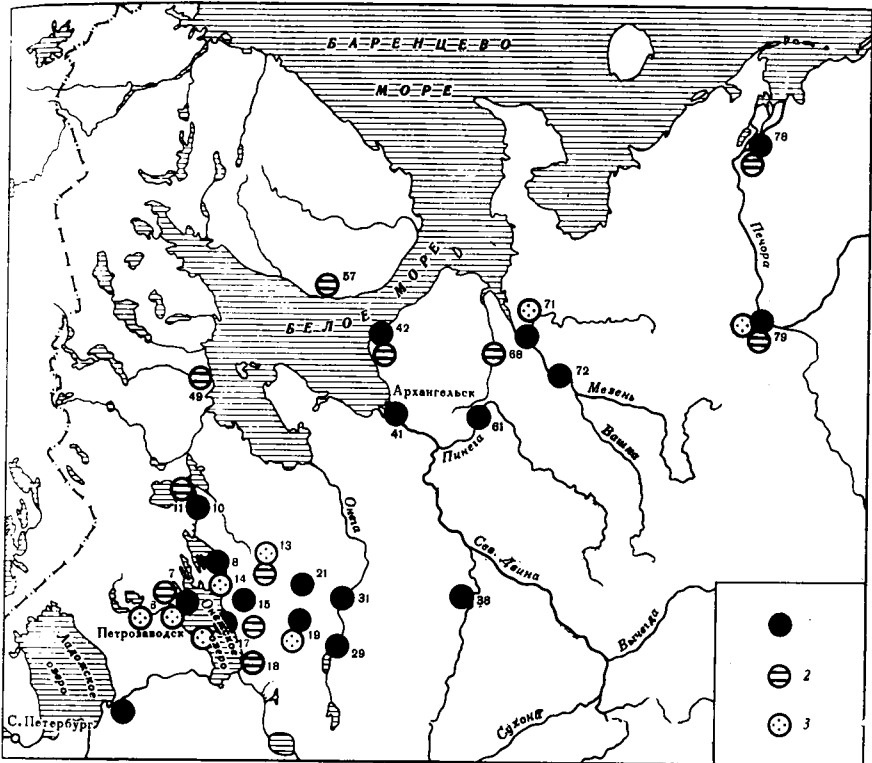
⁸¹ *Б. А. Рыбаков. Указ. соч.*, стр. 136—138.

⁸² *Вс. Миллер. Очерки...*, т. II, стр. 315—328.

⁸³ *А. Н. Веселовский. Южнорусские былины*, IV. СПб., 1881, стр. 37—38.

⁸⁴ *Вс. Миллер. Очерки...*, т. I, стр. 258—262.

⁸⁵ Там же, т. I, стр. 254; т. III, стр. 37—39.

Распространение былинных сюжетов

1 — «Василий Буслаевич»; 2 — «Садко»; 3 — «Ставер Гоудинович»

былины не выходит за «хронологические пределы Киевской Руси»⁸⁶. В. Я. Пропп отнес этот сюжет к ранним былинам сказочного характера, считая, что он мог возникнуть в русской народной поэзии в самом начале образования Киевской Руси⁸⁷.

Распространение былин об Иване Гостипом сыне на окраине былинного ареала, а также незначительное число самих записей былины указывают на сравнительно позднее время проникновения этого сюжета на Север (приблизительно XV—XVI вв.).

Былина «Наезд литовцев» также вызвала споры относительно времени ее возникновения. И. Н. Жданов писал, что в ней воспевается популярный князь конца XII — начала XIII в. Роман Мстиславич Галицкий⁸⁸. А. В. Марков и Н. Коробка считали

⁸⁶ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 126, 130.

⁸⁷ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 249.

⁸⁸ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895, стр. 425—523.

прототипом былинного Романа князя XIII в. Романа Михайловича Брянского⁸⁹. В. Ф. Миллер поддержал предположение А. В. Маркова⁹⁰. А. М. Астахова относит сложение былины к XII—XIII вв. на том основании, что в ней даются «яркие картины жизни западнорусских областей в XII—XIII вв.»⁹¹. В. Я. Пропп считал, что «обстановка, рисуемая в былине, совершенно исторична для Московской Руси XVI в.»⁹². Б. А. Рыбаков относит былину к концу XII — началу XIII в., подтверждая точку зрения И. П. Жданова дополнительными аргументами⁹³.

Отсутствие былины «Наезд литовцев» в районах древней эпической традиции, а также местах, подвергавшихся поздним московским влияниям (Пишега, Онега, Северная Двина), и распространение ее в Прионежье свидетельствуют о времени проникновения ее на Север приблизительно в XIII—XIV вв. Как можно видеть, это согласуется с мнением большинства исследователей, относивших сложение былины к XIII в.

К этому же времени можно отнести былину «Королевичи из Крякова», так как она распространена примерно в тех же пределах, что и былина «Наезд литовцев».

Бытование былины «Алепа Попович и сестра Петровицей» главным образом в районе Пишеги, в меньшей степени на Терском и Зимнем берегах, т. е. в районах, подвергавшихся более поздним южным влияниям, говорит в пользу сравнительно недавнего проникновения этого сюжета. Это не противоречит мнению большинства исследователей, анализировавших былину. А. Н. Веселовский считал ее позднейшей переработкой международного сюжета⁹⁴. А. М. Астахова также относит возникновение этой былины-новеллы к позднему этапу жизни русского эпоса на том основании, что именно тогда определился тип Алеши Поповича как «бабьего прелестника»⁹⁵.

Если отсутствие какого-либо сюжета в районах древнейших эпических традиций — Зимнего берега, Мезени и Кулоя — свидетельствует о более позднем проникновении этого сюжета, то, напротив, сосредоточение былины в этих районах должно говорить в пользу раннего проникновения определенного сюжета на Север. Рассмотрим несколько таких сюжетов.

Начнем с былины о «Василии Игнатьевиче». В. Ф. Миллер

⁸⁹ А. В. Марков. Историческая основа былины о князе Романи и литовских королевичах. «Этнографическое обозрение», кн. XI—XIII, 1905, стр. 16—30; Н. Коробка. Песня «Воротар» и песни о князе Романи. «Известия ОРЯС», IV, 1899.

⁹⁰ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. III, стр. 54.

⁹¹ А. М. Астахова. Былины Севера, т. II. М.—Л., 1951, стр. 784.

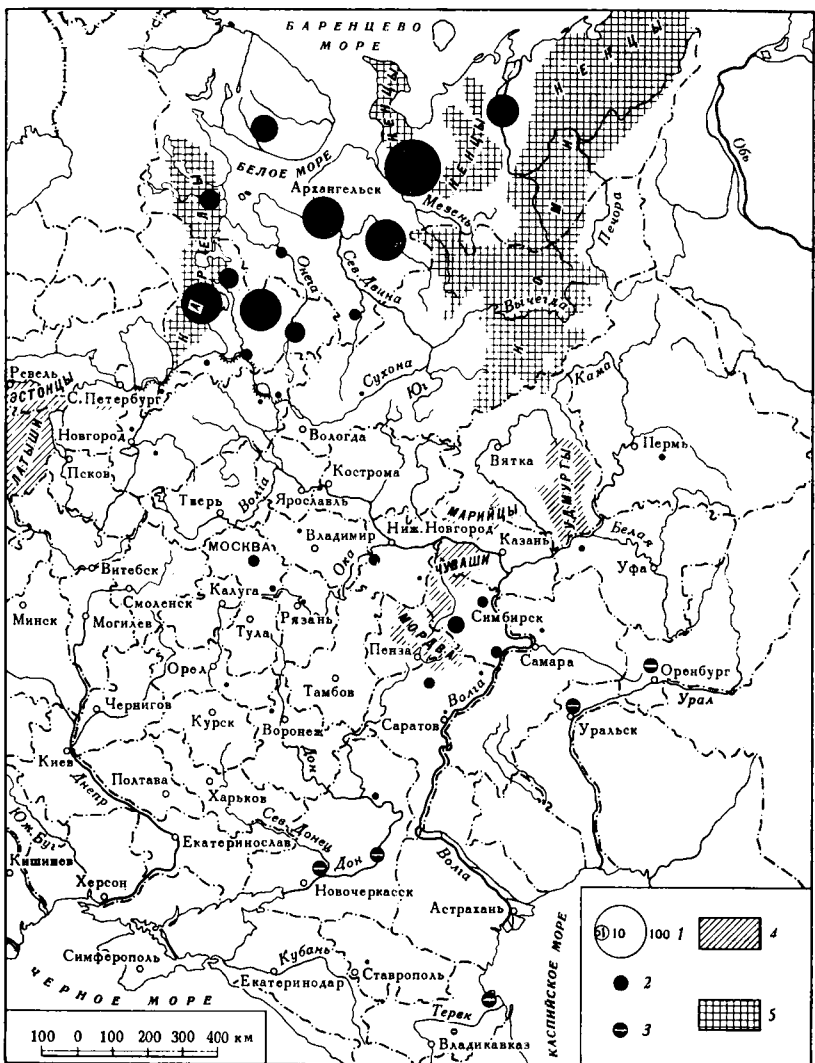
⁹² В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 396.

⁹³ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 150—153.

⁹⁴ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины, XI, стр. 381—401.

⁹⁵ А. М. Астахова. Былины Севера, т. I, стр. 552.

Распространение сказок и былин о богатырях русского эпоса, записанных у неславянских народов

1 — число записей, приходящихся на уезд (площадь кружков прямо пропорциональна числу записей былин); 2 — былины; 3 — песни на былинные сюжеты; 4 — народности, у которых зафиксированы сказки и предания о богатырях; 5 — народности, у которых зафиксированы былины

видел источник былины в древней, не дошедшей до нас песне о разгроме Киева Батыем. Известную нам былинку о Василии Игнатьевиче он считал результатом позднейшей обработки сюжета в скоморошье среде XVI или XVII в.⁹⁶ Такой же датировки придерживается В. Я. Пропп, основывавший свое мнение о поздней обработке более древнего сюжета в XVI—XVII вв. главным образом на том, что «описание кабака, какое дается в былинке, исторично для Москвы XVII в.»⁹⁷ А. М. Астахова, считая былинку созданием оппозиционно настроенных низших социальных слоев, относит ее происхождение к XVII в.⁹⁸

Распространение этой былины в основных районах эпической традиции (Прионежье и Мезенско-Печорском крае), особенно в местах древнейшей эпической традиции — Мезени и Кулое, свидетельствует в пользу раннего проникновения этого сюжета на Север.

К числу спорных принадлежит вопрос о времени сложения сюжета былины «Данила Ловчанин». М. Г. Халанский относил ее к XIII в., сопоставив сюжет былины с «Повестью о приходе Батыевой рати на Рязань»⁹⁹. Эту версию Халанского в одной из своих работ поддержал В. Ф. Миллер¹⁰⁰. Позднее он писал об отголосках в былинке событий XII в.¹⁰¹ На позднее возникновение былины одним из первых указал О. Ф. Миллер¹⁰². Б. М. Соколов относил «Данилу Ловчанина» к XVI в., сопоставив князя Владимира в былинке с Иваном Грозным. Образ Василисы Микуличны, по мнению Б. М. Соколова, возник из смешения образов двух жен Грозного — Василисы Мелентьевой и Марьи Долгорукой. Сюжет былины и отражает женитьбу Ивана Грозного на этих женщинах¹⁰³. В. Я. Пропп также считал былинку поздней, относя ее сложение к эпохе централизованного государства. В лице Данилы Ловчанина, по его мнению, легко узнать «служилого дворянина середины XVI в.»¹⁰⁴

Сосредоточение былин о Даниле Ловчанине главным образом в районах древней эпической традиции (Мезени, Кулое и Зимнем берегу), отсутствие их в большинстве других былинных очагов говорит в пользу раннего возникновения этой былины.

То же самое можно сказать о былинке «Алеша Попович и Тугарин», также зафиксированной в районах древних эпических традиций. О раннем возникновении былины писало большинство

⁹⁶ *Вс. Миллер. Очерки...*, т. I, стр. 305—327.

⁹⁷ *В. Я. Пропп. Указ. соч.*, стр. 332.

⁹⁸ *А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере*, стр. 62.

⁹⁹ *М. Г. Халанский. Великорусские былины Киевского цикла*, стр. 80 и сл.

¹⁰⁰ *Вс. Миллер. Очерки...*, т. I, стр. 316.

¹⁰¹ Там же, т. II, стр. 27—30.

¹⁰² *О. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское*, стр. 619—622, 646—648.

¹⁰³ *Б. Соколов. Исторические элементы в былинке о Даниле Ловчанине. «Русский филологический вестник»*, XIV, 1910.

¹⁰⁴ *В. Я. Пропп. Указ. соч.*, стр. 387—388.

исследователей, касавшихся этого сюжета. В. Ф. Миллер вслед за А. Н. Веселовским относил былинну к XI в., полагая, что она отразила поражение половцев в борьбе с русскими войсками в 1096 г. Имя Тугарина он сопоставил с историческим именем половецкого предводителя Тугоркана, убитого в этой битве¹⁰⁵. В. Я. Пропп, хотя и критикует В. Ф. Миллера за то, что он возводит былинну к конкретным историческим событиям и лицам, также относит былинну к XI в., считая, что она отражает обстановку этого времени¹⁰⁶. С XI в. связывает эту былинну и Б. А. Рыбаков¹⁰⁷.

Несколько по-другому решается вопрос о хронологическом приурочении былин «Туры», «Данила Игнатьевич» и «Глеб Володьевич», которых объединяет их географическое распространение главным образом по берегам Белого моря.

Сюжет былинны «Туры» известен в качестве отдельной песни¹⁰⁸ и как зачин к былинне о Василии Игнатьевиче. В. Ф. Миллер первый обратил внимание на искусственность присоединения зачина, в котором предвещается гибель Киева, к былинне, оканчивающейся, вопреки предсказаниям Богородицы, полным разгромом Батыя¹⁰⁹. В. Ф. Миллер (с ним впоследствии согласились многие исследователи) впервые предположил также, что «Туры» являются осколком старинной легенды об охране Киева Богородицей¹¹⁰. А. Д. Григорьев указал на влияние раскольников в обработке былинны¹¹¹. В. Я. Пропп, возражая А. Д. Григорьеву, писал, что сюжет плачущей Богородицы сложился еще до раскола. В среде старообрядцев он был только «приноровлен» к раскольничьей идеологии и возможно, что в этой же среде он прикрепился к эпосу¹¹².

Распространение «Туров» только по берегам Белого моря позволяет предположить влияние знаменитого Соловецкого монастыря в распространении этого сюжета. Известно, что во второй половине XV в. Марфа Борецкая пожертвовала Соловецкому монастырю значительное число своих беломорских деревень и угодий. В дальнейшем монастырь приобрел сам немало деревень по Поморскому и Карельскому берегам Белого моря¹¹³. В XVI—XVII вв. берега Белого моря становятся местом активной хозяйственной деятельности Соловецкого, Антониево-Сийского, Кирилло-Белозерского, Николо-Карельского и других монастырей, ор-

¹⁰⁵ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. II, стр. 87—168.

¹⁰⁶ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 198—215.

¹⁰⁷ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 102—106.

¹⁰⁸ Рассматривается географическое распространение именно этого варианта.

¹⁰⁹ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 313.

¹¹⁰ Там же, стр. 313—315.

¹¹¹ А. Д. Григорьев. Архангельские былины, т. III, стр. 13—14.

¹¹² В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 295.

¹¹³ М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962, стр. 79—81.

гапизовавших здесь десятки соляных варниц. С культурным влиянием монастырей, и в первую очередь Соловецкого, по всей вероятности, нужно связывать отмеченную исследователями значительную роль книжных источников в репертуаре сказителей Белого моря, в том числе у знаменитых Аграфены и Марфы Крюковых¹¹⁴. Интересно, что А. Маслов в мелодическом складе беломорских былин заметил влияние духовных стихов, не свойственное другим былинным районам¹⁵.

Былины о «Даниле Игнатьевиче» почти не изучены исследователями. В. Я. Пропп относит их к числу позднейших былин об отражении монголо-татарского нашествия и соглашается с мнением В. И. Чичерова о связи ее с циклом былин о Калине¹¹⁶. Б. А. Рыбаков, сопоставляя былинку с «Хождением» игумена Даниила и летописным сказанием о Шаруканском походе 1111 г., относит сложение былинки к началу XII в.¹¹⁷

Сосредоточение большей части записей былин на этот сюжет (семь былин из общего числа — одиннадцать) на Мезени, Кулое и Зимнем берегу говорит в пользу сравнительно раннего их происхождения на Север. Отсутствие данного сюжета в Прионежье и распространение его главным образом по берегам Белого моря, а также тот факт, что героем былин является богатырь, постригшийся в монахи, позволяет предположить, как и для предыдущей былинки, определенную роль монастырей если не в сложении, то в закреплении былин этого сюжета в местах их бытования.

Былинку о «Глебе Володьевиче» связывали с походом князя Глеба Святославовича, новгородского и тмутараканского, с Владимиром Мономахом на Корсунь в 1077 г. Впервые на эту связь указал А. В. Марков¹¹⁸. К нему присоединился В. Ф. Миллер¹¹⁹, отказавшись от своего первоначального мнения о восхождении сюжета былинки к походу князя Владимира Святославовича на Корсунь и его женитьбе на греческой царевне Анне в 968 г.¹²⁰ С походом князей 1077 (1076) г. связывает эту былинку Б. А. Рыбаков¹²¹. В. Я. Пропп относит былинку к ранним былинам сказочного характера, связывая ее с циклом былин о женах-колдуньях и отравницах¹²². А. М. Астахова считает, что приуроче-

¹¹⁴ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 320—332.

¹¹⁵ А. Маслов. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад. М., 1911, стр. 24.

¹¹⁶ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 537; В. И. Чичеров. Об этапах развития русского исторического эпоса. «Историко-литературный сборник». М., 1947, стр. 3 и сл.

¹¹⁷ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 115—124.

¹¹⁸ А. В. Марков. Из истории русского былевого эпоса, вып. I. «Этнографическое обозрение», 1904, № 5, стр. 30—66.

¹¹⁹ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. II, стр. 294—298; т. III, стр. 57—58.

¹²⁰ В. Ф. Миллер. К былинке о князе Глебе Володимировиче. ЖМНП, 1903, № 6, стр. 304—321.

¹²¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 98—100.

¹²² В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 533.

ния былины к определенному историческому факту гипотетичны, так как основа былины коренным образом переработана при помощи целого ряда сказочных и песенных мотивов¹²³.

Малая распространенность этой былины (записана только в двух вариантах в с. Зимняя Золотица) позволяет предположить восхождение былины к книжному источнику. Это тем более вероятно, что в репертуаре сказителей Зимнего берега, как уже говорилось, влияние книжных источников особенно сказалось.

Картографирование былин помогает решению вопроса о роли скоморохов в распространении былин. Известно, что В. Ф. Миллер и ряд его последователей¹²⁴ придавали большое значение роли скоморохов в занесении былин на Север. Несомненная связь эпической традиции с переселенческими потоками свидетельствует в пользу преобладающей роли крестьянской колонизации в распространении былин.

Замечу, что решение вопроса о роли скоморохов в распространении былин не снимает другого вопроса — об участии скоморохов в сложении основного ядра былевого эпоса. Высокая художественная техника былин, ряд определившихся в них поэтических приемов (стихотворный размер, зачины, общие места и т. п.) заставляют предполагать, как это впервые сделал В. Ф. Миллер¹²⁵, участие в их сложении профессиональных певцов, в том числе, возможно, и скоморохов. Наши карты говорят о незначительной роли в сложении былин поздних скоморохов, гонимых в XVI—XVII вв. из культурных центров на окраины России. Распределение скоморошиц, появление которых на Севере исследователи связывают со скоморохами, на окраинах былинного ареала говорит о сравнительно позднем проникновении этих песен на Север.

До сих пор спорным остается вопрос о роли различных слоев общества в создании былин, нашедший отражение в известной дискуссии 1936 г. о происхождении эпоса¹²⁶. В. Ф. Миллер¹²⁷ и его последователи (включая и Б. М. Соколова), считая главной роль княжеско-дружинной среды и скоморохов в создании и развитии русского эпоса, отводили крестьянской среде незначительное место. Выводы о связи былевой традиции с потоками переселенцев, в том числе с ранними, свидетельствуют, что крестьянская среда должна была сыграть значительную роль если не в создании, то в развитии русского эпоса.

¹²³ А. М. Астахова. Былины Севера, т. I, стр. 564.

¹²⁴ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 52; Б. М. Соколов. Русский фольклор, вып. I. М., 1934, стр. 13, 62—64; и др.

¹²⁵ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 22—64; т. III, стр. 27—28.

¹²⁶ Об этой дискуссии см.: Ю. Соколов. Русский былинный эпос. «Литературный критик», 1937, № 9.

¹²⁷ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. III, стр. 28.

К вопросу о хронологии былин

В связи с результатами проделанной работы по картографированию былин рассмотрим ряд вопросов, связанных с определением времени возникновения и исчезновения героического эпоса в разных областях России. Вопрос хронологии остается важнейшим, если не самым важным, в изучении былин, как и других видов народного творчества. М. П. Штокмар так писал об этом: «Русским фольклором занимаются представители самых разнообразных специальностей: его изучают... историки и этнографы, музыковеды и лингвисты... Общим вопросом, возникающим перед исследователем народного творчества, к какой бы отрасли гуманитарных знаний ни относилась его работа, является проблема хронологии»¹.

Хронологическое приурочение былевого эпоса представляет большую трудность, так как былины, дошедшие до нас в записях XIX—XX вв., в течение столетий передаваясь из уст в уста, не могли не подвергнуться самым разнообразным изменениям и по содержанию, и по своей форме. Эти изменения носили не внешний характер, а выражались в глубокой органической переработке былины, ее содержания и поэтики.

Особенно много разногласий вызвал вопрос об определении места и времени сложения основного ядра русского эпоса². Всеми исследователями отмечалось, что былины заключают в себе явные отголоски очень древних исторических событий; в них находили имена исторических лиц, действовавших в давно прошедшие времена, названия старых центров исторической жизни русского народа — Киева, Галича, Новгорода, Ростова Суздальского, Москвы.

То обстоятельство, что в период интенсивного собирательства эпоса обнаружилось полное отсутствие былин на Украине и что в самих былинах были вскрыты некоторые черты московского быта и московских событий, побудило некоторых ученых (М. Е. Халапского, С. К. Шамбинаго и др.) выдвинуть положение о сложении былинного эпоса в пределах Московского госу-

¹ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952, стр. 8.

² Подробно об этом см.: А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 28—88.

дарства в XVI—XVII вв. М. Е. Халанский считал, что сам факт отсутствия былины на юге говорит за то, что их там не было. По его мнению, отдельные песни с упоминанием Киева и Владимира, созданные на юге, оказали ассимилирующее влияние на северные эпические песни. Таким образом, уже в московское время образовался так называемый киевский цикл, и «киевские элементы» в нем являются чисто формальным моментом³. С. К. Шамбинаго относил к московскому периоду даже былину о Василии Буслаеве, всецело проникнутую чертами новгородского быта. По его мнению, в основу содержания былины о бое Василия Буслаева с Новгородом легло событие 1570 г., когда Иван Грозный разгромил Новгород, и сама былина не что иное, как исторический памфлет на Ивана IV. В основе былины, изображающей паломничество Василия Буслаева в Иерусалим, по мнению С. К. Шамбинаго, лежит реальный эпизод путешествия Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь⁴.

Концепции обоих авторов подверглись справедливой критике в трудах ряда исследователей⁵.

Большинство исследователей считало, что русские былины воспроизводят мир социальных отношений и историческую обстановку Киевской Руси. Л. Н. Майков выдвинул известный тезис о том, что «народный эпос по своему образованию всегда современен или воспеваемому событию, или, по крайней мере, живому впечатлению этого события на народ»⁶. По его мнению, былины сложились в южной Руси, а содержание их вырабатывалось в X—XII вв., т. е. в первой половине периода феодальной раздробленности. Окончательно оформился эпос в пору много-татарского владычества, когда Москва еще не сосредоточила в себе всей государственной силы Руси и в народе свежа была память о первенствующем значении Киева. Это, по его мнению, была вторая половина периода феодальной раздробленности — XIII—XIV вв.⁷ Л. Н. Майков склонен был все известные былины относить к киевскому циклу.

В. Ф. Миллер внес некоторые поправки в это положение, доказав, что далеко не все былины, действие которых связано с Киевом и князем Владимиром, киевского происхождения. При этом он впадал в противоположную крайность и считал новгородскими былины, сюжеты которых, по мнению многих исследователей, могли сложиться в киевское время (например, былины о Соловье Будимировиче и Иване Гостином сыне). Однако

³ М. Халанский. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 210—226.

⁴ С. Шамбинаго. Песни-памфлеты XVI в. Исследование. М., 1913.

⁵ Рецензия В. Миллера «Песни-памфлеты XVI в. (исследование С. Шамбинаго)». «Вестник Европы», 1913, V; А. М. Астахова. Былины..., стр. 220—227 и др.

⁶ Л. Н. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, стр. 22.

⁷ Там же, стр. 27.

В. Ф. Миллер не отрицал киевского происхождения какой-то части эпоса и относил к повгородским лишь некоторые былины.

Советские исследователи в большинстве своем придерживаются мнения о киевском происхождении основного ядра былин. Д. С. Лихачев справедливо заметил, что социальный уклад раннефеодального государства X—XI вв. не мог быть восстановлен сказителями XVII—XIX вв. на основании каких-либо иных источников, кроме фольклорных. И это обстоятельство указывает на историческую преемственность в русском эпосе. «Наблюдая в былинах нового времени черты исторической действительности X—XII вв., мы можем быть уверены, что эти же черты имелись уже в современном им эпосе»⁸.

А. М. Астахова, разбирая в своей работе «Русский былинный эпос на Севере» концепции по вопросу о происхождении эпоса, высказывает собственное суждение по этому вопросу: «Так или иначе несомненно, что образование киевского цикла в целом произошло еще до того времени, как эпос стал проникать на Север, и что в его основу лег целый ряд сказаний, сложившихся еще в досудзальский период»⁹.

В. Я. Пропп и его последователи выделили три основных этапа в сложении эпоса. В соответствии с этим В. Я. Пропп выделил группу сюжетов, относящихся к эпохе развития феодальных отношений; затем сюжеты, возникшие в период борьбы Руси с монголо-татарским нашествием, и, наконец, былины эпохи образования централизованного Русского государства¹⁰.

Б. А. Рыбаков в своей последней работе по эпосу, рассмотрев былины Владимирова цикла в сопоставлении с историческими событиями, относит большинство былин к трем последним десятилетиям X в.¹¹ Середину XII—XIII в. он рассматривает как время угасания былинного жанра¹².

По вопросу о времени исчезновения эпоса в различных областях России было высказано гораздо меньше суждений. Как уже говорилось, предположение В. Ф. Миллера, что в XV—XVI вв. не все русские области были одинаково богаты эпосом¹³, не было поддержано большинством исследователей. До сих пор господствующим является представление, что еще в XVII—XVIII вв. русский эпос бытовал не только на Севере, но и во многих других областях России¹⁴.

⁸ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 53.

⁹ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 18.

¹⁰ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 77.

¹² Там же, стр. 139—154.

¹³ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 91.

¹⁴ «Русское народное поэтическое творчество». Пособие для вузов, под ред. П. Г. Богатырева. М., 1954, стр. 270; А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения, стр. 217.

В определении времени сложения и угасания богатырского эпоса большинство исследователей прошлого столетия исходило из содержания былины. Основными хронологическими ориентирами служили имена героев и географические названия, встречаемые в былинах. Недостаточность этого метода, наиболее полно выразившегося в трудах представителей «исторической школы», была показана А. П. Скафтымовым, считавшим, что «генетическому изучению» былины должно предшествовать «изучение былины в их настоящем, сохранившемся виде с тем, чтобы понять их состав как художественное целое»¹⁵. Концепция А. П. Скафтымова была поддержана большинством советских исследователей¹⁶ лишь в части критики «исторической школы». В. Я. Пропп и его последователи¹⁷ придерживались в определении хронологии былины иного принципа историзма, основанного на идейном содержании былины. Недостаточное внимание этих исследователей к конкретным историческим данным, отраженным в былинах, было показано Б. А. Рыбаковым, которого в известной мере поддержала А. М. Астахова¹⁸. Замечу, что в работах последователей В. Я. Проппа, как и в исследованиях представителей «исторической школы», мы снова видим, выражаясь словами А. П. Скафтымова, «генетическое изучение предмета», иными словами, в определении хронологии эпоса они также исходят из содержания былины.

Однако, как уже говорилось выше, на наш взгляд, вопрос о времени возникновения того или иного былинного сюжета можно считать решенным лишь в том случае, если установлено время его оформления в былинку, как произведение особого жанра.

* * *

Картографирование былины позволяет рассмотреть вопросы, связанные с хронологией былины, с иных позиций, исходя не из содержания былинных текстов, а из бесспорного факта существования или отсутствия эпической традиции в тех или иных областях в определенное время.

Выше говорилось о путях, по которым новгородцы шли на Север. Самый древний из этих путей отражен в Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича, относящейся к 1137 г.¹⁹ Перечисленные в этой грамоте погосты (в Прионежье, на Двине, Сухоне, Пинеге) указывают на путь, по которому шло

¹⁵ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былины. М.— Саратов, 1924, стр. 43, 44.

¹⁶ В порядке исключения можно назвать работы М. П. Штокмара «Исследования в области русского народного стихосложения» (М., 1952) и П. Д. Ухова «Атрибуция русских былины» (М., 1970).

¹⁷ В. Я. Пропп. Русский героический эпос; В. Н. Пугилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. М.—Л., 1960 и др.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь..., стр. 41—43; А. М. Астахова. Былины..., стр. 68—69.

¹⁹ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 93 и сл.

население: Свирь, Онежское озеро, Водла, Онега, с Онеги по Емце на Двину. По р. Моше, впадающей в Онегу, ответвлялся путь в Вельско-Важский край. Указание на этот путь находим и в более поздних источниках. В писцовой книге XVI в. говорится о нем, как о старом пути, которым ездили еще в XV в. Уже в XVI в. этот путь запустел: «а гости тою дорогою нынче не ездят — ездят новой дорогою»²⁰. Под новой дорогой подразумевался Вытегорско-каргопольский путь. Он шел на Онегу по р. Вытегре, впадающей в Онежское озеро, затем волоком на озеро Лаче и оттуда к Каргополю на Онегу. Карты распространения былин показывают, что основные очаги былинной традиции сосредоточены на старом пути. Исключение составляет Вельско-Важский край, где первоначальный переселенческий поток из Новгорода был позже перекрыт низовским потоком. Это позволяет заключить, что приток былин на Новгородский Север прекратился по крайней мере ко времени появления новой дороги, т. е. к XVI в. Отсюда возникает предположение о сложении эпической традиции во всяком случае до XVI в. К тому же по некоторым летописным данным можно заключить, что Вытегорско-каргопольский путь был известен новгородцам в XV в.²¹ Отсутствие былин в районах, прилегающих к этому пути, позволяет отодвинуть время сложения былин еще глубже.

Связь же эпических традиций с ранними потоками новгородских переселенцев на нижнюю Двину (XI—XII вв.) дает основание отнести сложение основного ядра богатырского эпоса ко времени, предшествовавшему этому переселению.

В пользу раннего сложения основного ядра былевого эпоса говорит и изложенный выше вывод о том, что низовские переселенцы не принесли былин на Север. Это, в свою очередь, дает основание заключить об отсутствии былинной традиции в Ростово-Суздальской и Московской землях по крайней мере к началу интенсивного переселения из этих мест (XIV—XV вв.).

Можно предположить, что в XIV—XV вв. былин не было и во всех остальных областях, в которых так же, как и в бывших землях Ростово-Суздальского княжества, не была зафиксирована былинная традиция в конце XIX — начале XX в. Это касается центральных и южных губерний России, а также Украины и Белоруссии. Такое предположение возможно еще и потому, что у нас нет убедительных доказательств в пользу противоположного мнения о широком распространении в прошлом былин повсюду в России, Белоруссии и на Украине.

Обычно для доказательства существования в прошлом былинной традиции исследователи ищут следы былевого эпоса в дру-

²⁰ «Писцовые книги Обонежской пятины». Л., 1930, стр. 177.

²¹ М. В. Едемский. О старых торговых путях на Севере. «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. IX. СПб., 1913, стр. 56—57.

гих фольклорных жанрах. Особое место в этой связи было уделено украинским и белорусским сказам и легендам, в которых содержатся былинные эпизоды или упоминаются имена некоторых былинных героев²². Однако сходство эпизодов и даже имен былинных героев во многих случаях не доказано и вызывает споры среди фольклористов. Достаточно вспомнить полемику между Н. П. Дашкевичем и А. Н. Веселовским, с одной стороны, и Н. Ф. Сумцовым, с другой, относительно правомерности сближения Алеши Пирятинского из «Думы о буре на Черном море» с былинным Алешей Поповичем²³. Кроме того, возможно позднейшее книжное или лубочное происхождение этих легенд и сказок. И, наконец, эти сказки так же мало говорят о существовании былин в соответствующих областях, как и сказки на былинные сюжеты, записанные у финнов, латышей, якутов, удмуртов и др.²⁴ Собирателям удалось даже записать русские былины среди нерусского населения, однако никто не станет искать у него следов древней эпической традиции.

В качестве доказательства существования былинной традиции на Украине и в Белоруссии исследователи ссылаются на известную отписку 1574 г. оршанского старосты Кмиты Чернобыльского к кастеляну Троицкому Остафию Воловичу и на записки Эриха Лассоты — посла римского императора, который побывал в 1594 г. в Киеве. В отписке упоминаются Илья Муромец и Соловей Будимирович, а в записках — гробница Ильи Муромца²⁵. Но ведь это в лучшем случае свидетельствует лишь о распространении на Украине и в Белоруссии сказаний об Илье Муромце!

Нельзя согласиться, на мой взгляд, и с М. М. Плисецким, который на основании собранного им материала о связях произведений украинского фольклора и русского эпоса (былинные мотивы и упоминания былинных богатырей в украинских думах, обрядовых песнях, народных преданиях) пишет о прочной былинной традиции на Украине²⁶. Сравнительное изучение эпосов различных народов показало, что существуют международные сюжеты (а это больше, чем общие мотивы, сходные ситуации

²² Подробная сводка такого материала содержится в книге А. М. Лободы «Русский богатырский эпос» (Киев, 1896, стр. 90—100).

²³ Н. Ф. Сумцов. К думам об Алексее Поповиче. «Киевская старина», 1894, № 1.

²⁴ А. Н. Веселовский. Мелкие заметки к былинам. «Журнал министерства народного просвещения», 1890, март; А. М. Астахова в исследовании «Народные сказки о богатырях русского эпоса» (М.—Л., 1962) приходит к выводу: «На основе одних только сказок в определенном районе нельзя утверждать, что здесь существовала былинная традиция и сказки являются переоформленными остатками ее, так как эти сказки могли быть занесены и устным и письменным путем» (стр. 66).

²⁵ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины. СПб., 1881, стр. 61—64; А. М. Лобода. Указ. соч., стр. 15.

²⁶ М. М. Плисецкий. Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963, стр. 385.

и т. п.), на основании которых, однако, нельзя устанавливать генетические связи между эпосами.

Свидетельством былинной традиции могло бы служить наличие в произведениях других жанров поэтических приемов, характерных для былины. А. М. Лобода исследовал с этой точки зрения поэтику белорусских песен и пришел к выводу, что специфически былинных приемов в ней нет²⁷. М. М. Плисецкий, проводивший аналогичные исследования поэтики украинских дум и русского эпоса, обнаружил мало общих приемов, да и те, по его словам, характерны для всего песенного фольклора²⁸.

Некоторые исследователи возводили к историческому фольклору Киевской Руси ряд украинских колядок²⁹. Однако, по мнению Б. Н. Путилова и Б. М. Добровольского, эти колядки принадлежат гораздо более позднему времени³⁰. ««Единичные» находки в украинском фольклоре эпохи Киевской Руси либо на проверку оказывались подделками, либо обнаруживалось, что они ни малейшего отношения к тем далеким временам не имеют»³¹.

Б. П. Кирдан пишет о полном отсутствии общих приемов в поэтике украинских дум и русских былин³², в то время как текстологический анализ дум обнаруживает близкое их сходство с другими жанрами украинского фольклора — историческими, лирическими и свадебными песнями, причитаниями, что проявляется в близости сюжетов, принципов и приемов отображения действительности, сходстве конкретных стилистических формул. Ярким свидетельством взаимосвязанности этих художественных жанров является существование общего фонда устойчивых стихотворных формул, «*loci communes*»³³. В то же время в районах былинной традиции по художественным особенностям былинам близки многие песенные жанры: причитания, заговоры, свадебные песни.

Об отсутствии былин (или раннем их исчезновении) в северных областях свидетельствует анализ исторических песен, время создания которых, в отличие от других фольклорных жанров, можно точно датировать. Только исторические песни Севера по своим художественным особенностям сходны с былинами. Об этом писали многие исследователи. «Иной раз даже затруднительно провести какую-либо твердую грань между тем и дру-

²⁷ А. М. Лобода. Белорусская поэзия и былевой эпос. «Этнографическое обозрение», 1895, № 2.

²⁸ М. М. Плисецкий. Указ. соч., стр. 307.

²⁹ Н. И. Костомаров. Историческое значение южнорусского народного песенного творчества. «Беседа», кн. XI—XII. М., 1872; «Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова», т. I. Киев, 1874.

³⁰ «Исторические песни XIII — XVI вв.» Подготовка текстов Б. Н. Путилова, Б. М. Добровольского. М.—Л., 1960, стр. 17.

³¹ Там же.

³² Б. П. Кирдан. Украинский народный эпос. М., 1965, стр. 324.

³³ Там же, стр. 29—30, 266—267, 325.

гим видом устных произведений. Так, например, песня об историческом лице — Машрюке — с полным правом может называться былиною. «Наезд литовцев», по всей вероятности, является песней, превратившейся, благодаря утрате точных фактических данных, в былину; песня о Петре Великом, который вознаграждает молодца за правдивый ответ, скорее былина-баллада»³⁴. Близость исторических песен к былинам отмечал и В. Ф. Миллер. «В области былинной традиции в Олонецкой и Архангельской губерниях, — писал он, — историческая песня значительно изменила свой первоначальный характер под влиянием эпических шаблонов»³⁵. Ту же тенденцию можно увидеть в исторических песнях Западной Сибири, былинная традиция которой связана с Севером. Напротив, исторические песни центральных и южных русских губерний по своим художественным особенностям значительно отличаются от северных. В центральных губерниях они сближаются с лирическими песнями и романсами и стилистически, и по характеру исполнения. Исторические песни, записанные в южнорусских губерниях, близки к песням центральных губерний³⁶.

Все это дает основание заключить, что ко времени появления исторических песен в центральных и южнорусских губерниях и исторических дум на Украине, т. е. к XV—XVI вв., былинная традиция там или уже не существовала, или была настолько слабой, что не нашла отражения в исторических песнях.

Косвенным доказательством отсутствия былинной традиции в песенных областях служит и тот факт, что в Сибири, заселявшейся с XVI в. из разных областей России, Украины, Белоруссии, эпическая традиция зафиксирована только в районах, где осели переселенцы с русского Севера (см. карту на стр. 45).

Рассматривая распространение героических былин в Сибири, видим такую картину: в Томской губернии записано 29 былин (6 — в Бийском округе, 23 — в Барнаульском); в Енисейской губернии — 11 (9 — в Енисейском округе, 1 — в Милусинском, 1 — в Ачинском); в Иркутской губернии (Иркутский уезд) — 2 былины; и, наконец, в Якутской области — 15 былин (4 — в Верхоянском и 11 — в Нижнеколымском округе).

Очевидно, что по числу записей выделяется Томская губерния³⁷. Здесь на Локтевском и Сузунском заводах и в окрестно-

³⁴ А. Н. Лозанова. Русские исторические песни. Сб. «Фольклор Карело-Финской ССР», вып. I. Петрозаводск, 1941, стр. 60.

³⁵ В. Ф. Миллер. Русские исторические песни из Сибири. «Известия Отделения русского языка и словесности», т. 9, кн. I. СПб., 1904, стр. 22.

³⁶ В. К. Соколова. Распространение русских песен о событиях XVI — начала XIX в. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVII, 1957, стр. 8.

³⁷ Из числа сделанных здесь записей былин 27 принадлежат С. И. Гуляеву («Былины и исторические песни из южной Сибири». Новосибирск, 1952); две — Г. Н. Потанину (Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской гу-

стях Барнаула С. И. Гуляев записал несколько хорошо сохранившихся былинных текстов³⁸. Больше того, собирателю удалось обнаружить незаурядного сказителя Л. Г. Тупицына, знавшего около десятка былин, которые он перенял у своего отца, перенявшего их в свою очередь у деда. Все это позволяет говорить о былинной традиции на Алтае, хотя и более слабой, чем на Севере.

У большинства исследователей не вызывало сомнения, что былины на эту далекую окраину России припесели переселенцы из севернорусских губерний (в том числе Олонецкой и Архангельской), первыми заселявшими Сибирь в XVI—XVIII вв. Об этом говорил С. И. Гуляев, изучавший историю заселения Томской губернии³⁹. В. Ф. Миллер, ссылаясь на диалектологические данные, писал: «Южная Сибирь и по говору населения является непосредственным продолжением северо-восточной полосы Европейской России», заселенной «некогда главным образом новгородскими славянами». Она сохранила «то духовное достояние эпической старины, которым обладало население европейской родины в XVII столетии»⁴⁰.

Другие исследователи указывали на связь былин из Енисейской, Иркутской губерний и Якутской области с потоком переселенцев с Севера. Например, В. Г. Богораз, записавший 11 былин в Нижнеколымском округе, изучив наречие русских Колымы, пришел к заключению, что это наречие принадлежит к северным, окающим говорам и обнаруживает близкое сходство с областными наречиями севернорусских губерний, откуда пришли первые переселенцы на Колыму⁴¹.

Как свидетельствуют исторические источники, первоначальное заселение Сибири шло речными путями: от Оби притоками на Енисей, с Енисея по Ангаре, Подкаменной Тунгуске и Нижней Тунгуске в бассейн Лены, оттуда на Яну, Индигирку, Колыму⁴².

Поздние переселенцы двигались по Московскому тракту, проходившему через всю Сибирь и проложенному значительно южнее прежних речных путей, а с 90-х годов XIX в. — по сибирской железнодорожной магистрали.

Если основную массу первых поселенцев в Сибири составляли выходцы из северных губерний, то в последующий период, в конце XVIII в. — начале XX в., особенно же в XIX в., в Сибирь переселялись главным образом крестьяне из черноземной полосы,

бернии. «Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом», вып. VI. СПб., 1864, стр. 96 и сл.

³⁸ С. И. Гуляев. Указ. соч., стр. 299—303.

³⁹ Там же, стр. 25.

⁴⁰ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 87.

⁴¹ В. Г. Богораз. Областной словарь колымского наречия. «Сб. отд. русск. яз. и слов. АН», т. 68. СПб., 1901, стр. 170—171.

⁴² С. В. Вазрушин. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века. «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири». Пг., 1922, стр. 18—44.

северо-западных, поволжских и украинских областей. Выходцы с Севера составляли в этом потоке незаметное меньшинство⁴³.

Диалектологическое обследование Сибири показывает, что язык старожилов основан на севернорусских окающих говорах⁴⁴, причем «говоры старожилов уцелели по северному водному пути через Сибирь и его подъездным речным дорогам»⁴⁵⁻⁴⁶.

Рассматривая карту распространения былин в Сибири, видим, что былинные очаги расположены по рекам, на путях первых переселенцев. Это лишний раз указывает на связь былинной традиции в Сибири с переселенческим потоком из северных русских областей.

Об этом же говорит сравнительное изучение сюжетного состава былинных традиций русского Севера и Сибири. В. Ф. Миллер, сравнивая западносибирский былинный репертуар с олонецким, пришел к выводу о совпадении подавляющего большинства их сюжетов⁴⁷. О родстве сибирской эпической традиции с севернорусской писали и последующие исследователи⁴⁸. С сибирской былинной традицией связывают былины из сборника Кириши Данилова⁴⁹.

Что касается былин, записанных в Приуралье, отчасти Поволжье и на Дону, то, как заметили многие исследователи, это остатки главным образом слабых эпических традиций в районах, куда также распространялся поток переселенцев из северных губерний. Б. Соколов, исследовавший былины из Саратовской губернии, сделал вывод, что они проникли в этот край по Волге через северных русских. «Целый ряд былип, записанных в Саратовской губернии, записаны также выше Саратова по Волге, так и у казаков, преимущественно донских. Ясно, что это один былинный поток. Саратовский край является передаточным пунктом»⁵⁰.

Сравнительное изучение сюжетного состава и жанровых особенностей эпических произведений из разных районов показало, что все известные нам былины восходят к одному источнику⁵¹ и,

⁴³ Г. Ф. Чиркин. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX — начала XX в. Там же, стр. 89.

⁴⁴ П. Я. Черных. Русский язык в Сибири. М.—Иркутск, 1934; А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. I. Иркутск, 1921; А. Д. Григорьев. Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири. «Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского». Л., 1928.

⁴⁵⁻⁴⁶ А. Д. Григорьев. Указ. соч., стр. 389.

⁴⁷ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 81—96.

⁴⁸ Я. Р. Кошелев. Вопросы русского фольклора Сибири. Томск, 1963, стр. 67—138.

⁴⁹ М. К. Азадовский. Эпическая традиция в Сибири. «Вестник просвещения», № V. Чита, 1921, стр. 18—19; Я. Р. Кошелев связывает этот сборник с Восточной Сибирью, а более точно — с Красноярским краем (Я. Р. Кошелев. Указ. соч., стр. 19—43).

⁵⁰ Б. М. Соколов. О былинах, записанных в Саратовской губернии. «Культура» (Саратов), 1922, № 1, стр. 15.

⁵¹ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 78—96; «Былины и исторические песни из

следовательно, так же как и северные былины, могут быть связаны с новгородскими переселенцами.

Показательно в этом отношении рассматриваемое ниже географическое распространение былин и сказок о богатырях русского эпоса, записанных у неславянских народов. Эти произведения фиксировались собирателями, начиная с середины XIX в. Они появлялись в сборниках былин и сказок, в периодических изданиях. По данным А. М. Астаховой, имеется около двадцати опубликованных текстов сказок и несколько большее число их содержится в архивных рукописях⁵². Целый ряд архивных текстов, не переведенных на русский язык, еще не попадал в руки исследователей. Столь относительно малое число подобных текстов, по мнению А. М. Астаховой, объясняется тем, что этот вид фольклора привлекал к себе недостаточное внимание этнографов и фольклористов и часто лишь мимоходом фиксировался этнографами⁵³. Это обстоятельство, а также свидетельства ряда собирателей о бытовании интересующих нас фольклорных произведений позволяют предположить распространение их среди большего числа сказителей, чем об этом говорят записи.

Случаи усвоения былин в классической форме более редки. П. Н. Рыбников записал несколько подобных былин от карел Дмитриевой и Лазарева⁵⁴. Н. Е. Ончуков слышал несколько былин от коми-ижемцев, рассказывавших их на ломаном русском языке⁵⁵. Имеется свидетельство А. Д. Григорьева об исполнении былин про Илью Муромца, Добрыню и Платова-казака на зырянском языке у коми-зырян на Печоре⁵⁶.

В советское время подобные былины фиксировались примерно в тех же географических пределах: у коми на Печоре⁵⁷ и у карел⁵⁸. Новым пунктом явилась деревня Латьяга на Мезени, где от коми записан фрагмент былины о Василии Буслаеве⁵⁹.

Число былинных сюжетов, обнаруженных среди былин и сказок о богатырях, записанных у неславянских народов, невелико. Основное место среди них занимают сюжеты об Илье Муромце: «Исцеление Ильи Муромца и получение им силы», «Илья Муромец

южной Сибири». Записи С. И. Гуляева, вступит. статья М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939; изд. 2, вступит. статья В. И. Чичерова, Новосибирск, 1952; В. М. Соколов. Указ. соч.

⁵² А. М. Астахова. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.—Л., 1962, стр. 75—76.

⁵³ Там же, стр. 76.

⁵⁴ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. I. М., 1909, № 86—89; т. II. М., 1910, № 103—109.

⁵⁵ Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. VIII.

⁵⁶ «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I. СПб., 1904, стр. 16.

⁵⁷ Ф. В. Плесовский. Коми мойдъяс, сьланкивьяс за пословицаяс. Сыктывкар, 1956, стр. 193—197.

⁵⁸ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 299—319.

⁵⁹ А. М. Астахова. Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. М.—Л., 1938, стр. 544.

и Святогор», «Илья Муромец и Сокольник», «Камское побоище». Гораздо реже встречаются сюжеты, связанные с другими богатырями: «О неудачной женитьбе Алеши Поповича на жене Добрыни», «Добрыня и Змей», «Добрыня и поляница», а также сюжет былины о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче.

Первым по значению иноязычных пересказов былевых сюжетов для истории русского эпоса указал А. Н. Веселовский, приведший в одной из своих работ три финские сказки об Илье Муромце⁶⁰. В. Ф. Миллер в очерке «К былинам об Илье Муромце» подробно рассмотрел двадцать русских и иноязычных сказок об Илье Муромце в их отношении к былинным, к лубочным и прозаическим сказкам⁶¹. Сравнив сказки по содержанию, стилю, отдельным деталям, он пришел к ряду выводов, касающихся происхождения этих сказок и отдельных мотивов, заключенных в них. В. Ф. Миллер в этой работе впервые обратил внимание на то, что «большим богатством содержания отличаются те сказки об Илье, которые записаны либо в местах, соседних с главным очагом нашего былинного эпоса, либо в таких, куда в прежние времена проникали былины»⁶².

Обстоятельное исследование о сказках на былинные сюжеты проведено А. М. Астаховой⁶³. Один из разделов ее книги посвящен сказкам и преданиям о богатырях русского эпоса в фольклоре неславянских народов⁶⁴. А. М. Астахова рассматривает сказки с точки зрения их художественной природы, сочетания в них особенностей эпического и сказочного повествования, соотношения идейного содержания сказок с идеологией героического эпоса. Автор показывает также национальное своеобразие сказок, возникшее в результате их бытования в среде карелов, коми, латышей и других народов. Хотя А. М. Астахова ставит основной задачей решение вопросов об идейном содержании этих сказок, соотношения в них эпического содержания со сказочным⁶⁵, материал, приводимый ею, может быть использован и для суждения о географическом распространении этих сказок⁶⁶.

Для составления карты, показывающей географическое распространение иноязычных сказок и былины (стр. 73), я воспользовалась картодиаграммой, показывающей распределение очагов былинного творчества в России в конце XIX — начале XX в.

На карте штриховкой отмечены народности, среди которых

⁶⁰ А. Н. Веселовский. Мелкие заметки к былинам. ЖМНП, 1890, март.

⁶¹ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 362—413.

⁶² Там же, стр. 381.

⁶³ А. М. Астахова. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.—Л., 1962.

⁶⁴ Там же, стр. 72—113.

⁶⁵ Там же, стр. 76.

⁶⁶ Конечно, желательно составить карту, в которой указывалось бы место записи и число записанных сказок, но для этого требуется специальная работа в ряде национальных архивов, так как многие сказки и предания

были записаны произведения на былинные сюжеты, причем простой штриховкой обозначены народности, у которых зафиксированы сказки и предания об эпических богатырях. В числе их — эстонцы, латыши, карелы, финны, коми, удмурты, марийцы, чуваша, мордва. Сложной штриховкой обозначены те из этих народов, у которых, помимо прозаических произведений, обнаружены былины в классической стихотворной форме, исполнявшиеся на русском или на национальном языке. Характерно, что в числе таких народностей мы видим иноплеменных соседей русских в районах сильной эпической традиции — карелов, коми, ненцев. К тому же записанные у них сказки, как свидетельствует их текстологический анализ, представляют собой непосредственный пересказ былин, услышанных от русских⁶⁷⁻⁶⁸, тогда как богатырские сказки у других народностей, по всей вероятности, возникли не под непосредственным влиянием былин, а под воздействием уже сложившихся русских сказок и легенд⁶⁹. Кроме того, главным образом у этих народов, а также у финнов и якутов, помимо наиболее часто встречающихся сюжетов («Исцеление Ильи-сидня и получение им силы», «Илья Муромец и Соловей-разбойник»), распространение которых можно приписать лубку, записаны сказки с более редкими сюжетами: «Илья Муромец и Идолище», «Илья Муромец и Святогор», «Илья Муромец и Сокольник» и др. У карелов и коми записаны сказки о Добрыне Никитиче⁷⁰.

Очевидно, что обозначенные на карте народности расположены на границах былинного ареала. Неслучайно, что и в Сибири богатырские сказки записаны у эвенков и якутов, соседствующих с русскими в старожильческих районах, заселявшихся первоначально, как уже говорилось, выходцами с русского Севера, принесшими с собой былины.

Факт, что распространение сказок о богатырях русского эпоса непосредственно связано с очагами былинной традиции, служит лишним аргументом в пользу закономерности выделенного былинного ареала, так же как и закономерности отсутствия былин в районах, не входящих в былинный ареал.

Показательно также распространение сказок о богатырях былевого эпоса у латышей, эстонцев и финнов, соседивших в прошлом с новгородцами, и отсутствие подобных сказок у литовцев, соприкасавшихся непосредственно с белорусами, у которых, как известно, былевой эпос не был обнаружен.

о русских богатырях до сих пор не опубликованы. А. М. Астахова использует только часть архивных материалов. Однако, судя по тому, что оставшиеся неиспользованными архивные тексты записаны у тех же народностей, общая картина распространения интересующих нас произведений должна остаться той же.

⁶⁷⁻⁶⁸ А. М. Астахова. Указ. соч., стр. 75.

⁶⁹ Там же, стр. 84—85.

⁷⁰ Там же, стр. 95—107.

Все сказанное позволяет предположить, что дошедшие до нас былины являлись в прошлом достоянием Новгородской земли, откуда они позднее распространялись с переселенческим потоком. Иначе говоря, известную нам былинную традицию можно рассматривать как новгородскую интерпретацию русского эпоса.

Конечно, трудно представить, что песни о богатырях не звучали некогда в Киеве и других политических центрах Киевского государства. Слишком много (и в этом согласно большинство исследователей) в былинах исторических реалий, относящихся к эпохе Киевской Руси. Можно предположить, что по каким-то причинам эпос дольше сохранялся в Новгородской земле сравнительно с другими древнерусскими областями. Одну из причин, по-видимому, пужно искать в специфических условиях общественной жизни Новгорода Великого, способствовавших проникновению эпоса в крестьянскую среду. Именно крестьянство, как свидетельствует этнографический и фольклорный материал, всегда было тем социальным слоем, который сохранял древнейшие культурные традиции, зачастую первоначально восходящие к культуре городских слоев населения⁷¹.

В числе особенностей общественной жизни Новгорода можно указать на новгородскую дружину, в составе которой выделяются гриди. В последних некоторые исследователи видят членов городской общинной дружины, слагавшейся по образцу древней родовой сельской общины и имевшей в Новгородской земле больший вес, чем княжеская дружина⁷². Есть предположение, что в XII—XIII вв. гриди, осевшие на землю, вошли в состав средних землевладельцев⁷³.

Среди землевладельцев в Новгородской земле выделяется особая прослойка крестьян-собственников, известная под названием земцев или своеземцев, которая не встречается в других землях княжеской Руси. По роду занятий и размерам хозяйства своеземцы ничем не отличались от крестьян, но владели своими землями на правах полной собственности⁷⁴. «...Сельский класс

⁷¹ Кстати замечу, что факт отсутствия былин на Украине и в Белоруссии может свидетельствовать в пользу городского происхождения первоначального ядра былевого эпоса. Известно, что многие древние элементы крестьянской культуры украинцев и белорусов имеют немало общего с культурой русских, особенно северных областей (А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. «Советская этнография», 1946, № 1; Л. А. Дилцес. Историческая общность русского и украинского народного искусства. «Советская этнография», 1941, № 5; Д. К. Зеленин. Об исторической общности культуры русского и украинского народа. «Советская этнография», 1940, № 3).

⁷² И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, ч. I. М., 1876, стр. 554 и сл.; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 228; Р. С. Липец. Эпос и древняя Русь. М., 1969, стр. 115—119.

⁷³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 342.

⁷⁴ В. Ключевский. Курс русской истории, ч. II. М., 1912, стр. 102—105;

своеземцев образовывался преимущественно из горожан: это были не сельские обыватели, приобретавшие дворы в городах, а чаще горожане, приобретавшие земли в уезде»⁷⁵.

На те же особенности землевладения своеземцев как типичной формы древнего новгородского землевладения указывали и последующие исследователи, касавшиеся этого вопроса⁷⁶. О том, что своеземцы принимали участие в освоении северных владений Великого Новгорода, указывает ряд источников. За своеземцами числились земли в ряде погостов Заонежья⁷⁷. Двинские грамоты называют своеземцев среди крестьян-общинников⁷⁸.

Со своеземцами можно связывать мезенский обычай «круговых» праздников (подробно о нем говорилось выше), в котором важную роль играет сохраняющееся до сих пор представление о высоких и низких фамилиях, принадлежащих соответственно ранним и более поздним переселенцам на Мезень. Высота фамилии или рода часто ценилась выше богатства, например в выборе невесты. Прослеживается связь между представителями высоких фамилий и сказителями былины: большинство последних принадлежит к высоким фамилиям.

Можно предположить определенную роль своеземцев, занимавших промежуточное положение между городским и сельским населением Новгорода, в перенесении былевого эпоса в крестьянскую среду. Это предположение тем более вероятно, что общественная жизнь Новгорода носила демократический характер. «Вечевой строй..., ставший символом древнего Новгорода... делал возможным более широкий доступ к политической и общественной жизни республики трудовому населению, которое, в той или иной степени, вмешивалось во все новгородские государственные и экономические мероприятия... Своеобразие социально-политического строя древнего Новгорода отразилось и на развитии культуры. Новгородская культура охватывала широкие слои населения, благодаря чему она проникалась чертами подлинной народности в большей мере, чем в любой другой области Руси»⁷⁹.

Весьма вероятно, что все эти особенности социальной жизни Новгорода Великого, не свойственные другим древнерусским областям, и могли способствовать распространению былины в связанной с Новгородом крестьянской среде, перенесшей былевого эпос в освоённые Новгородом земли и сохранившей его, как и другие виды древнего новгородского искусства, до нашего времени.

М. К. Любавский. Древняя русская история до конца XVI в. М., 1918. стр. 184.

⁷⁵ *В. Ключевский.* Указ. соч., стр. 104.

⁷⁶ См. об этом: *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 52—53.

⁷⁷ *Е. Вулик.* К вопросу о своеземцах в составе Новгородского общества. ЖМНП, 1914, июль.

⁷⁸ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949, стр. 209, 224—225.

⁷⁹ *В. Л. Янин.* Великий Новгород. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 251.

Заключение

Подводя итоги проделанной работы, можно сказать, что метод картографирования дает возможность наглядно представить размещение былинных очагов в XIX — начале XX в. Карта распространения былины по всей России показывает, что былинные очаги сосредоточены главным образом в районах русского Севера, где область распространения былины образует четкий ареал. Это вовсе не весь русский Север, как неоднократно утверждалось в фольклористике, а часть его, именно северо-западная часть (если не считать северного побережья и центральных областей Кольского полуострова).

Установленный былинный ареал позволяет критически рассмотреть объяснения, которые выдвигались многими исследователями в качестве причины сохранения эпоса на Севере России (свобода и глушь, отсутствие просвещения, поэтическая одаренность, вера в чудесное).

Сопоставление былинного ареала с показаниями древних письменных источников, данных лингвистического анализа, антропологических и этнографических исследований позволяет связывать распространение былины только с продвижением новгородцев на Север. Там, где преобладали низовские переселенцы из Ростово-Суздальской и Московской земель, былины нет. Это позволяет сделать важный вывод, что к XIV—XV вв. (время усиленной крестьянской колонизации) в Ростово-Суздальской земле былины уже не было.

Данный вывод, а также тот факт, что былины в XIX в. не были обнаружены на большей части русской территории, в Белоруссии и на Украине, позволяет предположить, что к XIV—XV вв. былины не было на всей территории Руси, кроме Новгородской земли. В пользу такого заключения говорит анализ традиционного фольклора и в первую очередь исторических песен и дум. Все это в сочетании с тем фактом, что состав былевого эпоса восходит в целом к одному источнику, позволяет предположить, что известная нам былинная традиция является новгородской интерпретацией русского эпоса.

Определенные выводы можно сделать относительно хронологии былины. Согласно показаниям картографирования, былевой

эпос должен был сложиться ко времени усиленной крестьянской колонизации из Новгорода (XII—XIV вв.) и уж во всяком случае ко времени, когда эта колонизация прекратилась (XVI в.). Картографирование былинных сюжетов наглядно показывает региональные различия в эпическом наследии Севера, которые объясняются историей заселения разных районов. В связи с этим можно судить о времени проникновения на Север отдельных былинных сюжетов.

Картографирование былин помогает разрешению спорных вопросов, связанных с участием различных слоев общества в создании и распространении былин. Распределение скоморошин (как об этом свидетельствует карта) на окраинах былинного ареала говорит о сравнительно позднем пропикновении их на Север. Связь былевой традиции с крестьянской колонизацией, в том числе с ранними потоками последней, свидетельствует, что крестьянская среда должна была сыграть значительную роль если не в создании, то во всяком случае в развитии русского эпоса.

Таким образом, проделанная работа по картографированию былин позволяет убедиться в целесообразности применения метода картографирования в изучении эпоса.

Изучение географического распространения эпоса не только помогает решению ряда проблем в фольклористике, но и может оказаться полезным при исследовании истории заселения русского Севера. Еще сравнительно недавно среди этнографов и фольклористов сохранялось представление (в какой-то мере оно имеет место и теперь) о русском Севере как об области единой в этническом отношении. В материальной культуре характерным для нее считалось наличие у северных русских слитного домадвора на высокой подклети, в одежде — сарафанного комплекса. В области духовной культуры к числу наиболее ярких севернорусских особенностей относили богатую сказочную и былинную традицию.

Этнографические и антропологические исследования М. В. Витова, о которых говорилось выше, показали существование на Севере двух культурных зон: западной (Заонежье и Поморье) и восточной (бассейн верхней Двины с притоками), связанных с различными потоками русских переселенцев XII—XVII вв. — новгородским и ростовским. Наличие былинной традиции только в одной этнокультурной зоне (западной) подтверждает выводы исследователя.

Выводы о связи древних очагов былинной традиции с ранними потоками новгородских переселенцев позволяют возводить эти различия к довольно далекому прошлому, во всяком случае ко времени, когда началось освоение русскими Севера (XI—XII вв.).

Места записей былин

1 — места записей былин; 2 — предполагаемые места бытования былин

Приложения

МЕСТА ЗАПИСЕЙ БЫЛИН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Новолодожский уезд

Усанская волость

1. Конец (Гильфердинг).

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНИЯ

2. Олонецкая губерния (Рыбников, Барсов).

Лодейнопольский уезд

3. Лодейнопольский уезд (Рыбников).

Петрозаводский уезд

4. Петрозаводский уезд (Рыбников).

Ладвинская волость

5. Ладвинский погост.
6. Деревянский погост (Рыбников).

Кондопожская волость

7. Лукин остров.
8. Лижма.
9. Верхнезадняя (Шахматов).
10. Горка в Чорге-губе (Киреевский, Гильфердинг, Шахматов).
11. Кокорина в Мелой губе (Гильфердинг).

Великогубская волость

12. Курганицы (Киреевский, Гильфердинг).
13. Середка (Рыбников).
14. Боярщина (Рыбников, Барсов, Гильфердинг).
15. Оятевщина (Рыбников, Истомин и Дютш, Тихонравов и Миллер).
16. Великогубский погост (Рыбников).
17. Кижы (Рыбников, Тихонравов и Миллер).
18. Логмасы (Рыбников, Гильфердинг, Тихонравов и Миллер).

19. Конда (Киреевский, Гильфердинг, Истомин и Дютш, Шайжин).

20. Гарница.
21. Зяблые Нивы (Рыбников, Гильфердинг).
22. Леликово (Гильфердинг).
23. Сенногубский погост (Истомин и Дютш).
24. Космоозеро (Гильфердинг, Истомин и Дютш).
25. Шляминская на Волкоострове (Гильфердинг).
26. Горка.
27. Волкоостров (Рыбников, Гильфердинг).

Толвуйская волость

28. Черный наволок.
29. Типеницы (Гильфердинг).
30. Палтега (Шахматов).
31. Загубье (Гильфердинг).
32. Загорье (Гильфердинг, Шахматов).
33. Толвуйский погост (Истомин и Дютш).

Повенецкий уезд

Шунгская волость

34. Шунга (Марков, Маслов и Богословский).

Богоявленская волость

35. Масельга (Гильфердинг, Истомин и Дютш).

Мяндусельская волость

36. Кяменица (Рыбников).

Петровскоямская волость

37. Зубова (Гильфердинг).
38. Габь-Наволок (Истомин и Дютш).

39. Выгозерский погост (Гильфердинг).
- Пудожгорская волость*
40. Горка (Киреевский, Гильфердинг).
- Римская волость*
41. Рим (Гильфердинг).
- Пудожский уезд**
- Авдеевская волость*
42. Большой двор (Рыбников).
43. Костина (Гильфердинг).
44. Бураково (Рыбников, Гильфердинг).
45. Климово (Шайжиц).
46. Купецкий приход (Миллер).
47. Уная губа (Рыбников).
- Водлозерская волость*
48. Куганаволок.
49. Великостров.
50. Чуяла (Гильфердинг).
51. Большая Пога (Барсов, Гильфердинг).
52. Охтом-остров.
53. Пилмас-остров (Гильфердинг).
- Нигижемская волость*
54. Нигижемская волость (Шайжиц).
55. Шальский погост (Рыбников).
56. Ижгора (Шайжиц).
57. Равиная гора (Рыбников).
- Коловская волость*
58. Приход Кулгала (Барсов).
59. Ченежи (Рыбников, Гильфердинг, Шайжин).
- Колодозерская волость*
60. Пирзаковская (Рыбников, Гильфердинг).
61. Колодозеро (Рыбников).
- Почезерская волость*
62. Кузминка.
63. Дородницкая (Гильфердинг).
- Вершининская волость*
64. Рыжкова.
65. Суетинострв.
66. Усть-пога.
67. Рослякова.
68. Шуйлахта.
69. Якимова.
70. Немятова.
71. Горка.
72. Вершинина.
73. Заболотье (Гильфердинг).
74. Трихнова Гора (Тихонравов и Миллер).
75. Кенозерская (Гильфердинг).
- Шелтомская волость*
76. Кузнецова (Рыбников).
- Вытегорский уезд*
77. Вытегорский уезд (Рыбников)
- Андомская волость*
78. Саминский приход (Рыбников).
- Чернослободская волость*
79. Сойда (Тихонравов и Миллер).
- Макачевская волость*
80. Спасоматкозерский приход (Рыбников).
- Каргопольский уезд*
81. Каргопольский уезд (Рыбников).
- Александровская волость*
82. Плесский погост (Гильфердинг).
- Нифантовская волость*
83. Красноядский погост.
84. Полуборский погост (Рыбников).
- Ошевенская волость*
85. Ошевенск (Гильфердинг).
- Кенозерская волость*
86. Тамбицкая лахта.
87. Кривцова.
88. Поромска (Рыбников).
89. Мамонова (Рыбников, Гильфердинг).
90. Моша (Тихонравов и Миллер).
- Большесторонская волость*
91. Шаликушка (Миллер).
- Фатьяновская волость*
92. Орына.
93. Мелехинская.
94. Полинская (Гильфердинг).
- Лекимозерская волость*
95. Масельга (Гильфердинг).
- Канакшская волость*
96. Канакша (Гильфердинг).
- АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ**
97. Архангельская губерния (Киреевский).
- Шенкурский уезд**
98. Шенкурский уезд (Киреевский).

Архангельский уезд

99. Архангельский уезд (Киреевский).

Вознесенская волость

100. Шихиринское (Киреевский, Григорьев).

Золотицкая волость

101. Нижняя Зимняя Золотица.
102. Верхняя Зимняя Золотица (Марков; Марков, Маслов и Богословский, Миллер).

Онежский уезд

103. Онежский уезд (Киреевский).
104. Г. Онега (Киреевский, Гильфердинг, Истомина и Дютш).

Подпорожская волость

105. Камениха (Григорьев).

Ворзогорская волость

106. Ворзогоры (Григорьев).

Ниженская волость

107. Нименга (Киреевский).

Сумская волость

108. Сумский погост (Григорьев).

Кемский уезд

109. Кемский уезд (Гильфердинг).
110. Г. Кемь (Гильфердинг, Миллер).

Нюхотская волость

111. Нюхча (Григорьев).

Колежмская волость

112. Колежма (Григорьев).

Поньгамская волость

113. Гридино.
114. Вирьма (Марков).
115. Калгалакша (Киреевский).

Кандалакшская волость

116. Кандалакша (Марков, Маслов и Богословский; Миллер).
117. Федосеево (Марков, Маслов и Богословский).

Ковдская волость

118. Ковда (Марков, Маслов и Богословский).

Александровский уезд**Кузоменская волость**

119. Варзуга.
120. Кузомень (Марков, Миллер).

Тетринская волость

121. Чаванга (Марков).

122. Стрельна.**123. Чапома (Миллер).****124. Пялица (Марков, Миллер).****Понойская волость**

125. Поной (Миллер).

Умбская волость

126. Оленица (Марков, Миллер).

Пинежский уезд**Леуновская волость**

127. Петухово (Григорьев).

Юрольская волость

128. Першково (Григорьев).
129. Чушела.
130. Петрова Гора (Григорьев).

Подборская волость

131. Пильегоры (Григорьев).

Труфановская волость

132. Почезерье.
133. Печь гора.
134. Перемской погост.
135. Заозерье.
136. Концезерье.
137. Усть-Ежуга (Григорьев).

Михайловская волость

138. Чакола.
139. Вьегоры.
140. Пиринема.
141. Березник.
142. Курга (Григорьев).

Никитинская волость

143. Марьина гора.
144. Красное.
145. Жабья.
146. Кротово.
147. Лохново.
148. Карпова гора.
149. Немнога.
150. Киглахта.
151. Шатова гора.
152. Ваймуша.
153. Айнова гора.
154. Шардонема.
155. Еркино.
156. Кушкопала.
157. Кеврола.
158. Зальвьья (Григорьев).

Ярушевская волость

159. Веркола (Григорьев).

Тимошинская волость

160. Сульца (Григорьев).

Совпольская волость

161. Карьеполе.
162. Немнюга (Григорьев).
163. Г. Мезень (Тихонравов и Миллер).

Долгощельская волость

164. Долгая щель.
165. Нижа.
166. Сояла (Григорьев).

Дорогорская волость

167. Ламножня.
168. Дорогая гора.
169. Гимшелье (Григорьев).

Погорельская волость

170. Кузьмин городок.
171. Печище.
172. Кильца.
173. Погорелец.
174. Азаполье (Григорьев).

Юромская волость

175. Юрома.
176. Защелья.
177. Тиглява.
178. Малые Нисогоры.
179. Большие Нисогоры (Григорьев).

Койденская волость

180. Ручьи.

181. Мегра.

182. Кеда (Григорьев).

Лешуконская волость

183. Смоленец.
184. Пылема (Григорьев).

Несская волость

185. Гришино (Григорьев).

Пустозерская волость

186. Великая Виска.
187. Пылемец.
188. Куя.
189. Нарыга (Ончуков).

Усть-Цилемская волость

190. Замежное.
191. Аврамовская.
192. Боровая.
193. Усть-цильма.
194. Рощинский ручей.
195. Уег.
196. Верхнее Бугаево.
197. Среднее Бугаево (Ончуков).

ВОЛОГОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Тотемский уезд

Бережнослободская волость

198. Раменская (Истомин и Дютш).

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ МЕСТА БЫТОВАНИЯ БЫЛИН

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНИЯ

Олонецкий уезд

Важинская волость

199. Еконда (Шайжин).

Мягусовская волость

200. Степановская (Шайжин).

Повенецкий уезд

Петровскоямская волость

201. Вожмосалма (Григорьев).

Петрозаводский уезд

Великогубская волость

202. Артовская.
203. Денисова.
204. Картаново (Барсов).
205. Клементьевская.
206. Букольникова (Шайжин).

Каргопольский уезд

Александровская волость

207. Конево.
208. Корельская (Григорьев).

Кенорецкая волость

209. Степановская.
210. Максимовская (Шайжин).

Ловжинская волость

211. Захаровская (Григорьев).

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Архангельский уезд

Кехотская волость

212. Чухарева.
213. Чавакина (Григорьев).

Александровский уезд

Тетринская волость

214. Тетрино (Григорьев, Марков, Маслов и Богословский).

Онежский уезд

Кокоринская волость

215. Андозеро (Григорьев).

Кушерецкая волость

216. Унежма (Григорьев).

Кяндская волость

217. Кянда (Григорьев).

Талицкая волость

218. Покровское (Григорьев).

Шенкурский уезд

Усть-Паденгская волость

219. Усть-Паденга (Григорьев).

Пинежский уезд

Леуновская волость

220. Горка.

221. Чуга (Григорьев).

Подборская волость

222. Великий двор.

223. Крылова гора.

224. Ревпола (Григорьев).

Труфановская волость

225. Торома.

226. Прилуцкая.

227. Усть-Поча.

228. Вихтово.

229. Труфана гора (Григорьев).

Ярушевская волость

230. Лавела (Григорьев).

Мезенский уезд

Койденская волость

231. Койда.

232. Майда (Григорьев).

Дорогорская волость

233. Заозерье.

234. Кимжа.

235. Бычье.

236. Лобановская (Григорьев).

Погорельская волость

237. Черсова гора.

238. Мелагора (Григорьев).

Юромская волость

239. Кеслома.

240. Копылиха.

241. Шилиева.

242. Березник (Григорьев).

Лешуконская волость

243. Ценогоры.

244. Усть-Вашка (Григорьев).

Пустозерская волость

245. Сонка.

246. Лабазская.

247. Устье.

248. Голубково.

249. Оксино.

250. Тельвиска (Ончуков).

Усть-Цылемская волость

251. Алексаева.

252. Большая Нерица.

253. Полушина.

254. Шелина.

255. Росвинская.

256. Ховрина.

257. Климовка.

258. Чурвинская.

259. Крестовский выселок (Ончуков).

ВОЛОГОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Сольвычегодский уезд

Гавриловская волость

260. Демьяновская (Григорьев).

Таблица 1

Число героических былин, приходящихся на уезд

№ п.п.	Губерния, область	Уезд, округ	Число былин	№ п.п.	Губерния, область	Уезд, округ	Число былин
1	Петербургская	Новоладожский	1	27	Тульская	Алексинский	1
2		Лодейнопольский	2	28	Рязанская *		1
3	Олонецкая	Петрозаводский	76	29	Орловская	Малоархангельский	1
4		Повенецкий	24	30	Симбирская	Симбирский	6
5	Архангельская	Пудожский	90	31		Сызранский	6
6		Вытегорский	9	32		Корсунский	9
7	Архангельская	Каргопольский	25	33	Воронежская	Землянский	1
8		Шенкурский	5	34	Самарская	Самарский	1
9	Архангельская	Архангельский	80	35	Саратовская	Петровский	4
10		Онежский	8	36		Хвалынский	1
11	Владимирская	Кемский	22	37		Саратовский	1
12		Александровский	36	38	Донская обл.	I. Донской округ	6
13	Вологодская	Пинежский	71	39		II. Донской округ	4
14		Мезенский	170	40		Усть-Медвединский округ	2
15	Вологодская	Печорский	61	41	Терская обл.	Кизлярский округ	12
16		Тотемский	1	42		Грозненский округ	3
17	Новгородская	Кирилловский	2	43	Пермская	Соликамский	1
18		Белозерский	1	44		Кунгурский	2
19	Владимирская	Валдайский	1	45	Уфимская	Мензелинский	2
20		Новгородский	1	46		Уфимский	1
21	Владимирская	Юрьевский	1	47	Уральская *		8
22		Московская	5	48	Оренбургская	Оренбургский	8
23	Нижегородская	Московский	2	49	Енисейская	Енисейский округ	9
24		Коломенский	7	50		Минусинский округ	1
25	Калужская	Горбатовский	1	51		Ачинский округ	1
26		Боровский	1	52	Томская	Бийский округ	6
				53		Барнаульский округ	23
				54	Иркутская	Иркутский	2
				55	Якутская	Верхоянский	4
				56		Пижнеколымский	11

* — уезд, в котором произведена запись, не указан, и установить его невозможно.

Таблица 2

Число эпических песен, приходящихся на волость (Север Европейской России)

№ п. л.	Место записи	Число записей	Число сюжетов	Героические былины	Былины-повел- лы	Баллады	Былины на ска- зочные сюжеты	Скоморошины	Породни и не- былицы	Старшие исто- рические песни	Былины на местные темы	Духовные сти- хи	Алеша Попович и Илья Муро- меч	Алеша Попович и сестра Петро- вичей	Алеша Попович и Тугарин	Василий Бусла- ев	Василий Иг- натьевич	Вольга и Ми- кула
	<i>Петербургская губ.</i>																	
1	Новоладожский у.	3	3	1	2											1		
2	Усанская вол.	2	2		1	1												
3	<i>Олонецкая губ. *</i>	2	2		1													
4	Лодейнопольский у. *	3	2	2	1													
5	Петрозаводский у. *	1	1			1												
6	Ладвинская вол.	5	4			1			4									
7	Кондопожская вол.	15	12	2	9	2				2								
8	Великогубская вол.	146	51	66	46	13	2		3	15	1				2	4	2	5
9	Толвуйская вол.	16	9	10	6											1	1	1
	<i>Повенецкий у.</i>																	
10	Шунгская вол.	1	1			1												
11	Богоявленская вол.	10(1)**	7			3	5(1)	1								1		
12	Мяндусельская вол.	7	7	2	3					2								
13	Петровскоямская вол.	18	14	11	3	1				3							1	
14	Пудожгорская вол.	15	15	8	4					2	1							1
15	Римская вол.	9(2)	8	2	7(2)												1	
	<i>Пудожский у.</i>																	
16	Авдеевская вол.	27	20	15	6	1	1	1		3						2		1
17	Водлозерская вол.	21	11	11	8				2								1	1
18	Нигижемская вол.	17	12	9	7					1						3		1
19	Коловская вол.	14	11	7	6					1								
20	Колодозерская вол.	16	13	11	5											1		
21	Почезерская вол.	8(2)	8(2)	4	(2)	2												
22	Вершининская вол.	63(11)	28(1)	23(1)	23(8)	7(2)		1	2	5						3	2(4)	1
	<i>Шелтомская вол.</i>																1	1
		12	11	9	2				1									

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Место записи	Волх Всеслав-евич	Глеб Володьевич	Данила Игнатьевич и его сын	Данила Ловчанин	Добрыня и Алена	Добрыня и Василии Казимирович	Добрыня и Дунай	Добрыня и Змей	Добрыня и Маринка	Добрыня и Настасья Микулична	Дунай	Дюк Степанович	Иван Годинович	Иван Гостиный сын	Илья Муромец в соре с князем Владимиром	Илья Муромец и голя кабацкие	Илья Муромец и Добрыня	Илья Муромец и Идолице	Илья Муромец и Калин-царь
1	<i>Петербургская губ.</i>																			
2	Новоладожский у.					1														1
3	Усанская вол.												1							
4	<i>Олонецкая губ. *</i>																			
5	Лодейнопольский у. *												1							
6	Петрозаводский у. *																			
7	Ладвинская вол.					2				1			1							
8	Кондопожская вол.					10	1		5	2		9	6	2	2	1			4	7
9	Великогубская вол.	1				3						3								
10	Толвуйская вол.																			
11	Повенецкий у.																			
12	Шунгская вол.					1							1							
13	Богоявленская вол.			1									1						2	
14	Мяндусельская вол.			1		1			1				1	3					1	
15	Петровскоямская вол.					1			1	1			1						1	
16	Пудожгорская вол.	1				(2)			(1)	2(1)			1						2	1
17	Римская вол.				1	3						1	1	1		1			1	1
18	Пудожский у.					5					1		3	1					1	1
19	Авдеевская вол.					1						1	2						1	2
20	Водлозерская вол.	1				1						1	1	2					1	1
21	Нигижемская вол.					3							1						1	2
22	Коловская вол.									1			1	2					1	1
23	Колодозерская вол.					(1)							4(1)	1			4		1	1
24	Почезерская вол.					5(1)			2	7(2)			1						1	1
25	Вершининская вол.								2				1							
26	Шелтомская вол.								2				1							

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Место записи	Илья Муромец и разбойники	Илья Муромец и Святогор	Илья Муромец и Соловей-Разбойник	Илья Муромец и сын	Илья Муромец, три поездочки	Испеление Илья Муромца	Казарин	Калика-богатырь	Камное иоблице	Королевичи из Крынова	Михайло Потык	Наезд литовцев	Садко	Сватовство Идолица	Святогор	Соловей Будимирович	Сорок калик	Старр Годинович	Сухман	Туры	Хотен Блудович	Молодость Чурилы	Чурила и неверная жена	
1	Петербургская губ.																								
2	Новоладожский у.																								1
3	Усанская вол.																								
4	Олонецкая губ. *																								
5	Людейнопольский у. *																								
6	Петрозаводский у. *																								
7	Ладвинская вол.																								
8	Кондопожская вол.		2	4	2	1			1	1	4	4	1	3				2	7				1	1	4
9	Великогубская вол.											2	1				2								2
10	Толвуйская вол.																								
11	Повенецкий у.																								
12	Шунгская вол.																								
13	Богоявленская вол.					1																			1
14	Мяндусельская вол.					1					1	1	1			1									1
15	Петровскоямская вол.		1	1								1	1	1		1			1						1
16	Пудожгорская вол.																		2						1
17	Римская вол.																		2						1
18	Пудожский у.																		2						1
19	Авдеевская вол.											1	1						2						1
20	Водлозерская вол.								1		1		1						2						1
21	Нигижемская вол.	1											1	1					2						1
22	Коловская вол.												1	1				1			1				1
23	Колодозерская вол.		1			2						1	1	1				1							1
24	Почезерская вол.										1														(1)
25	Вершининская вол.		1														1								4(2)
26	Шелтомская вол.												1												1

Т а б л и ц а 2 (продолжение)

№ п.п.	Место записи	Число записей	Число сюжетов	Героические былины	Былины-повел- лы	Баллады	Былины на ска- зочные сюжеты	Скоморошины	Породни и не- былицы	Старшие исто- рические песни	Былины на местные темы	Духовные сти- хи	Алеша Попович и Илья Муромец	Алеша Попович и сестра Петро- вичей	Алеша Попович и Тугарин	Василий Бусла- ев	Василий Иг- натьевич	Вольга и Ми- кула
23	Вытегорский у. *	1	1									1						
24	Андомская вол.	7	7	4	3												1	
25	Чернослободская вол.	2	2	2														
26	Макачевская вол.	1	2	1								1						
27	Каргопольский у. *	3	3	1	2													
28	Александровская вол.	8	8	3	5													
29	Нифантовская вол.	9	9	5	4											1	1	
30	Ошевенская вол.	2	2	1				1										
31	Кенозерская вол.	20(3)	18(2)	7(1)	6(2)	3			1	3						2	1	1
32	Моша вол.	1	1	1	1													
33	Большесторонская вол.	2	2	1	1													
34	Фатьяновская вол.	10	10	3	5	1				1								
35	Лекшмозерская вол.	4	4	1	2				1									
36	Канакшская вол.	2(1)	2(1)		(1)					1	3							
37	Архангельская губ. *	6	5			1				5								
38	Шенкурский у. *	11	7	3	2	1										2		
39	Г. Шенкурск	5	5	1	3	1								1				
40	Архангельский у. *	6	5	6														
41	Вознесенская вол.	4	4	2	1			1								1		
42	Зологицкая вол.	129(32)	54	72(17)	28(7)	13(6)	2		5(1)	5(1)		4		1	2	1	2	
43	Онежский у. *	1	1	1														
44	Г. Онега	8	8	5	1	2												
45	Подпорожская вол.	4	3	2	1	1												
46	Ворзогорская вол.	1	1			1												

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Место записи	Волх Всеславьевич	Глеб Володьевич	Данила Игнагевич и его сын	Данила Ювчанин	Добрыня и Аляша	Добрыня и Василий Казимирович	Добрыня и Дунай	Добрыня и Эмей	Добрыня и Маринка	Добрыня и Настасья Микулична	Дунай	Дюк Степанович	Иван Годинович	Иван Гостиный сын	Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром	Илья Муромец и голи кабацкие	Илья Муромец и Добрыня	Илья Муромец и Идоллице	Илья Муромец и Калиц-царь
23	Вытегорский у. *																			
24	Апдомская вол.					1			1											
25	Чернослободская вол.																			
26	Макачевская вол.																			
27	Каргопольский у. *																			1
28	Александровская вол.					1							1				1			
29	Нифантовская вол.					1			1	1			1	1						
30	Ошевенская вол.																			
31	Кенозерская вол.					(1)						1	2(1)	1			1			1
32	Моша вол.									1										
33	Большесторонская вол.									1							1			
34	Фатьяновская вол.					2				1					1					1
35	Лекшмозерская вол.				1					1			1							
36	Канакшская вол.									(1)										
37	Архангельская губ. *																			
38	Шенкурский у. *																			
39	Г. Шенкурск									1										
40	Архангельский у. *																			
41	Вознесенская вол.															1				2
42	Золотницкая вол.	2(1)	2	1	1	7(3)	1	1	5(3)		2	6(3)	7(2)	3(1)		1		6(1)	2	1
43	Онежский у. *															1				
44	Г. Онега					1			1			1								
45	Подпорожская вол.					1														
46	Ворзогорская вол.																			

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Место записи	Илья Муромец	Илья Муромец	Илья Муромец	Илья Муромец	Илья Муромец,	Исцеление	Казарин	Калика-бога-	Камское побой-	Королевичи из	Михайло Потык	Насед литовцев	Садко	Сватовство	Святогор	Соловей Буди-	Сорок калик	Ставр Годино-	Сухман	Туры	Хотен Блудо-	Молодость	Чурилы	Чурилы и невер-	
		и разбойники	и Святогор	и Соловей-Раз- бойник	и сын	три поездочки	Илья Муромца			тырь	ще	Крякова				Идолица		мирович		вич		вич	Чурилы		ная жена	
23	Вытегорский у. *																									
24	Андомская вол.																1			1					1	
25	Чернослободская вол.				1					1																
26	Макачевская вол.															1										
27	Каргопольский у. *																									
28	Александровская вол.				1	1											1					1		1	1	
29	Нифантовская вол.			1								1													1	
30	Ошевенская вол.																									
31	Кенозерская вол.						1																			
32	Моша вол.																									
33	Большесторонская вол.																									
34	Фатьяновская вол.						1															1			1	
35	Лекшмозерская вол.																					1				
36	Капакшская вол.																									
37	Архангельская губ. *																									
38	Шенкурский у. *					1																				
39	Г. Шенкурск				1																					
40	Архангельский у. *				1	1																				
41	Вознесенская вол.				1	1												1								
42	Золотицкая вол.	3	1	6(2)	2		2(1)	7(2)		4(1)		3(1)		2	4		1	4(1)							7(3)	
43	Онежский у. *																									
44	Г. Онега				1	1																1				
45	Подпорожская вол.				2																					
46	Ворзогорская вол.																									

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Место записи	Число записей	Число сюжетов	Героические былины	Былины-новеллы	Валлады	Былины на сказочные сюжеты	Скоморошины	Пародии и небылицы	Старшие исторические песни	Былины на местные темы	Духовные стихи	Алеша Попович и Илья Муромец	Алеша Попович и сестра Петровица	Алеша Попович и Тугарин	Василий Буслав	Василий Игнатьевич	Вольга и Микула
47	Нименгская вол.	1	1	1														
48	Сумская вол.	1	1	1														
49	Кемский у. *	8	8	3	2	2				1								
50	Г. Кемь	1	1	1														
51	Нюхотская вол.	6	4	1		4						1						
52	Колежмская вол.	27(4)	17(3)	9(1)	4(1)	9				3		(2)						
53	Поньгамская вол.	26	19	17	4	5					1							
54	Кандалакшская вол.	7(3)	5	3(1)		4(2)												
55	Ковдская вол.	5	5	3		1				1								
	Александровский у.																	
56	Кузоменская вол.	45(15)	20(1)	18(2)	4	17(11)	3			3(2)								
57	Тетринская вол.	42	35	17	8	9	1			5		2		1				
58	Понойская вол.	2	2			1	1											
59	Умбская вол.	4	4	1	1					2								
	Пинежский у.																	
60	Леуновская вол.	2	2	2														
61	Юрольская вол.	14	10	4	4	5									2	1		
62	Подборская вол.	4	3	2	1	1								1				
63	Труфановская вол.	44	22	13	4	18		2	2	4		1		3				
64	Михайловская вол.	21	11	2	8	9			1	1				7				1
65	Никитинская вол.	78(4)	19	22(1)	3	46		3	1	2		3			2			
66	Ярушевская вол.	1	1		1													
67	Тимошинская вол.	1	1	1										1				
68	Совпольская вол.	31	19	24	3			2	2									4

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Место записи	Волх Всеславьевич	Глеб Володьевич	Данила Игнатьевич и его сын	Данила Ловчанец	Добрыня и Алевша	Добрыня и Василий Казимирович	Добрыня и Дунай	Добрыня и Змей	Добрыня и Маринка	Добрыня и Настасья Микулична	Дунай	Дюк Степанович	Иван Годинович	Иван Гостинный сын	Илья Муромец в споре с князем. Вла димиром	Илья Муромец и голи кабацкие	Илья Муромец и Добрыня	Илья Муромец и Идолице	Илья Муромец и Калин-царь
47	Нижегородская вол.			1																
48	Сумская вол.																			
49	Кемский у.														1					1
50	Г. Кемь											1								
51	Нюхотская вол.																			
52	Колежмская вол.					1			1			2(1)								
53	Поньгамская вол.			1					1					1						
54	Кандалакшская вол.																		1	1
55	Ковдская вол.								1											
	Александровский у.																			
56	Кузоменская вол.			3		3			3(2)				3	1	3					
57	Тетринская вол.			1		3			1				1	2						2
58	Понойская вол.																			
59	Умбская вол.												1	1						
	Пинежский у.																			
60	Леуновская вол.											1								
61	Юрельская вол.					2			2		1									
62	Подборская вол.																			
63	Труфановская вол.								2			1						1	2	1
64	Михайловская вол.					1												1		
65	Никитинская вол.													1	3			1	3	
66	Ярушевская вол.																	1		
67	Тимошинская вол.																	3		
68	Совпольская вол.			1	2	1		2	1			3	2	1				3		

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Место записи	Илья Муромец	Илья Муромец	Илья Муромец	Илья Муромец	Илья Муромец,	Испеление	Казарин	Калика-бога-	Камское побои-	Королевичи из	Михайло Потык	Наезд литовцев	Садко	Святовство	Святогор	Соловей Буди-	Сорок калик	Ставр Годино-	Сухман	Туры	Хотен Блудо-	Молодость	Чурилы	Чурила и невер-
		и разбойники	и Святогор	и Соловей-Разбойник	и сын	три поездочки	Ильи Муромца		тырь	ще	Крыкова				Идолица	мирович	вич					вич	Чурилы	ная жена	
47	Нижегородская вол.																								
48	Сумская вол.																								
49	Кемский у. *			1										1											
50	Г. Кемь																	1							
51	Нюхотская вол.													(1)											
52	Колежская вол.			2	2			1									1								
53	Поньгамская вол.	2		1	1			3																	
54	Кандалакшская вол.							(1)																	
55	Ковдская вол.							1				2													
	Александровский у.																								
56	Кузоменская вол.				1			1									1								
57	Тетринская вол.				1	1		3				1		1						1					1
58	Понойская вол.																								
59	Умбская вол.																								
	Пинежский у.																								
60	Леуновская вол.																								
61	Юрельская вол.				1																				
62	Подборская вол.							2																	1
63	Труфановская вол.							5																	
64	Михайловская вол.				1																				
65	Никитинская вол.	8			1																				
66	Ярушевская вол.																								
67	Тимошинская вол.																								
68	Совнольская вол.	1			1									1											1

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Место записи	Число записей	Число сюжетов	Героические былины	Былины-новел- лы	Баллады	Былины на ска- зочные сюжеты	Скоморошины	Пародии и не- былицы	Старшие исто- рические песни	Былины на местные темы	Духовные сти- хи	Алеша Попович и Илья Мур- омец	Алеша Попович и сестра Стегро- вичей	Алеша Попович и Тугарин	Василий Бусла- ев	Василий Иг- натьевич	Вольга и Ми- кула
69	Мезенский у. Г. Мезень	6	6	5	1													
70	Долгощельская вол.	80(25)	27(1)	62(19)	13(5)	1						4(1)					3(2)	
71	Дорогорская вол.	75(28)	27(1)	45(16)	16(7)	4(2)			4			6(3)		1	4(2)		7(3)	
72	Погорельская вол.	40(5)	25	23(2)	9(2)	3			3(1)			2			2		3(1)	
73	Юромская вол.	30(8)	20(1)	20(4)	3(2)	5(1)			2(1)						(1)		(1)	
74	Койденская вол.	2	2	1		1												
75	Кеды (Кеда) вол.	13(6)	9(3)	10(5)	2(1)	1											2(1)	
76	Лешуконская вол.	6	6	5		1												
77	Неская вол. Печорский у.	5	5	4	1													
78	Пустозерская вол.	57(29)	36(12)	26(16)	18(10)	2			2	6(1)		3(2)		1	1	5	2(1)	
79	Устьцылемская вол. Вологодская губ.	79(17)	43(1)	36(9)	23(7)	3	4(1)		5	3	4	1		1	1	3	3	
80	Тотемский у. Бережнослободская вол.	1	1	1														

Таблица 2 (продолжение)

№ п.п.	Место записи	Волх Всеставь-евич	Глеб Володьевич	Данила Игнатъевич и его сын	Данила Ловчанин	Добрыня и Алеша	Добрыня и Василий Казимирович	Добрыня и Дунай	Добрыня и Змей	Добрыня и Маринка	Добрыня и Настасья Минкулича	Дунай	Дюк Степанович	Иван Годикович	Иван Гостиный сын	Илья Муромец в споре с князем Владимиром	Илья Муромец и голи кабацкие	Илья Муромец и Добрыня	Илья Муромец и Идолнице	Илья Муромец и Кашин-царь
69	Мезенский у.																			
70	Г. Мезень												1							
71	Долгощельская вол.			4	5	4		6(2)	2	1	1	7(3)	6(2)	5(1)					2	3(2)
72	Дорогорская вол.			2	2(1)	4		6(3)	2			7(4)	(1)							
73	Погорельская вол.					5(1)	2		3(1)	2		1							1	2
74	Юромская вол.					3(1)		2				3(1)		1						1
75	Койденская вол.					(1)		(1)		1		1							1	
76	Кеды (Кеда) вол.						1					(1)								1
77	Лешуконская вол.				1							1		1						
78	Неская вол.											1								
79	Печорский у.																			
80	Пустозерская вол.	1				2(1)	(1)	(2)	(1)	(1)		3(2)	(1)	2(1)						
	Устьцылемская вол.				2(1)		1	2(1)	1	3(1)		3(2)	3(2)		1	1	1		1	
	Вологодская губ.																			
	Тотемский у.																			
	Бережнослободская вол.																			

Таблица 2 (окончание)

№ п.п.	Место записи	Илья Муромец	Илья Муромец	Илья Муромец	Илья Муромец	Илья Муромец,	Исклечение	Каварин	Калика-бога-	Камское побой-	Королевичи из	Михайло Потык	Наезд литовцев	Садно	Сватовство	Святотор	Соловей Будимирович	Сорок калик	Ставр Годино-	Сухман	Туры	Хотен Блудо-	Молодость	Чурилы	Чурила и цепен-
		и разбойники	и Святогор	и Соловей-Разбойник	и сын	три поездочки	Илья Муромца		тырь	ще	Крынова				Идолница		мирович	вич			вич			чурилы	цай жена
69	Мезенский у.				1																				
70	Г. Мезень	2		6(4)	3	1				1		2		(2)			1	9(5)		1					1
71	Долгощельская вол.	1		2(1)	4(1)			3(1)		1		1					3(2)	1		1		4(3)			3(1)
72	Дорогорская вол.	1	1	1	4			2								1									
73	Погорельская вол.				2(1)			2		2		1			2	(1)		(1)							
74	Юромская вол.																	(1)							
75	Койденская вол.				2							1						(1)							
76	Кеды (Кеда) вол.				1	1																			
77	Лешуконская вол.	1	1	1	1	1						1										1			
78	Несская вол.											1													
78	Печорский у.				(2)			1				(3)		2	1			(2)	(1)			(2)			(2)
78	Пустозерская вол.				2	4(2)	2	1		2(1)		2(1)	2	3			1	2(1)	2(1)			2			3(1)
79	Устьцылемская вол.	2		2													1	2(1)	2(1)						
79	Вологодская губ.																								
80	Тотемский у.																								
80	Бережнослободская вол.																								

* Волость, в которой произведена запись, не указана и установить ее невозможно.

** В скобках указаны эпические песни (из общего числа), не записанные собирателями, но известные сказителям.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Обзор и систематизация материала	10
Глава 2. Географическое распространение былин в пределах всей России . . .	20
Глава 3. Особенности и причины локализации былин на русском Севере	33
Глава 4. К вопросу о хронологии былин . .	78
Заключение	93
Приложения	95